

И
И

Скальпель Оккама

Библиотека
журнала
«Иностранная
литература»

Сборник
зарубежной
фантастики

Скальпель Оккама

Библиотека
журнала
«Иностранная
литература»

Скальпель Оккама

Сборник
зарубежной
фантастики

*Составление
Ростислава Рыбкина*

*Предисловие
Еремея Парнова*

Москва
«Известия»
1985

Сб 3
С 42

Главный редактор Н. Т. Федоренко

Рецензент Е. Парнов

Обложка художника Н. Ящука

© Составление, перевод на русский язык, предисловие, оформление издательство «Известия», журнал «Иностранная литература», 1985.

Песок и ветер

Размышляя о будущем, мы невольно возвращаемся к прошедшему, ищем опоры в памяти, прикидая к далеким истокам как к неким живительным родникам.

Всякий раз, когда заходит речь о деяниях неразумных, вызванных неспособностью постичь ту или иную систему причинно-следственных связей, я вспоминаю вещи строки «Дхаммапады»:

И неожиданным ответом
К ним возвращается назад
Бездумно брошенный по ветру
Песок. И ранит им глаза.

О том, как это происходит в реальной жизни, наглядно свидетельствует печальная история о дихлордифенилтрихлорметилметане. Это соединение с мудреным наименованием известно всем и каждому. Дабы не интриговать без нужды, сократим научное его название до общеупотребительного ДДТ.

Впервые этот наиболее популярный из всех существующих пестицидов был синтезирован еще в 1874 году, но только в 1937 году швейцарец П. Мюллер открыл его инсектицидные свойства, за что год спустя и получил Нобелевскую премию.

Но не прошло и четверти века, как употребление ДДТ оказалось приостановленным во многих странах мира. Не было ни взрывов, ни аварий, ни пожаров, столь характерных для страниц научной фантастики, а потому последствия всемирной, без преувеличения, катастрофы стали ясны только через два десятилетия. Напомним ее основные вехи.

Шведская академия отнюдь не преувеличила заслуги Мюллера. ДДТ в борьбе с паразитами не имел себе

равных. В первые годы казалось, что возбудителям сыпного тифа, энцефалита и малярии пришел конец. Применение инсектицида спасло жизнь десяткам миллионов людей. Не менее эффективен оказался препарат и при охране плантаций и нив. Защитив хлопок от долгоносика, ДДТ способствовал двукратному росту урожайности.

И все-таки чудо обернулось бедствием. Уничтожая вредителей, бесцветные, практически не растворимые в воде кристаллы только наращивали свою истребительную деятельность. С полей и садов они проникли в реки, чтобы продолжить свой путь в морях и океанах. Унесенные ветром, белой пылью опали на листья и лепестки. По подсчетам ученых, две трети из полутора миллионов тонн ДДТ, произведенных за четверть века, бесконтрольно ушли в биосферу. Миллион тонн, миллиард килограммов, триллион граммов, несусветное число смертельных микродоз...

Ныне ДДТ легко обнаруживается в каждом живом существе, обитающем в воде, на земле и в воздухе. Особенно наглядно последствия его непродуманного применения дали о себе знать на острове Калимантан. После обработки территории инсектицидом ящерицы устроили настоящее пиршество из мертвых бабочек, кузнечиков, мух и, разумеется, тоже пали жертвами яда. На них набросились змеи и кошки, чтобы погибнуть в свою очередь. Зато для крыс «операция ДДТ» обернулась поистине благодеянием. Лишившись своих естественных врагов, они размножились в таком количестве, что не только пожрали все запасы продовольствия, но и привели к взрыву эпидемий среди людей. Бумеранг замкнул круг. Песок вернулся...

Были и другие последствия, не столь, может быть, наглядные. Стал непригоден для еды лосось, обитающий в озере Мичиган. Оказались обреченными на вымирание из-за нарушения кальциевого обмена белошейные орланы и соколы-сапсаны. Яйца, которые они откладывали, стали настолько хрупкими, что их скорлупа крошилась задолго до того, как проклевался птенец. Не обошла беда и людей. По американским данным, содержание

ДДТ в материнском молоке в 2—3 раза превысило допустимый уровень.

Пестицид дал знать о себе повсюду. Он проник даже в организм антарктических пингвинов, которые, как известно, питаются рыбой. И тогда люди забили тревогу. После того как в уловах сельди было зарегистрировано присутствие яда, шведы на несколько лет наложили запрет на его применение. Голландцы и датчане полностью сняли ДДТ с производства. Советский Союз обратился к Прибалтийским странам с предложением срочно разработать меры по очистке от него моря. Если удастся спасти Балтику, будет осуществлена и обширная международная программа по спасению океана. Дело в том, что за угрозой жизни рыб и птиц притаилась беда всей биосферы. Опасность не только в том, что человек, замкнув на себя великие пищевые цепи природы, все в больших количествах потребляет обитателей воздуха и воды. Гораздо страшнее, что пестицид угрожает фитопланктону. По мнению известного биолога Чарльза Уирстира, даже концентрация в одну миллиардную долю может блокировать фотосинтез в океане. Если вспомнить, что именно фитопланктон поставляет в атмосферу две трети кислорода, то картина вырисовывается весьма мрачная. Отзвуки этой поучительной истории мы обнаружим, кстати сказать, в рассказе У. Мальмгрена «Три желания».

В конечном счете повторилась «Сказка о рыбаке и рыбке». Финалом победного шествия ДДТ стало разбитое корыто. Массовое его применение привело к образованию устойчивых к действию яда форм — «мутантов», которые не погибают даже при десятикратном увеличении доз. 150 видов вредителей, считавшихся чувствительными к воздействию ДДТ, ныне практически к нему не восприимчивы.

Возникает естественный вопрос: что нужно сделать, дабы горькие уроки прошлого пошли на пользу? Наука пытается дать на него свои ответы, разумеется, далеко не исчерпывающие, научная фантастика — свои.

Обратим в этой связи внимание на весьма примечатель-

ную географическую универсальность данного сборника. В нем представлены произведения писателей из США, причем таких широко известных, как Айзек Азимов, Фредерик Пол, Роберт Шекли, Теодор Старджон, Джеймс Блиш, и оригинальная новелла «Год Крокодила», написанная Салли Анн Пипи, уроженкой далекого острова Новая Гвинея. Мы встретим здесь итальянцев и французов, японца и шведа, аргентинца и кубинца, писателей из Венесуэлы, ФРГ, Польши и даже представителя такой небольшой страны, как Люксембург.

И это закономерно, потому что окутывающие американские города облака смога уносятся ветром за тысячи миль, чтобы выпасть ядовитым дождем где-нибудь в бразильской сельве или лапландской тундре. Биосфера не ведает ни пограничных кордонов, ни таможенных, ни санитарных постов. Радиоактивные хлопья, взметенные термоядерным взрывом на уединенных атоллах Тихого океана, обнаруживаются в небе Австралии и белых мхах Канады. Отравившие воды токийского побережья промышленные отходы дали знать о себе в южных морях и в промысловых зонах Латинской Америки, где испокон веков рыбачат аргентинцы и перуанцы. Нелепо разглагольствовать о границах, если какой-нибудь танкер под либерийским флагом, расколовшись у скал Нормандии, способен залить многие километры пляжей нефтью, добытой в Венесуэле.

Вот почему так целенаправленно и с самых разных сторон, в том числе и с помощью инопланетных моделей («На Марсе не до шуток» Джеймса Блиша, «О, не гладь меня, венерианин!» Хуана Эрреро), фантасты мира исследуют одну и ту же жизненно важную для всего человечества проблему. Чтобы осветить ее с максимальной яркостью и бескомпромиссностью, в ход идет даже хитроумный трюк с подменой инопланетного гостя, вернее — с его имитацией («Скальпель Оккама» Теодора Старджона). Как не вспомнить здесь слова Станислава Лема, сказавшего как-то, что он пишет для современников о со-

временных проблемах, которые облекает в галактические одежды.

В таком «звездном маскараде» есть определенный резон. Природа разнообразна, и нам не измерить ее возможности узкой меркой заурядной планетки, обращающейся вокруг захолустной звезды. Но иных мерок мы не знаем, их у нас просто нет, а в центре фантастики — ибо фантастика прежде всего литература — изначально стоит человек. И в этом сила фантастического образа мысли, осознавшего присущие человеку слабости.

Вот почему, мне кажется, любые деления фантастики на «экологическую», «биологическую», «космическую» и т. д. весьма условны. Соблюсти здесь даже приблизительный пуризм едва ли удастся. Но само появление «экологической» фантастики совершенно закономерно. Человечество волнует вполне земная и очень непростая проблема, порожденная научно-технической революцией. На языке науки она называется сохранением среды обитания. Люди уже поняли, что химикалии, которыми травят вредителей сельского хозяйства, возвращаются по сложной живой цепи в их собственные кости. Они уже убедились, что гибель надоедливых комаров на осушаемых болотах отзывается гибелью птиц, биологическим взрывом распространяющих эпидемии грызунов, массовыми налетами всевозможных долгоносиков и плодоярков. Экология подобна буддистскому колесу кармы. Она вся из причин и следствий. Бездумно касаясь одного из ничтожнейших звеньев ее, мы необратимо изменяем всю карму, всю свою судьбу. Заболоченные, гниющие реки с мертвой рыбой, изуродованные эрозией пашни, мертвые, сухостойные леса, океанские берега, залитые нефтью, где ветер шевелит облепленные вязкой коричневой жидкостью птичьи перья... Мертвые перья мертвых птиц.

Не нужно быть провидцем, чтобы угадать следующие кадры, вплоть до заключительного.

А ведь достижения современной науки обещают с избытком удовлетворить все потребности человечества!

Многое из того, о чем веками грезили фантасты, осуществилось. Рожденные мечтой новые компоненты мира стали реалиями.

За каких-нибудь сорок — пятьдесят лет выросла почти вдвое средняя продолжительность жизни.

Наука избавила мир от опустошительных эпидемий, она позволила родиться и выжить таким детям, которые еще двадцать лет назад умирали почти со стопроцентной вероятностью!

Нет слов, мы не знаем еще всех последствий повышения фона радиации. Но даже самые пессимистические прогнозы дают цифру возможных потерь несравненно меньшую, чем тысячи и тысячи спасенных мужчин и женщин, которые живут и трудятся бок о бок с нами только потому, что рентгеновские лучи остановили роковое течение неизлечимых еще недавно болезней.

Ни на одном рубеже науки остановка немыслима. Нет таких завоеваний, которые позволили бы человеку почитать на лаврах, вкушать заслуженный отдых. Антибиотики, которые избавили нас от опустошительных эпидемий, привели к возникновению нечувствительных к ним вирусов. Поэтому стоит лишь ослабить бдительность, и на мир обрушится какой-нибудь совсем новый губительный мор. Одно лишь сохранение статус-кво требует все больших и больших затрат. А ведь надо идти дальше...

И нечего надеяться, что, развивая одни отрасли науки, технологии, можно притормозить другие. Нет, нельзя! Мир един, и все в нем взаимосвязано. И в том слепке с объективной реальности, который мы зовем научной картиной мира, эти взаимосвязи проявляются в полной мере. Чтобы яснее понять это, достаточно вспомнить, что, скажем, цветной горошек и крохотная плодовая мушка открыли нам коренные тайны нашего собственного биологического бытия. Для этого, правда, пришлось хорошо потрудиться и в области высокомолекулярной химии (это ее заводы отравляют атмосферу и реки), и на поприще гамма-лучей (это с ним связаны известные аспекты атомного оружия).

Что же до негативных последствий, то одно только буддийское созерцание не несет в себе никаких неприятностей. Всякая же деятельность чревата издержками.

Но имеем ли мы право воспевать мощь науки, не думая о негативных аспектах ее стремительного полета? Можем ли мы после Хиросимы разделять прекраснородные восторги авторов утопических романов прошлого? Научный прогресс — не самоцель, но насущная необходимость, более того, насущная потребность. Однако последствия его для жизни человека во многом определяются общественными критериями.

Развитие человечества — не слепая езда по неведомым магистралям. Однако очень многое зависит от того, где проложены многоответвленные колеи: на твердом фундаменте социального равенства и продуманного планирования или же на болотистой почве так называемой «частной инициативы».

Еремей Парнов

Эрманно Либенци
(Италия)

Война ОМЯ

За пределами солнечной системы в бесконечных глубинах космоса есть планета, весьма сходная с нашей. Там тоже есть атмосфера, есть вода, растения, люди.

Называется эта похожая на Землю планета Логос.

В один апрельский день тысяча девятьсот восемьдесят второго года жители Неополиса, столицы Логоса, занимались своими обычными делами. Малыши играли в траве, профессора и студенты поочередно учили и учились, поэты слагали стихи, ученые в своих лабораториях трудились для блага человечества, двое городских полицейских, как всегда, потели над кроссвордом, и птицы, восседавшие на ветках восьмисот тысяч деревьев, состязались в искусстве пения.

Нет, мы не оговорились: в этом городе было восемьсот тысяч деревьев. По дереву на человека.

У нас так не бывает. Тут, пожалуй, и начинается довольно существенное различие между Землей и Логосом. Хотя обе планеты проделали почти одинаковую эволюцию, на Логосе деревьев куда больше, чем на Земле, они гораздо выше и пышнее. И дело здесь не в климате, а в том, что логосиане больше заботятся о своих интересах. Когда землянину холодно, он срубает деревья и превращает их в дрова. Когда ему надо посеять пшеницу или заложить город, он не задумываясь сводит целый лес.

Ничего подобного на Логосе не наблюдается. Логосиане держатся правила: лучше немного померзнуть сегодня, чем страдать от засухи завтра. И поэтому деревья на Логосе остались такими, какими они были, говорят, в эдемском саду. Кстати, самый ужасный грех был не в том, что Ева

сорвала запретный плод, а в том, что после они с Адамом с досады сломали яблоню.

И зверей на Логосе больше, и характер у них приятней. Они общительны и миролюбивы. Кабан и гиппопотам, к примеру, поддерживают с гражданами Логоса вполне дружелюбные отношения.

Ведь если говорить откровенно, мы обращаемся с животными, право же, хуже, чем Нерон со своими сенаторами. Травим и убиваем их ради забавы, делаем из них гребешки, сумочки, барабаны, кисточки, веера и целебные сиропы. Заставляем их работать прямо-таки как животных. И вот результат: на Логосе люди и животные живут в мире и согласии, а на нашей планете немногим уцелевшим львам остается лишь служить в Голливуде живым фоном для экзотических кинолент о покорителях Африки.

На Логосе вода — это вода, воздух — это воздух. Небо над Логосом голубого цвета, а не грязно-серо-зеленого, и реки, которые там тоже есть, — просто реки, а не сточные канавы.

Так вот. В тот памятный день апреля 1982 года жители Неополиса — дети, пожарные, поэты, студенты — вдруг перестали заниматься своими делами и, задржав головы, молча устремили взоры ввысь. Там, в лазурном небе, плыл сверкающий шарообразный предмет. Внезапно с пронзительным свистом он устремился на беззащитный город. И чем ближе он подлетал, тем ярче становился его блеск и ужасней адское жужжанье. Еще мгновение, и сверкающая сфера рухнет на город. Жители Неополиса даже не пытались спастись бегством. Окаменев от страха, они ждали, что произойдет.

Таинственный шар приближался. Вдруг раздался оглушительный треск, деревья вздрогнули до самых корней, стальная сфера лопнула, как апельсин, и осыпала город сверкающими брызгами искр, после чего из неведомого летательного аппарата вывалилось нечто не поддающееся описанию. Ливень, град, нет — мусорный ураган обрушился на столицу. Люди все как один сморщились и зажали паль-

цами нос. Сверху на крыши города, на улицы и сады сыпались ржавые консервные банки, селедочные головы, обглоданные куриные ножки, гнилые овощи, рваные колготки, бутылки из-под пива, растрепанные номера иллюстрированных журналов, перегоревшие лампочки и увядшие цветы. В городской фонтан плюхнулась крышка от стульчака, а на главной площади, раскинув крылья, приземлилось чучело филина. Когда обитатели Неополиса пришли наконец в себя, глазам их предстало удручающее зрелище: их город, прежде такой красивый и чистый, превратился в свалку. Кто умудрился собрать эту гигантскую груду отходов и вытряхнуть ее над Логосом? Жители города славились своей добротой и приветливым нравом, но и они испытывали сильнейшее раздражение.

Когда все обломки и объедки были собраны, улицы подметены и мусор перевезен в подземные лаборатории, видные химики, биологи и врачи приступили к его анализу. Крупнейшие ученые внимательно изучали с помощью весьма совершенной аппаратуры кульки со слипшейся карамелью и банки с засохшими остатками неизвестных снадобий.

Вскоре выяснилось, что весь этот хлам был собран на планете, цивилизация которой во многом отличалась от цивилизации Логоса. К тому же никак не удавалось расшифровать надписи на всевозможных коробках, банках и пакетах.

К счастью, копаясь в груде мусора, ученые нашли старую, без обложки, энциклопедию и ценою невероятных усилий смогли наконец прочитать загадочные надписи.

Первой удалось расшифровать восьмицветную надпись на глянцевой картонной коробке:

«Стиральный порошок «Лолита» возвратит вашим сорочкам непорочную белизну».

Текст, украсивший смятый тюбик со следами почерневшей массы, изумил даже невозмутимых логосианских лингвистов:

«Зубная паста «Солнечный Луч». Единственная из всех паст дает вам возможность провести уникальный опыт.

Почистите зубы «Солнечным Лучом». И вы увидите: изо рта у вас исходит сияние».

— Странно,— заметил кто-то из присутствующих.— Судя по надписям, они там прямо-таки помешались на чистоте. Но в таком случае... откуда у них столько мусора?

«Лесная Фиалка»— растворимый дезодорант,— гласила этикетка на пустом баллоне, напоминающем маленький огнетушитель.— Одним нажатием кнопки вы на целый месяц освобождаетесь от неприятного запаха. Прикройтесь, как щитом, «Лесной Фиалкой».

«Радуга»— сыр удачи. Смело открой банку. Желтый, красный, синий сыр ешь на здоровье. Если же корка будет зеленой, ты выиграл ежегодный приз нашей фирмы — живого слона!»

— С ума они там, что ли, походили?— бормотали ученые, аккуратно перебирая пинцетами банки и флаконы из пластмассы.

В самом деле, инопланетяне творили невероятные вещи. Какая-то компания «Эссо» превращала бензин в тигра. Для этого нужно было влить его в бензобак. Другая фирма производила бисквиты здоровья, пилюли возбуждающие и успокаивающие, напитки одурманивающие и веселящие, колбасу для желающих похудеть и ту же самую колбасу для желающих пополнить. На загадочной планете выпускали (зачем, спрашивается?) кремы для сведения волос, краски для раскрашивания губ, какие-то бумажные трубочки для вдыхания дыма, искусственные ресницы и цветы из папье-маше. Но в конце концов тайна была разгадана. Спустя несколько недель ученый совет обратился к населению Неополиса с нижеследующим кратким извещением:

«Дамы и господа, мы можем наконец сообщить вам, кто сбросил на город контейнер с мусором. Это дело рук землян, известных в космосе своими причудами и своей нечистоплотностью».

Как видим, ученый совет Логоса бросил землянам весьма серьезное обвинение. Поэтому нам придется спуститься на Землю и выяснить, что же произошло.

История эта началась за несколько лет до описанного события. Один подросток по имени Тим, живший в большом городе из железа и цемента, нашел однажды старинную книгу о море. В ней рассказывалось о безбрежных синих просторах. И Тим загорелся желанием искупаться в этом чудесном море, увидеть рыб и дельфинов, россыпи раковин и чащи водорослей.

После долгих уговоров родные согласились отвезти Тима к морю. Двенадцать часов утомительного путешествия в потоке автомобилей — и семейство добралось наконец до побережья.

Лавируя между кабинами, цветными зонтами и телами купальщиков, густо усеявших песчаный пляж, Тим подбежал к воде. Он посмотрел вокруг... Где же голубая вода, где рыба, дельфины?

— Мама, это и есть море?

— Да,— ответила мать.

— Неправда. Это сточная канава,— решительно объявил Тим.

Лежавшие рядом люди услышали его слова и с любопытством уставились на мальчугана.

— В книжке сказано, что морская вода прозрачная и голубая,— продолжал Тим.— И что в море плавают дельфины. Где же они?

Из воды вылез жирный мужчина, весь в пятнах нефти.

— Знаете, ваш сынок кое в чем прав,— сказал он родителям Тима.

— Прав на все сто процентов,— подтвердила пожилая дама, извлекая из волос огрызок яблока.

— В самом деле, какая мутная здесь вода!— воскликнул кто-то, разгребая пустые банки из-под «Завтрака туриста», плотной массой колыхавшиеся невдалеке от берега.

— И еще в книге написано, что у морской воды приятный солоноватый запах. А тут пахнет гнилью,— не унимался Тим.

— У меня пропала охота купаться,— объявил мужчина, облепленный нефтью.

— С меня тоже довольно,— решила пожилая дама.

Вскоре пляж опустел. А еще через неделю на всем морском побережье не видно было больше ни одного туриста.

Наконец-то земляне заметили, что с морем происходит что-то неладное. И не только с морем, но и с реками, озерами. А одно открытие, как известно, влечет за собой другое. Немного спустя жители больших городов вдруг обнаружили, что улицы завалены горами мусора и всевозможных отходов.

Власти задумались. Что делать? Сбрасывать отходы в реки и моря больше невозможно — нельзя допустить, чтобы захирел туризм, эта золотая жила, важнейшая статья доходов.

Всей нашей планете грозила участь превратиться в гигантскую мусорную свалку. И тогда на помощь призвали ученых мужей. А те призвали на помощь новейшие достижения науки и техники.

Был создан Проект ОМЯ, что означает Орбитальный Мусорный Ящик. По тщательно разработанному расписанию предполагалось запустить несколько десятков гигантских полых спутников — космических мусорных ящиков. Спутники должны были вращаться на солидном расстоянии от Земли, каждый по своей орбите. А так как в космосе нет атмосферы, то зловоние не будет беспокоить землян.

Так началась грандиозная операция под кодовым названием «Авгиевы конюшни». С тридцати стартовых площадок в небо взмыли мощные ракеты, унося прочь тонны мусора. Но случилось, что в одном из аппаратов не сработала последняя ступень,— и два миллиона тонн мусора и объедков со скоростью, близкой к скорости света, пронеслись мимо Марса и Юпитера, миновали орбиты внешних планет и ушли за пределы солнечной системы.

Будет ли ОМЯ вращаться вокруг Земли или же исчезнет в безднах вселенной — какая разница? Главное — избавиться от мусора.

Жители Логоса, как уже говорилось, были люди мирные. Мирные, но не глупые, хотя кое-кто до сих пор считает,

что это одно и то же. Подумав, они решили вернуть гнилой товар его законным владельцам.

Ученые начинили ракету спрессованным мусором, вычислили траекторию, сам президент логосианской Академии наук нажал кнопку, и ракета понеслась к далекой Земле.

Если бы неприятный груз опустился на какой-нибудь город ночью, ничего бы особенного не произошло. Утром горожане, высунувшись из окон, сказали бы, что сегодня улицы грязнее обычного, и занялись бы своими делами.

Но в том-то и дело, что ящик с мусором опрокинулся на город Нью-Йорк как раз в час пик. Сначала чиновники Национального управления космонавтики заявили представителям прессы, что сошел с орбиты один из ОМЯ. Гипотеза казалась тем более правдоподобной, что мусор оказался земного происхождения. Но затем, исследуя осколки ракеты, ученые натолкнулись на абсолютно неизвестный сплав. Ужасная догадка поразила умы: народ неземной цивилизации возвратил на Землю улетевшие в космос отбросы.

Власти были крайне возмущены и разгневаны. Правда, кто-то среди ученых, пожав плечами, заметил, что, в сущности, инопланетяне были вправе вернуть то, что им не принадлежит.

Но политические деятели, жаждущие завоевать популярность и голоса избирателей на предстоящих выборах, а также генералы, засидевшиеся без дела в своих штабах, хором заявили, что не мешало бы дать предметный урок этим наглецам и провокаторам.

Радарные установки определили, по какой траектории летел Орбитальный Мусорный Ящик, а электронно-счетные устройства вычислили местонахождение неизвестной планеты. Астрофизики углубились в карты звездного неба, и вскоре с абсолютной точностью было установлено, что провокационные действия предприняли жители планеты Логос.

Прошел месяц, и на головы незадачливых обитателей Неополиса обрушился тот самый спрессованный хлам, который они имели неосторожность вернуть землянам. Не успели они воскликнуть «О, господи!», как с неба на них один за

другим, со свистом и гудением, рухнули еще двести семьдесят ОМЯ. Правительство Логоса ввело чрезвычайное положение. Нужно было каким-то образом отразить нападение, следовало отплатить землянам той же монетой. Но Логос, увы, не располагал большими запасами нечистот. На Логосе каждая семья имеет собственный мультилазерный дезинтегратор, мгновенно уничтожающий все отходы. Правительство обратилось к жителям с призывом не пользоваться больше дезинтеграторами и производить как можно больше сора и разнообразных отбросов.

Но силы были неравные. Земляне каждую неделю запускали на Логос триста ОМЯ. А ракетному центру в Неополисе с трудом удавалось наскрести для отправки на Землю два-три контейнера в месяц. Не так-то легко изменить вековые привычки! Скоро логосиане поняли, что проиграют войну. Не дожидаясь, пока их планета будет окончательно погребена под горами мусора, они передали на Землю просьбу временно прекратить военные действия — Логос готов подписать акт о капитуляции.

Ответная радиограмма не заставила себя ждать. Земляне изъявили согласие вступить в переговоры. Но, добавили они, Земля ставит в известность противную сторону о том, что она ни при каких условиях не откажется от своего суверенного права сбрасывать мусор и отходы на Логос.

Историческая встреча двух делегаций состоялась на нейтральной планете Марс. Когда все уселись за стол переговоров, глава делегации Логоса извлек из кармана пиджака очки (при этом на стол упали пробка и две вишневые косточки), водрузил их на нос и вынул из портфеля пухлую папку.

— Джентльмены,— начал он.— Здесь подробно изложен план постройки дезинтегратора, который позволит вам решить проблемы, связанные с уничтожением отходов и мусора. Мы готовы прислать вам наших специалистов по строительству сооружений подобного типа. Все расходы мы берем на себя.

Глава делегации землян принял папку и начал рассеянно развязывать тесемки. Из папки выпали капустная кочерыжка и промасленный кулек.

— Вижу, что наши ОМЯ попали в цель,— удовлетворенно заметил он.

— Увы,— вздохнул логосианец.

— Наши приборы точной наводки действуют безотказно. Этого вы не можете отрицать, не правда ли?! Так вот, гигантский дезинтегратор постройте вы у себя на Логосе, а мы будем посылать вам наши ОМЯ,— подвел итог переговорам представитель землян.— Если наши условия вам подходят, прекрасно. Нет, тоже неплохо. Мы будем, как и прежде, бомбить ОМЯ вас и ваши города.

Делегатам планеты Логос ничего другого не оставалось, как принять условия землян.

С того дня Логос стал идеальным мусороприемником цивилизованной Земли.

Эта печальная история лишней раз доказывает, что можно жить в чистом доме, на чистой улице, ходить в чистой одежде и иметь нечистую совесть.

Теодор Старджон (США)

Скальпель Оккама

У Джо Триллинга был необычный способ добывать себе средства к существованию. Зарабатывал он неплохо, но, конечно, ничего похожего на те денюжки, какие он мог бы огрести в большом городе, у него не было. Зато он жил в горах, в полумиле от живописной деревушки, на свежем воздухе, вокруг раскинулись рощи — сосна, береза и горный лавр. Конкурентов у него было немного, заказов он получал больше, чем мог выполнить. Жена и детишки всегда рядом. Образ жизни Джо вел полуночный: когда семейство укладывалось

спать, он спокойно, без помех занимался своим делом. Коротче, он был счастлив.

Однажды ночью, точнее — очень ранним утром, его спокойствие было нарушено. Тук-тук, тук... тук... Стучали в окно: точка-тире, тире... тире... Джо замер, узнав этот знакомый ему с детства сигнал. Он увидел лицо за окном и набрал полные легкие воздуха, готовясь издать радостный вопль, который, наверное, разбудил бы дремлющего постового пожарной команды в деревушке. Но палец, прижатый к губам, заставил остановиться, и он бесшумно выдохнул воздух. Палец поманил его. Джо круто повернулся, погасил горелку, глянул на шкалу манометра, записал что-то, выключил свет и бесшумно рванулся к двери. Выскользнув наружу, он осторожно прикрыл дверь и стал вглядываться в темноту.

— Карл!

— Тс-с!

Карл был недалеко, на опушке рощи. Джо подошел к нему, и они принялись дубасить друг друга и шепотом, потому что этого требовал Карл, обзывать последними словами. Это означало: «Я рад к тебе прикоснуться, я люблю тебя». Какой-нибудь случайный наблюдатель не мог бы понять, что, собственно, тут происходило. Но они были мужчины и родные братья, поэтому колотили друг друга по рукам и по плечам и выражались самым непечатным образом, пока наконец и эти слова оказались недостаточны, чтобы выразить все, что их переполняло, и они просто стояли и широко улыбались, глядя в глаза друг другу. Потом Карл Триллинг мотнул головой в сторону дороги, и они пошли туда.

— Я не хочу, чтобы Хейзел услышала нас,— сказал Карл.— И вообще никто не должен знать о моем приезде. Садись в машину. Тут мы можем поговорить по душам. Честно говоря, я просто боюсь этого поганца.

— А-а...— протянул Джо.— Как поживает великий человек?

— Плохо. Но только речь идет о другом поганце. Великий человек просто богаче всех в мире, но я его не боюсь, особенно сейчас. Я говорю о Кливленде Уилере.

— Это кто еще такой?

Они уселись в машину.

— Не моя, взял напрокат,— сказал Карл.— Точнее, вторая прокатная машина сегодня. Прилетел на служебном самолете, сел в служебную машину, пересел в прокатную, а потом уже в эту. Теперь я более или менее уверен, что меня не подслушивают. Вот тебе и ответ на вопрос, кто такой Кливленд Уилер. А кроме того, он — человек у трона. Второе лицо. Многогранный гений. Акула-людоед.

— Второе лицо...— повторил Джо.— Старик, значит, сдаст?

— Официально и строго секретно — количество гемоглобина в крови у него четыре грамм-процента. Это говорит вам что-нибудь, уважаемый доктор?

— Еще бы, дорогой доктор. Голодная анемия. Да-а, самый богатый человек в мире — и умирает с голоду.

— Старость... упрямство... плюс одержимость... Так ты хочешь послушать про Уилера?

— Рассказывай.

— Счастливчик. Всем наделен от рождения. Медальный профиль. Мускулатура Микеланджело. Очень рано открыт наблюдательным директором начальной школы, направлен в частную школу, там повадился по утрам ходить в учительскую и рассказывать, что прочитал и о чем размышлял. Потом назначили отдельного учителя заниматься с ним, ходить с ним повсюду и все такое. В двенадцать лет — средняя школа, легкая атлетика, баскетбол, футбол, прыжки в воду — по всем видам высшие показатели. Вот так. Закончил он школу за три года, аттестат с отличием. Все учебники прочитывал в начале каждого семестра и больше уже их не раскрывал. Из всех привычек самой прочной у него была привычка преуспевать. В колледже все шло так же успешно. Он буквально глотал знания. Популярность огромная. Окончил, конечно, опять с самыми высокими баллами.

Джо Триллинг, который, как тяжело груженный вол, переползал с курса на курс в колледже и на медицинском факультете, пробормотал с завистью:

— Видал я двух-трех таких.

Карл мотнул головой:

— Да, Клив Уилер был уж так устроен от природы. Он себя чувствовал как четырехсотсильный автомобиль среди малолитражек. Когда требовалось, он и мускулы свои пускал в ход, я хочу сказать — лез в драку самым настоящим образом. В общем, на все руки парень. Ну, конечно, работу ему искать не пришлось, мог выбирать любую карьеру. Поступил он в архитектурную фирму — там могли пригодиться его математические и технические знания, административные способности, представительность, знакомство с искусством. Само собой, быстро взлетел на самую верхушку и стал совладельцем фирмы. Мимоходом получил докторскую степень. Удачно женился.

— Счастливчик, черт возьми! — сказал Джо.

— Да, счастливчик, это точно. Ты слушай. Уилер, значит, стал совладельцем, и дело свое он знал, но одних знаний и таланта бывает недостаточно, чтобы оградить человека от жадности людской, от непроходимой глупости и избежать встречи с несчастьем или неудачей. А случилось вот что: два его партнера заключили незаконную сделку. Уилер почуял что-то неладное, пошел к ним, поговорил. Они сказали «да-да», а сами продолжали свои махинации, притом такие, что Уилер не мог даже и вообразить. Видишь ли, способности, высоконравственное воспитание и хорошее образование дают много, только вот не избавляют от невинности. Клив Уилер был невинен как младенец.

В общем, катастрофа, которой опасался Клив, произошла, но все оказалось куда хуже, чем он предполагал. У таких делишек есть одна особенность — когда они вылезают на поверхность, то тянут за собой кучу других грязных дел. Фирма, конечно, разорилась. Клив Уилер ни разу в жизни не терпел неудач, так что в этом деле у него практики не было. Любой мало-мальски разумный человек вовремя понял бы: пора уносить ноги. Но, я полагаю, такой ход даже не пришел Уилеру в голову.

Карл Трилинг внезапно расхохотался и затем продолжал:

— В одном из романов любопытно описаны лесной пожар и бегство животных, спасающихся от огня. Лисы и кролики бежали рядом друг с другом, совы летели при дневном свете, чтобы опередить пламя. Так вот, там описан один жук, медленно ползущий по земле. Он натывается на горящий участок, останавливается, шевелит усами и сворачивает в сторону — решает обойти пространство, охваченное пожаром.— Тут Карл снова рассмеялся.— В этом-то и заключается то особое свойство, которое отличает Кливленда Уилера, помимо его мускулатуры, ума и всяческих талантов. Окажись он на месте этого жука, Уилер не отступил бы и не стал спасаться бегством: обошел бы пожар стороной и продолжал идти вперед.

— Что же он сделал?— спросил Джо.

— Он не отступился от прогоревшей фирмы. Использовал все, чем только располагал,— свой ум, авторитет, свою репутацию и все свое состояние. Он влез в долги и работал, работал... Спал не более четырех часов в сутки, но фирму все-таки спас. Очистил ее от всякой дряни, перестроил снизу доверху. А когда дело пошло на подъем, он потерял свою жену.

— Ты же сказал, будто он удачно женился.

— Он женился на девушке из тех, что выходят замуж за преуспевающих молодцов. Думаю, она была в общем-то милая девушка, и, пожалуй, ее не следует осуждать, ведь она не привыкла к неудачам, как, впрочем, и сам Уилер. Правда, ему удалось обойти пожар стороной. Он мог позволить себе снимать лишь одну комнату, ездил по делам на автобусе. Она этого просто не умела, а потом, как всегда бывает с такими женщинами, где-то рядом притаился отвергнутый претендент...

— Как он это перенес?

— Тяжело. Ведь он и женился точно так же, как играл в футбол или сдавал экзамены,— с полной отдачей. Этот удар ему было труднее пережить, чем все прочие события. Но Клив Уилер не бросил своего дела. Его ничто не могло остановить, пока не были оплачены все счета до последнего

цента. И все проценты. Он не остановился, пока чистая сумма всех активов не достигла той самой цифры, какая была прежде, чем его бывшие партнеры начали выедать ее сердцевину. И, едва это произошло, он бросил фирму. Понимаешь, послал ко всем чертям! Продав буквально за бесценок.

— Все-таки сорвался под конец?

Карл Триллинг насмешливо взглянул на брата:

— Сорвался? Смотри что под этим понимать... Ты в силах представить себе: у Клива Уилера, может, и цель-то была — прийти к нулю? В конце концов что такое успех? Человек принимает решение, чего ему достичь, и затем добивается этого.

— В таком случае,— задумчиво сказал Джо,— самоубийство тоже успех.

Карл долго и пристально смотрел на него.

— Справедливо,— сказал он и тоже задумался.

— А потом,— спросил Джо,— почему все-таки нуль?

— Я давно пытаюсь понять Клива Уилера, да ведь под черепную крышку человеку не заглянешь. Не знаю, но догадываюсь. Он не хотел никому быть обязанным, не хотел оставаться даже в пустяковом долгу. Я бы сказал так — он хотел уйти, но уйти на своих собственных условиях.

— Дошло,— сказал Джо.

А Карл Триллинг глядел на него и думал. Самая приятная черта у старины Джо — он умеет ждать. Сколько лет разлуки, почти никакой переписки, кроме поздравительных открыток ко дню рождения, и то не всегда,— и все же вот он здесь, рядом, такой же, как прежде, будто мы и не разлучались. А я ведь не приехал бы, не будь это так важно для меня и не знай я наперед: он мне поможет. Обо всем этом мы не сказали ни слова. Да и к чему? Пусть я даже нарушу какие-нибудь его планы — мне не надо об этом тревожиться. Он обо всем позаботится сам.

Вслух Карл сказал только:

— Я рад, что приехал, Джо.

— Правильно сделал,— ответил Джо, и этим было сказано все, о чем думал Карл.

Карл улыбнулся, хлопнул Джо по плечу и продолжал рассказ:

— Короче, Уилер ушел. Проследить его путь в последующие годы не так-то легко. Он принимался за разные дела — и всегда за что-нибудь новое. Скажем, магазин самообслуживания — никаких стеллажей, никакой магнитофонной музыки, просто аккуратные штабеля открытых ящиков, из которых покупатель брал что ему нужно и помечал цену по ярлыку на ящике; карандаш висел тут же на шнурочке. Мороженое мясо, рыбу, яйца, продукты местного производства Уилер продавал по ценам лишь на два процента выше оптовых. Покупатели честно соблюдали правила: во-первых, никто не мог быть уверенным, что кассир и контролер не знают всех цен, а во-вторых, обманывать, когда цены и без того так низки, было бы просто свинством. Накладные расходы были ничтожны: никаких лишних затрат на продавцов и подсобный персонал — ведь Уилер сэкономил тысячи человеко-часов, отменив разметку цен на всех штучных товарах; немудрено, что цены у него оказались вне всякой конкуренции. Но он продал этот магазин и принялся за другое. Он создал производство натуральных продуктов для грудных детей без консервирующих добавок, а потом продал и его и начал новое дело. Он, понимаешь ли, разработал рецептуру производства пластмассовой посуды, которую можно уничтожать сжиганием, причем воздух не загрязнялся вредными газами. Свое изобретение он запатентовал, а патент продал.

— Об этом я слышал. Правда, посуды самой пока не видел.

— Может, еще увидишь, — сказал Карл. — Во всяком случае, у него все это было налажено. Я не слышал ни об одной неудаче — за что бы он ни брался, у него все получалось.

— Похоже на омоложенное издание твоего уважаемого босса, великого человека.

— Ты не единственный, кто это понял. Мой босс не лишен слабостей, но деловое чутье ему никогда не отказывало. Он всегда был готов ухватить своими щупальцами любого

подвернувшегося ему ценного человека, а Кливленда Уилера, насколько мне известно, он взял на прицел давно. Время от времени, не сомневаюсь, он делал ему предложения, но тогда Клив Уилер еще не созрел, чтобы работать на такого босса. Весь строй его характера требовал самостоятельности, а в прочно утвердившейся империи это невозможно.

— Кандидат в наследники,— сказал Джо.

— Именно,— подтвердил Карл.— Я знал, ты поймешь, к чему я клоню, раньше, чем я закончу...

— Но ты все-таки закончи.

— Правильно. Понимаешь, мне нужна твоя помощь, а если ты не будешь знать всей истории, то по-настоящему помочь мне не сможешь...

— Давай выкладывай.

И Карл Триллинг принялся выкладывать:

— Уилер нашел себе девушку. Звали ее Клара Приета, родом из какого-то техасского городка. Она была дьявольски умна. И хороша собой необычайно. Так вот, ей понадобился Клив — сам Клив, а не то, что он мог ей дать. Она влюбилась в него, когда он сидел на очередном нуле. Они были радостью друг для друга — каждый день и каждый час. Я полагаю, что примерно в это время Клив снова принялся за дела. Вскоре он купил маленький домик и машину, а затем вторую машину, для Клары. Она не очень-то и хотела эту машину, но ему всегда казалось, что он слишком мало для нее делает. И Клив настоял на своем. Однажды вечером они поехали в гости к друзьям — она прямо из дома, а он после делового дня из города, ведь машин у них было две. Домой они поехали тоже каждый в своей машине, Клара впереди. Она потеряла управление, и машина перевернулась в полусотне метров перед ним. Она умерла у него на руках.

— О господи!

— Да, вот такой счастливчик. Но это еще не все. Через неделю, где-то в центре города, он оказался у одного банка в самый момент его ограбления. Подцепил случайную пулю — пропахала ему затылок, пришлось неподвижно лежать семь месяцев — хватило времени обо всем подумать.

Когда он вышел из больницы, ему сообщили, что его управляющий удрал на юг, прихватив все денежки — до последнего цента.

— Что же он стал делать?

— Начал работать и оплатил больничный счет.

Они долго сидели в машине, не зажигая света, и молчали. Потом Джо спросил:

— Интересно все-таки, о чем он думал в больнице?

Карл Триллинг ответил:

— Неважно, о чем он думал, важно, что решил. Клив вел открытую игру, упорно работал, был честен, лоялен и прямодушен; он был в отличной форме, он был умен. Когда он вышел из больницы, у него остались только два последних качества. Куда девались все остальные, один бог знает.

— И тогда он пошел работать на старика?

— Да. Уилер теперь вполне созрел для этого. Старик, как ты знаешь, стал современным мифом. Никто его не видит. Никто не в силах предугадать, что он прикажет через минуту. Кливленд Уилер укрылся в его тени и исчез для людей почти так же, как и сам босс. Старик всегда был затворником, а после появления Клива еще больше отдалился от людей. Впрочем, с ним это дело обычное — то долгие периоды полного покоя, а потом вдруг неожиданные выезды с рекламной шумихой, деловые встречи. Можно предположить, что какой-нибудь могучий гений из его подручных все это придумывает — кто может знать? Только люди, наиболее приближенные к нему, — Уилер, Эпстайн и я. Я лично ничего не знаю.

— А Эпстайн умер.

— Да, Эпстайн умер. Значит, остается один Уилер. Что до меня — я личный врач старика, а не Уилера, и нет никаких гарантий, что когда-либо стану его врачом.

Джо Триллинг пошевелил затекшими ногами и откинулся на спинку сиденья, задумчиво глядя в темноту, наполненную шепотом древесной листвы.

— Суть начинает проясняться, — пробормотал он. — Старик на излете, ты тоже легко можешь вылететь. Правда, к

счастью, в другом направлении. Уилер останется один, без присмотра.

— Вот именно, и я до конца его не понял, не ведаю, что он намерен делать. Знаю одно: в его руках будет сосредоточена такая власть, какой не обладает ни один человек на Земле. У него будет столько денег, что вряд ли он пожелает обогащаться и дальше. Масштабы его состояния будут превосходить все, что мы можем себе представить. Но меня тревожит другое. Уилер — это человек, которому жизнь, можно сказать, убедительно доказала: быть добрым, сильным, великодушным, честным не очень-то выгодно. Возникает вопрос — куда именно толкнет его этот жизненный опыт? Если предположить, что за последние годы все больше решений исходило от него, можно попытаться экстраполировать, куда он направит свою энергию. Пока можно быть уверенным только в одном — ему будет удаваться все, что он задумает. Так уж у него повелось.

— Короче, ты пытаешься уяснить себе, чего он хочет? Чего может желать такой человек, как он?

— Я знал, ты тот самый парень, который сейчас мне нужен, — сказал Карл, и в его голосе прозвучали чуть ли не счастливые нотки. — Именно так. Что касается меня лично, работу я себе найду без малейшего труда. Был бы тут Эпстайн, все оказалось бы проще. Но он мертв и сожжен.

— Сожжен?

— Да. Тебе это, конечно, не известно. Таковы инструкции старика. У нас много пишут о частных плавательных бассейнах с холодной и горячей водой, но ручаюсь, тебе никогда не доводилось слышать о человеке, у которого в нижнем помещении двухэтажного подвала имеется личный крематорий.

Джо развел руками:

— Конечно, если ты можешь в любую минуту вытащить из кармана два миллиарда долларов наличными, тебе легко получить все что угодно. Между прочим, а как насчет законности?

— Точь-в-точь, как ты сказал: все законно, когда у тебя есть два миллиарда наличными... Все прошло — не подко-

паешься. Окружной медицинский эксперт прибыл и подписал все бумаги. Когда старик отдаст концы, он тоже приедет — это особо предусмотрено в завещании. Стоп! Ты не подумай, что я хочу бросить тень на эксперта. Он не был подкуплен. Тело Эпстайна он освидетельствовал самым тщательным образом.

— Это все ясно. Тревожит тебя другое — что будет потом.

— Правильно. Что сделал старик за последние десять лет после появления Уилера и чем это отличается от предыдущего направления его деятельности? И в какой мере это различие следует приписать влиянию Уилера? Вот в чем нам надо разобраться, Джо, а отсюда мы можем уже экстраполировать, как Уилер намерен использовать величайшее экономическое могущество, которым когда-либо в мире обладал один человек.

— Об этом давай и поговорим, — сказал Джо, и на губах у него появилась тень улыбки.

Карл Трилинг знал характер брата и ответил ему таким же намеком на улыбку. Разговаривали они еще долго.

Крематорий в нижнем помещении двухэтажного подвала был построен в строго функциональном стиле: никаких ритуальных деталей, ничего такого, что могло бы вызвать эмоции. Мы располагаем подробным описанием событий, случившихся, когда после долгих-долгих ожиданий старик наконец умер. Все было сделано в точном соответствии с его указаниями немедленно после того, как смерть его была засвидетельствована медицинским экспертом, и до официального оповещения о случившемся... И вот с пугающим лязгом раскрылась квадратная пасть печи, и оттуда вырвались волна жара и сноп света того оттенка, который у кузнецов в давние времена назывался соломенно-желтым. Простой, без всяких украшений гроб медленно вкатился внутрь, по углам его сразу вспыхнули язычки пламени, и дверцы печи с грохотом захлопнулись.

Медицинский эксперт наклонился над маленьким сто-

ликом и поставил свою подпись в двух местах. Карл Триллинг и Кливленд Уилер сделали то же самое. Эксперт оторвал от блока копии документов, сложил их и сунул в нагрудный карман. Он взглянул на квадратный проем печи с железными дверками, открыл было рот, снова закрыл его и пожал плечами.

— Всего хорошего, доктор,— сказал он, протягивая руку Триллингу.

— Всего доброго, доктор. Ругози ожидает вас за дверью, он вас проводит.

Молча пожав руку Кливленду Уилеру, эксперт ушел.

— Я понимаю, что он сейчас испытывает,— сказал Карл.— Нужно было сказать какую-нибудь фразу. Нечто запоминающееся — как-никак конец целой эпохи. Что-то вроде: «Один маленький шаг человека...»

Кливленд Уилер улыбнулся:

— Если вы думаете, что процитировали первые слова астронавта после высадки на Луну, то сильно ошибаетесь. Первые слова он сказал на стремянке, выйдя из кабины, когда ткнул носком башмака лунный грунт. Он сказал: «Грунт здесь мягкий, я легко могу расшвыривать его башмаком». И мне это всегда нравилось гораздо больше, потому что было естественно, а не придумано и заучено заранее. Так и тут: эксперт попрощался, а вы ему сказали, что шофер ждет его за дверью. Мне это нравится больше, чем всякие торжественные слова. Я думаю, тому человеку это тоже понравилось бы,— добавил Уилер, мотнув своим сильным, слегка раздвоенным подбородком в сторону излучающих жар черных дверей.

— Но он-то был НЕ СОВСЕМ ЧЕЛОВЕК.

— Говорят,— бросил Уилер с полуулыбкой и отвернулся, и в эту секунду Карл почувствовал: наступил решающий момент.

Он произнес нарочито бесстрастным голосом:

— Я сказал насчет ЧЕЛОВЕКА в буквальном смысле этого слова, Уилер.

И тут не столь уж важным было, что именно сказал

Карл. На это Уилер мог ответить еще одной полуулыбкой и промолчать. Но интонация и, пожалуй, само обращение — «Уилер»!.. У деловых людей всегда существует определенный ритуал. Для нескольких человек его уровня и ближайших подчиненных он был «Клив». Для нижестоящих он был «мистер Уилер» в разговоре и просто «Уилер» за глаза. Но никто даже из равных ему никогда не решился бы назвать его в лицо «Уилер». Как бы там ни было, слова Карла заставили Кливленда Уилера отпустить дверную ручку; за которую он уже взялся, и обернуться. Лицо его выражало любопытство и настороженность.

— Вы уж растолкуйте мне, доктор, что все это значит.

— Я сделаю нечто большее. Идемте со мной,— ответил Карл.

И без лишних объяснений направился к углу комнаты, отгороженному печью, предоставив Уилеру самому решать, идти ему за ним или нет.

Уилер пошел.

Дойдя до угла, Карл повернулся к нему:

— Если вы когда-нибудь скажете кому-либо о том, что сейчас увидите, я просто откажусь от всего. А если вздумаете вернуться сюда, вы не найдете здесь ничего, что подтвердило бы ваши слова.

Он вынул из-за пояса широкую, дюйма в четыре, стальную пластинку сложной формы и воткнул ее куда-то в шов между массивными камнями, из которых была сложена стена. Весь угловой участок стены начал бесшумно и тяжело подниматься вверх. Глядя на глыбу, можно было легко убедиться: это настоящие камни, и пробиться сквозь них обратно, не зная секрета, было бы нелегкой задачей.

Карл зашагал по коридору, по-прежнему не оглядываясь и предоставляя самому Уилеру решать, идти ему дальше или нет.

Уилер шел, Карл слышал его шаги и отметил с удовольствием, что, когда тяжелые блоки, шурша, опустились вниз и прочно сели на свое место, закрыв путь назад, Уилер, может быть, и оглянулся, но не остановился.

— Вы могли заметить, что сейчас мы шли вдоль боковой стены печи,— сказал Карл с интонацией гида.— А сейчас мы позади нее.

Он посторонился и пропустил Уилера вперед в маленькое помещение.

Задняя стенка печи была точно такая, как и передняя. На рельсах, входящих в печь, стояла тележка с уже знакомым гробом; углы его были обуглены, крышка и стенки мокрые; над гробом вился легкий парок. В глубине помещения на маленьком столике лежал небольшой черный чемодан.

Уилер не отводил взгляда от гроба, сохраняя внешне полное спокойствие. Карл прекрасно понимал, чего стоит Уилеру это самообладание.

— Я хочу, чтобы вы мне все объяснили,— сказал Уилер и рассмеялся. Смех его прозвучал вымученно. И Карл про себя отметил, что это первое проявление неуверенности Уилера.

— Сейчас объясню.

Он щелкнул замком чемодана и раскрыл его. Внутри были различные инструменты, сверкающие хромом и сталью, и небольшие флаконы в кармашках.

— Когда кремируют, крышку не приколачивают,— весело сказал Карл и подsunул нож под один из углов. Затем он ловко ударил ладонью по рукоятке, и крышка гроба приоткрылась.— Прислоните ее, пожалуйста, к стене позади вас.

Кливленд Уилер молча выполнил его просьбу, сохраняя по-прежнему спокойное выражение лица.

«Вот это мужчина,— подумал Карл,— настоящий мужчина...»

Они стояли по сторонам гроба, глядя на покойника.

— Здорово состарился,— произнес Уилер.

— Вы его не видели последние дни?

— Я его не видел в гробу,— сказал Уилер,— но за последний месяц я провел в одной с ним комнате больше времени, чем за все предыдущие годы. Конечно, каждая

встреча продолжалась всего несколько минут... Ладно. Лучше расскажите мне об этой бутафорской печи.

— Она вовсе не бутафорская. Когда мы здесь все закончим, она отлично выполнит свое предназначение.

— Тогда к чему весь этот театр?

— Все придумано для медицинского эксперта. Бумаги, которые он подписал, пока что не больше чем липа. Вот когда мы закатим этот ящик назад в печь и включим ток, они станут совершенно законными.

— А почему не сожгли его сразу?

— Вы сейчас все узнаете...

Карл потянулся к гробу и распрямил скрещенные руки покойника. Они неподатливо разогнулись, и он прижал их к бокам. Затем он расстегнул пиджак, откинул его полы, расстегнул пуговицы сорочки и «молнию» на брюках. Покончив с этим, он поднял голову и встретился глазами с острым взглядом Уилера. Тот смотрел не на тело старика, а на него.

— У меня такое ощущение,— сказал Уилер,— что я до этой минуты никогда вас не видел.

Карл Триллинг ответил ему мысленно: «Зато видишь теперь». И подумал: «Спасибо, Джо, ты был совершенно прав. Ты нашел ответ на этот мучительный вопрос: как мне вести себя?» Ты сказал тогда: «Говори на его языке. Будь таким, как он, все время».

«Хорошенькое дело,— сказал тогда Карл.— Попробуй-ка быть таким, как он. Человеком без иллюзий (от них никакой пользы!) и без надежд (кому они нужны?), обладающим нерушимой привычкой преуспевать. Человеком, который может сказать «сегодня хорошая погода» таким тоном, что все вокруг вскакивают по стойке «смирно» и отвечают: «Так точно, сэр!»

Но вслух Карл ответил только:

— Вы были слишком заняты всегда.

Он снял пиджак, сложил его, положил на столик рядом с инструментами. Надел хирургические перчатки и вынул из стерильного чехла скальпель.

— Некоторые падают в обморок, когда первый раз присутствуют при вскрытии.

Уилер натянуто улыбнулся.

— Я не умею падать в обморок.

Он действительно не упал в обморок; у него только вырвался негромкий возглас удивления.

— Так и знал, что вы удивитесь,— почти весело сказал Карл.— Если вас интересует... впрочем, он действительно мужского пола. Судя по всему, этот вид яйцеродный. Они млекопитающие, но откладывают яйца. Интересно было бы поглядеть на самку.

— До этого мгновения,— сказал Уилер деревянным голосом, словно загипнотизированный,— я думал, ваши слова, что он не человек, были просто фигурой речи.

— Нет, вы так не думали,— отрывисто бросил Карл.

Оставив слова висеть в воздухе, он ловко рассек скальпелем труп от грудины до низа живота. Неопытному человеку всегда нелегко это видеть. Трудно осознать, что труп ничего не чувствует. Карл ожидал, что Уилер содрогнется или ахнет, но тот только затаил дыхание.

— Чтобы разобраться во всех деталях, нам потребовались бы многие месяцы,— сказал Карл, искусно делая поперечный разрез в нижней части живота,— но одну вещь я хочу вам показать.

Ухватившись за ткань тела слева от крестообразного пересечения надразов, он оттянул ее кверху и влево. Подкожные слои отделялись легко, вместе с жировым слоем. Они были не розовые, а беловато-зеленоватые. Теперь обнажились полосчатые мускулы на ребрах.

— Если бы вы прощупали его грудь,— сказал Карл, показывая пальцем на нетронутую правую сторону,— вы бы почувствовали совершенно нормальные ребра, как у человека. А теперь поглядите сюда.

Несколькими умелыми взмахами он отделил мускульные волокна от кости и поскоблил ребро — оно обнажилось, но Карл продолжал скоблить в промежутке между этим и следующим ребром, и сразу стало ясно: ребра соединены

между собой тонкой пластиной кости или хитина.

— Похоже на китовый ус,— сказал Карл.— Смотрите. Он вырезал кусок и согнул его.

— Боже мой!

— А теперь посмотрите на это.

Карл взял хирургические ножницы и рассек грудину сверху вниз, затем сделал поперечный разрез по нижнему краю ребер. Поддев пальцы под этот разрез, он приоткрыл одну сторону грудной клетки, словно дверку. Обнажилась легочная ткань. Она была не розовая, не черно-коричневая, какая бывает у курильщиков, а желтая, цвета чистой серы.

— Метаболизм у него фантастический,— сказал Карл.— Точнее, был фантастический. Он нуждался в кислороде, как и мы, но мог потреблять его только химически связанным в виде окиси углерода, окислов серы, а больше всего — углекислого газа. Свободный кислород старик переносил с трудом. Пока он был молод, у него хватало сил проводить целые часы в воздушной среде, но с годами он все больше и больше времени вынужден был оставаться в привычной для него среде, в общем похожей на смог. Так что его затворничество и редкое появление на людях вовсе не такой уж каприз, как считала публика.

— Но что он такое? Откуда?..— спросил Уилер, растерянно показав рукой на труп.

— Я знаю об этом не больше вас. Прилетел каким-то образом откуда-то... Короче, пришел, увидел и... А теперь глядите.

Карл раскрыл вторую половину грудной клетки и отломал грудину: легочная ткань не была разделена на две части, на два легких, а занимала всю внутренность грудной клетки.

— У него одно сплошное легкое, хотя оно и делится на две доли.

— Верю вам на слово,— сказал Уилер внезапно охрипшим голосом.— Но что же это такое, черт возьми?

— Двухное существо, лишенное перьев, как некогда назвал человека Платон. Я не знаю, что он такое. Знаю только, он существует, и решил, что вы тоже должны знать.

— Но вы уже знакомы с его анатомией, совершенно очевидно, вы все это видели раньше.

— Правильно — Эпстайн.

— Эпстайн?

— Именно. Старику нужен же был какой-то посредник, который проводил бы по многу часов и с ним и с нами. Эпстайн был, можно сказать, его правой рукой. Ему приходилось дольше старика дышать нашей атмосферой, но в конце концов наступила расплата. Он и умер от этого.

— Но почему же вы раньше ничего не сказали?

— Ну, прежде всего потому, что мне дорога моя шкура. Я мог бы сказать — репутация, но «шкура» будет точнее. Я подписал контракт на работу в качестве личного врача. Ему действительно нужен был обычный земной врач — это тоже своего рода маскировка. Но лечил я его в основном по телефону и, как я теперь понимаю, больше для отвода глаз. Мне звонили от него и сообщали симптомы, я осторожно предлагал диагноз и назначал лечение. Вскоре мне снова звонили и сообщали, что больному стало лучше, и на этом все кончалось. Да что там, мне даже приносили на анализ кровь, мочу и тому подобное, и я их исследовал. Конечно, мне и в голову не приходило, что они не имели никакого отношения к старику, равно как и тот труп, об осмотре которого медицинский эксперт только что подписал протокол.

— Какой еще труп?

Карл пожал плечами:

— Ему все было доступно и дозволено.

— Значит, медицинский эксперт осматривал не его? — Уилер показал рукой на гроб.

— Конечно, нет. У печи есть, как видите, задние дверцы. Фокус здесь простой. Этот гроб был в печи. А двойник — бог его знает, откуда он появился, только я тут ни при чем, клянусь вам, — лежал с той стороны в гробу в ожидании медицинского эксперта. Когда мы там нажали кнопку, ток в печи выключился, гроб с двойником вкатился в печь, а этот был вытолкнут из печи да еще полит водой. Я имел

личные, строго секретные инструкции, они касались как Эпстайна, так и самого босса. Мне было предписано после осмотра тела экспертом и кремации двойника вернуться сюда одному через час, убедившись, что никто за мной не следит, и нажать вторую кнопку с задней стороны печи, чтобы отправить второй гроб на кремацию. Мне было запрещено задавать вопросы, предпринимать какие-либо исследования и тем более кому-либо сообщать об этом, что, впрочем, типично для многих его распоряжений и также не поддавалось объяснению.— Он неожиданно рассмеялся.— Вы знаете, почему старик и Эпстайн тоже никогда никому не подавали руки? Вы, наверное, этого не замечали?

— Нет, но я полагал, что он просто боится заразы.

— Нормальная температура его тела была сорок семь градусов.

Уилер потрогал одну свою руку другой и ничего не сказал.

Когда Карл почувствовал, что молчание уже достаточно сгустилось, он весело спросил:

— Ну, босс, что мы будем делать дальше?

Кливленд Уилер медленно перевел взгляд с гроба на Карла, как бы с трудом отрываясь мыслями от покойника.

— Как вы меня назвали?

— А, это просто фигура речи,— улыбаясь, сказал Карл.— Я ведь, по существу, работаю на компанию, а компания — это вы. Приказы, которые я получил, будут выполнены до конца, когда я нажму эту кнопку. Других распоряжений у меня нет. Так что решать вам.

— Вы имеете в виду его? Что нам делать с ним?— переспросил Уилер, снова переведя взгляд на гроб.

— Да, именно. Либо мы его сейчас сожжем и обо всем забудем, либо вызовем сюда все правление и батальон ученых. Или перепугаем до смерти все население Земли — для этого достаточно просто вызвать сюда репортеров. Вот это и надо вам решить. Меня лично тревожат более широкие проблемы.

— Да?

— Зачем он здесь появился? Что успел сделать? Чего добивался?..

— Продолжайте, пожалуйста,— сказал Уилер, и в его голосе впервые прозвучало нечто похожее на неуверенность.— У вас было хоть немного времени обдумать все это, а я...— И он беспомощно развел руками.

— Я вас вполне понимаю,— мягко сказал Карл.— До этого момента я выступал наподобие платного лектора. Не собираюсь приводить вас в смущение комплиментами, но скажу: вряд ли найдется другой человек на свете, который смог бы проглотить все это так спокойно, как вы... Итак, что же дальше? В математике есть метод построения графиков. Вы ставите в системе координат точку, отмечая этим значение определенной величины. Когда вы получаете другие значения, вы ставите вторую точку, затем третью. Располагая тремя точками и соединив их между собой линией, мы можем построить отрезок кривой. Лучше, конечно, когда точек больше, но трех уже достаточно. Построенная нами кривая обладает определенными характеристиками, и мы вправе продлить ее несколько дальше в предположении, что последующие данные подтвердят правильность нашего прогноза.

— Экстраполяция.

— Совершенно верно. Так вот, по оси *икс* будем откладывать рост богатства нашего покойного босса, а по оси *игрек* — время. Кривая, которую мы получим, характеризует рост его богатства во времени, то есть рост его влияния.

— Она получится весьма крутой.

— Да, ведь прошло больше тридцати лет,— ответил Карл.— А теперь на этот график наложим другую кривую: изменения в состоянии среды обитания человека за те же тридцать лет.— Он поднял руку, как бы предупреждая возражение.— Нет, я не буду читать вам лекцию по экологии. Назовем это просто изменениями. Скажем так: повышение средней температуры в результате накопления углекислого газа в атмосфере и так называемого тепличного эффекта. Вычертим кривую. Содержание тяжелых метал-

лов, ртути и лития в органических тканях. Еще одна кривая. Затем построим кривые по хлористым углеводородам, по разрастанию водорослей под воздействием фосфатов, по частотности сердечно-сосудистых заболеваний... и наложим все эти кривые на тот же график.

— Я вижу, куда вы клоните, но такие статистические упражнения требуют осторожности. Не то, чего доброго, можно обнаружить зависимость роста дорожных происшествий от увеличения потребления алюминиевых банок и детских булавок с пластиковыми головками.

— Сколько угодно. Но я, кажется, избежал этой ловушки. Я просто хочу найти логичные ответы на два вопроса. Мне хочется найти объяснение некой весьма нелогичной ситуации. Первый вопрос такой: если все перемены на нашей планете — результат беспечности, то есть явления более или менее стихийного, почему же тогда беспечность идет обязательно во вред, а не на пользу среде, окружающей нас? Нет, нет, я обещал — никаких лекций по экологии! Спрошу иначе: почему вся эта беспечность помогает не сохранению среды, а именно переменам в ней? Теперь второй вопрос: каково направление этих перемен? Вы, конечно, читали абстрактные мудрствования насчет «планетарной инженерии» — переделки других планет, чтобы приспособить их для жизни людей. А если предположить, что нашу Землю другие существа пытаются приспособить для себя? Скажем, им нужно больше воды и они хотят растопить полярные ледовые массивы с помощью тепличного эффекта? Хотят увеличить содержание окислов серы и уничтожить все формы морской жизни — от планктона до китов? Сократить численность человечества с помощью рака, эмфиземы легких, инфарктов и даже войн?

Оба, не сговариваясь, взглянули на безжизненное лицо лежавшего в гробу.

— Прикиньте только, — тихо сказал Карл, — чем он занимался: уголь, нефть, нефтехимия, пищевая промышленность, рекламное дело — все это либо само изменяет среду, либо помогает тем, кто ее изменяет...

— Я вижу, вы не очень-то и вините его за это.

— Конечно. У него нашлись миллионы добровольных помощников.

— Но вы же не думаете, что он хотел искалечить целую планету только ради того, чтобы ему, ему одному, было удобно жить на ней?

— Нет, не думаю. Тут мы подошли к главному, о чем я хочу сказать. Я не знаю, есть ли на Земле еще такие существа, как он и Эпстайн, но могу предположить: если происходящие сейчас перемены продолжатся и даже ускорятся, то мы можем ждать множество таких гостей.

— Чего же вы хотите?— спросил Уилер.— Мобилизовать человечество на борьбу против захватчиков?

— Ничего подобного. Я бы только медленно и без шумихи дал обратный ход всем переменам. Если наша планета в своем естественном состоянии непригодна для них, я постарался бы и сохранить ее такой. Не думаю, что нам придется изгонять их. Они просто не придут...

— Или попробуют добиться своего другим путем.

— Вряд ли,— сказал Карл.— Если бы они надеялись, что эскадры космических кораблей и всякие там супербомбы помогут им, они бы так и сделали. Нет, у них свой метод, и если он у нас не привел к успеху, они будут искать другую планету.

Уилер принялся сосредоточенно пощипывать нижнюю губу.

— Для этого ведь не так много нужно: ясное понимание цели, побольше денег и умная голова, чтобы с толком и прибылью пустить их в дело. Если понадобится, они даже могут выстроить жизнь любого человека по определенному сценарию и тем самым сформировать именно такую личность, какая им нужна.

И, не дав Уилеру ответить, Карл поднял кверху скальпель.

— Я попрошу вас сделать для меня одну вещь,— сказал он резко, с совсем иной, повелительной интонацией, типичной скорее для Уилера.— Я хочу, чтобы это сделали вы, потому что мне противно, черт побери, оставаться един-

ственным человеком на свете, на чью долю выпало такое.

Наклонившись над изголовьем, он сделал поперечный разрез по верхней границе лба трупа от виска до виска. Затем, упершись локтями в боковые стенки гроба и сжав скальпель обеими руками, проделал надрез от середины лба по переносице, носу, губам и подбородку до самого горла.

Распрямившись, он приказал:

— Положите руки на его щеки.

Уилер нахмурился на мгновение, помедлил — с ним уже давненько никто так не разговаривал! — и повиновался.

— Теперь сильно прижмите ладони и сдвиньте руки.

Надрез слегка расширился, и вдруг кожа под руками подалась и легко соскользнула вниз. От неожиданности Уилер чуть не упал грудью на гроб, и лицо его оказалось в нескольких дюймах от страшного освежеванного лица трупа.

Подобно легким и почкам, глаза тоже сливались в один глаз, немного суженный посередине. Зрачок был овальный: длинная ось овала шла поперек. Кожа была бледно-лавандового цвета, сосуды на ней желтые, на месте носа дыра с лохматыми краями. Рот имел округленную форму, зубы неровные, беспорядочно расположенные, подбородок едва выделялся.

Уилер, не шевелясь, зажмурился; прошла секунда, другая, пока он наконец отважился раскрыть глаза. Карл в два прыжка обогнул гроб и одной рукой подхватил Уилера под грудь. Уилер на мгновение тяжело повис на его руке, но тут же распрямился и отбросил руку.

— Вам не надо было заставлять меня это делать.

— Нет, надо было, — сказал Карл. — Вам хотелось бы быть единственным человеком на свете, который испытал все это и не мог бы даже никому рассказать?

И тут Уилер смог даже расхохотаться. А потом, оборвав смех, сказал:

— Нажмите эту кнопку.

— Давайте крышку.

Уилер послушно принес крышку, и они закрыли гроб.

Карл нажал кнопку, и гроб плавно скользнул в полыхающий жаром зев печи...

У Джо Триллинга был необычный способ добывать себе средства к существованию. Зарабатывал он неплохо, хотя, конечно, ничего похожего на те денежки, какие он мог бы огребать в большом городе, у него не было. Зато он жил в горах, в полумиле от живописной деревушки, на свежем воздухе, вокруг раскинулись рощи — сосна, береза и горный лавр... А главное — он был сам себе хозяин. Конкурентов у него почти не было.

А занимался Джо изготовлением анатомических муляжей различных частей человеческого тела. Главными потребителями были военные, но много заказов поступало и от медицинских учебных заведений, киностудий, а иногда и от частных лиц, причем в последнем случае Джо лишних вопросов не задавал. Он мог изготовить модель любого внутреннего органа, любой части тела. Он мог делать модели, не отличимые от натуры на глаз, на ощупь, по запаху и как угодно еще. Он мог изобразить гангренозную язву, от которой несло трупным запахом. Он мог делать уникальные экземпляры и целые партии. Короче, доктор Трилинг был в своем деле первым человеком в Штатах.

— Настоящим шедевром,— сказал Карл (в более благоприятной обстановке, чем при предыдущей встрече, на сей раз днем, а не ночью, и с кружкой пива в руке),— была твоя выдумка с лицом. Первоклассная работа, черт побери.

— Ерунда. Вся сила была в твоей идее — заставить его положить руки на лицо.

— Не понял.

— Я тут как-то вспомнил об этом,— сказал Джо.— Ты, наверное, сам не отдавал себе отчета, какой это был блестящий ход. Устроить человеку такой спектакль само по себе умно, но заставить его прикоснуться к этому собственными руками — вот в чем проблеск гениальности. Как бы тебе объяснить... Ну, пожалуй, такой пример. Я еще совсем

мальчишкой шел однажды из школы и схватился рукой за прут садовой решетки. А на пруте был плевок, обыкновенный плевок.— Он показал ладонь правой руки и брезгливо отряхнул ее.— Сколько лет прошло с того дня, но я до сих пор не забыл этого ощущения. Годы не стерли его, никакое мыло, никакие щетки не смогли его соскоблить. И сидит оно не в мозгу, не в психике, это не просто память о неприятном эпизоде. Мне кажется, существует какой-то запоминающий механизм в самих клетках, особенно в клетках рук. Он-то и работает... Это я все к тому, что Уилер, сколько ему ни суждено прожить, будет до конца дней своих ощущать, как кожа соскользнула с черепа мертвеца под его ладонями, и вспоминать, как он чуть не уткнулся носом в него. Нет, дорогой брат, гений ты, а не я.

— Брось. Ты знал, что делаешь, а я нет.

— Не заливай.— Джо откинулся назад в своем шезлонге так далеко, что сквозь дно пивной кружки смог увидеть солнце.

Лениво следя, как поднимались в пиве пузырьки газа и вопреки законам перспективы увеличивались, удаляясь от него (просто потому, что ближе к поверхности жидкости они расширялись), он пробормотал:

— Карл...

— Да?

— Ты когда-нибудь слышал о «бритве Оккама»?*

— Гм... Давно. Кажется, философский принцип какой-то. Или из логики? Постой-ка... Одну минуту... Вот так. Если даны следствие и ряд возможных причин, то наиболее вероятной, истинной причиной будет простейшая. Правильно?

Оккам Уильям (ок. 1300—1349)— английский философ-схоласт, логик и церковно-политический деятель. Утверждал, что понятия, не сводимые к интуитивному знанию и не поддающиеся проверке опытом, должны быть удалены из науки: «Сущности не следует умножать без необходимости». Этот принцип был назван «бритвой Оккама».

Автор рассказа прибегнул к игре слов, назвав хирургический скальпель Триллинга, раскрывающий перед Уилером якобы инопланетное происхождение его босса, «скальпелем Оккама». (Здесь и далее примечания переводчиков.)

— Не совсем точно, но довольно близко,— сказал Джо.— Гм-м... Ну так вот, ты и я знаем, что человеческой жадности и беспечности самих по себе вполне достаточно, чтобы разрушить нашу планету. Но, считали мы, для людей, подобных Кливу Уилеру, располагающих реальными возможностями пресечь этот процесс, подобные причины неубедительны, и сфабриковали для него инопланетянина, дышащего смогом. То есть он ничего не стал бы делать ради спасения мира, пока мы не подсунили ему довод, убедительный лично для него. Выдумали и подсунили.

— Да, но выдумали, оправдав этот довод всеми доступными данными... К чему ты, собственно, клонишь?

— Так... Видишь ли, наша хитроумная афера по сути своей очень проста, потому что сводит все к одной-единственной причине. «Бритва Оккама» этому и учит — сводить явления к простейшим причинам. Я все к тому, что единственные причины, весьма вероятно, и есть истинные.

Карл со стуком поставил свою кружку.

— Черт возьми, я до этого не додумался! Слишком занят был. А ЧТО, ЕСЛИ МЫ ОКАЗАЛИСЬ ПРАВЫ?

Они глядели друг на друга — потрясенные...

Хулио Кортасар
(Аргентина)

Маленький рай

Формы счастья очень разнообразны, и не следует удивляться, что жители страны, которой правит генерал Орангу, счастливы с того дня, когда в их кровь попадают золотые рыбки.

Строго говоря, рыбки эти не золотые, а всего лишь золотистые, но достаточно увидеть, как они сверкают, резвясь, и у тебя появляется неодолимое желание их иметь.

* © Julio Cortázar, 1978.

Правительство сразу это поняло, когда некий натуралист поймал первых рыбок и они стали быстро размножаться в благоприятной среде. Известная специалистам как Z-8, золотая рыбка необычно мала, настолько, что если представить себе курицу величиной с муху, то золотая рыбка будет величиной с такую курицу. Поэтому, когда жителю страны исполняется восемнадцать лет, не составляет никакого труда ввести рыбок ему в кровь; указанный возраст и процедура введения определены законом.

Таким образом, все юноши и девушки с нетерпением ждут дня, когда их допустят в один из специальных медицинских центров; они приходят туда в сопровождении семьи. К вене на руке присоединяют трубку, она является частью прозрачного сосуда, наполненного физиологическим раствором, куда потом запускают двадцать золотых рыбок. Облагодетельствованный и его семья имеют возможность всласть налюбоваться играми золотых рыбок в сосуде, пока те одна за другой, уже неподвижные и словно бы испуганные, крошечными брызгами света уходят в вену. За полчаса гражданин получает полный комплект золотых рыбок, а потом он удаляется, чтобы торжественно отпраздновать обретение им счастья.

Если присмотреться повнимательнее, выяснится, что счастливы жители страны скорее благодаря работе своего воображения, нежели прямому соприкосновению с действительностью. Хотя увидеть золотых рыбок после введения их внутрь уже невозможно, каждый знает: они непрерывно обегают все огромное древо вен и артерий, и любому в последние минуты перед сном кажется, что в чаше его сомкнутых век появляются и исчезают эти сверкающие искорки, так выделяющиеся своим блеском на красном фоне рек и ручейков, по которым они движутся. Особое волнение вызывает всегда мысль о том, что двадцать золотых рыбок тотчас начинают размножаться, и потому житель страны представляет их себе, бесчисленных и сверкающих, во всех частях своего тела: как они скользят в голове, приплывают в самые кончики пальцев, скапли-

ваются в больших бедренных артериях, в яремной вене или же с невероятной ловкостью проникают в самые укромные уголки тела. Наибольшую радость внутреннему взору доставляет образ периодического прохождения золотых рыбок сквозь сердце, потому что там наверняка есть крутые горки, озера и стремнины, удобные для их игр и общения друг с другом; и, конечно, именно в этом большом и шумном порту золотые рыбки знакомятся, выбирают себе пару и соединяют с ней свою судьбу. Когда юноша или девушка влюбляются, они всегда убеждены, что и в сердце у него (или у нее) какая-нибудь золотая рыбка нашла себе пару. Даже некоторые напоминающие щекотку ощущения все объясняют спариванием золотых рыбок в соответствующих местах. Главные жизненные ритмы снаружи совпадают с таковыми же внутри — разве можно представить себе счастье, исполненное большей гармонии?

Картину омрачает лишь то обстоятельство, что время от времени какая-нибудь из золотых рыбок умирает. Хотя живут, они подолгу, наступает все же день, когда одна из них гибнет, и тело ее, увлекаемое движением крови, в конце концов закупоривает переход из артерии в вену или из вены в какой-нибудь сосуд. Жителям страны хорошо известны симптомы, очень, вообще говоря, простые: становится трудно дышать, а иногда еще и кружится голова. Если такое происходит, сразу достают ампулу для инъекции — их специально держат дома на этот случай. Под действием содержимого ампулы мертвая рыбка за считанные минуты рассасывается, и кровообращение снова приходит в норму. Каждому официально разрешено использовать три ампулы в месяц, учитывая, что золотые рыбки размножаются очень быстро и количество смертей их со временем увеличивается.

Правительство генерала Орангу установило стоимость ампулы в двадцать долларов, что в течение года по стране дает доход в несколько миллионов; если иностранные наблюдатели рассматривают это как тяжелый налог, то жители страны воспринимают все совершенно иначе, по-

тому что каждая ампула возвращает им счастье, а платить за счастье вполне справедливо. Когда речь идет о семьях без средств, что бывает очень часто, правительство предоставляет возможность приобретать ампулы в кредит, взимая при окончательном расчете двойную стоимость, что вполне логично. Если и при таких благоприятных условиях кто-то останется без ампул, он может обратиться к преуспевающему черному рынку, которому правительство, понимая нужды людей и желая им помочь, позволяет процветать для блага народа и нескольких полковников. Какое значение, в конце концов, имеет нищета, когда известно, что у каждого есть золотые рыбки, и золотых рыбок будут получать одно за другим все новые и новые поколения, и снова и снова будут праздники, будут танцы, будут песни!

Герберт В. Франке
(ФРГ)

Паразит поневоле

Рут снова нарушила запрет жителей Сириуса. Она рвала растения. Рут не только вырвала с корнем куст с глазастыми цветами-зонтиками, но и принесла его в дом. Она не только принесла в дом этот удивительный куст, но и поставила его в комнате в вазе. В этой комнате она легла спать.

Когда Кумулус очнулся — он всегда впадал в шок от страха, — появилась боль. Она шла оттуда, где были исчезнувшие корни-руки. Нижняя половина тела его мокла в воде, наполнявшей брюхо какого-то незнакомого существа. Желтыми глазами-зонтиками Кумулус жадно ловил красно-оранжевые лучи. Но водой и лучами сыт не будешь. Нужно скорей найти питательную почву! Щелочную, щелочно-земельную. Только она поможет исцелиться его ранам.

Цепляясь жгутиками за стенки ужасного брюха, Кумулус перевалился через острый край и начал поиски. Он был взволнован. Кругом чужая пустыня. Корни-руки Кумулуса змеились в разные стороны, искали пищу, но всюду наткнулись на что-то холодное и жесткое вместо привычной податливой и мягкой магнезитовой почвы. Кумулус пугался, он не ощущал ни капли живительного тепла. Но почему? Ведь тепло всегда тянется из глубины почвы.

Ветвистое тело Кумулуса, покачивая золотистыми зонтиками, медленно переваливалось по твердому полу. Вдруг Кумулуса остановил шорох. Глаза его прореагировали на нечто привлекательное, исходившее от странного вытянутого предмета. Туда! Вертикальное препятствие не остановило Кумулуса. Собрав все силы, с невероятным трудом он карабкался вверх и, достигнув цели, сразу понял, что потрудился не зря. Это было нечто теплое и мягкое. Как только Кумулус запустил в него корни, он сразу почувствовал желанный вкус. Соли кальция! По листьям и стеблям разливалась сытость, а с ней прибывали силы. Раны прорастали новыми корнями, они сразу медленно и осторожно погружались в теплую глубину. Немного беспокоила непривычная обстановка, но лучше быть сытым, чем, изнывая от боли, висеть и полоскаться в воде или ползти по безжизненной пустыне.

Рут спала плохо. Мучили сны, страшные, сжимавшие душу. Просыпаясь, Рут почувствовала на плече что-то странное и чужое — мягкий неприятный комок. Еще в полусне девушка попыталась освободить плечо. Но сорвать комок оказалось не так-то просто. Он держался, как приклеенный, и чем резче дергала Рут, тем больнее было руке. Боль окончательно прогнала сон. Девушка открыла глаза и застыла в недоумении и страхе: то самое растение, которое она сорвала и поставила в воду, распушилось теперь на ее левом плече. Рут вскрикнула, захотела встать и не смогла. Левая рука словно отнялась. Чтобы ее поднять, нужны чудовищные усилия. А во всем теле парализующая усталость. Рут уткнулась в подушку и безудержно заплакала.

В этом состоянии, в слезах и отчаянии, нашла ее Дженни, пришедшая узнать, почему Рут не вышла к завтраку. Дженни охватил ужас, но она немедленно кинулась на помощь подруге. Дженни двумя руками вцепилась в переплетение листьев и рванула изо всех сил. Рут закричала: пронзительная боль впиалась в сердце.

Дженни привела врача.

Доктор Форд был хирургом. При малейшей возможности исцелять хирургическим путем он с воодушевлением пускал в ход скальпель.

— Немедленная операция! Тут и рассуждать не о чем.

Но, сделав снимок, доктор крепко задумался:

— Корни достигли аорты. Оперировать слишком поздно. Здесь медицина бессильна.

— Может быть, местные жители знают, как помочь Рут,— высказала робкую надежду Дженни.

Их хозяин, старый козлообразный человечек, увидел растение на плече у Рут. В его глазах мелькнула сердитая тень.

— Он сам сюда пришел?

Люди в недоумении уставились на хозяина. Тонкой плетеной сеткой он окутал стебли и листья существа, выросшего в плечо Рут. Хозяин заговорил тихо и ласково:

— Твое место не здесь. Как ты попал в комнату? Это люди, они ничего тебе не сделают. Вылезай-ка отсюда. Там, на дворе, теплая, мягкая почва. Давай я отнесу тебя туда!

Легкими прикосновениями хозяин вывел Кумулуса из неподвижности. Дрожь пробежала по поверхности листьев. Качаясь, повернулись желтые зонтики. Из плеча девушки вдруг показался один корень, за ним другой, третий... Корни изгибались, вытягивались, словно силясь найти опору, и, не найдя ее, завивались кольцами.

Хозяин снял Кумулуса с плеча Рут и осторожно понес его в сад, к овальной площадке, сплошь покрытой зонтиками и жемчужно-желтыми шариками. Он поместил Кумулуса на свободное место и стал наблюдать, как тот, потягиваясь

от удовольствия, погружал в почву корни.

«Ну, здесь я все уладил»,— подумал козлообразный человек и посмотрел на своих гостей, стоявших перед домом. В его взгляде не осталось и следа прежнего дружелюбия.

Борис Виан
(Франция)

Париж, 15 декабря 1999...

Префектура Сены
От главного инженера Бориса Виана,
комиссара Старого Парижа,
Зефирэну В7-239

Вы наверняка уже знаете, что через две недели с хвостиком мы, хоть и не без труда, но дотопаем до конца двадцатого столетия.

По случаю этой даты, как ни произвольна точка, от которой она отсчитана, прошу Вас сделать все необходимое для принятия следующих мер, имеющих целью существенно улучшить как вид столицы, так и жизнь в ней.

I. Административные здания
(Дополнение к письму от 10.03.99)

Согласно моему мартовскому письму, Вам надлежит завершить переселение административных служб.

Особо напоминаю, что:

А. Те сотрудники полицейских и судебных органов, которые еще остаются в зданиях на набережных Сены и по бульвару Пале-Рояль, должны освободить все занимаемые ими помещения.

Должен быть проведен внутренний и наружный ремонт вышеупомянутых зданий, для чего Вам следует связаться

с мосье Ксантцем, ныне директором отеля «Георг V».

Вы наверняка помните, что по условиям нашего соглашения с этим знатным господином все здания Парижа, имеющие историческое значение, должны будут постепенно превращаться в отели класса, обозначаемого семью звездочками (туристические экстравысшей категории, минимальная стоимость номера — сто долларов в день, эквивалент миллиона наших теперешних дерьмовых франков). Мебель, где только возможно, должна соответствовать стилю здания. Если такой мебели не хватает, наши соглашения с фабриками изделий из пластмассы в Бурже позволяют нам в кратчайшие сроки получить не отличимую от оригинала копию любого из экспонатов Национального музея мебели.

Последние служащие Консьержери*, которые в ней остаются, должны быть переведены в Блуа, в Национальный центр тихой полиции.

Необходимо завершить все до 01.01.2000.

В. Плавательный бассейн у Триумфальной арки должен быть как можно скорее открыт вновь, а солярий над ним должен быть как можно скорее вновь покрыт крышей.

Что же касается нескольких зданий, все еще занимаемых сотрудниками «Радиотеледиффюзьон франсэз», то эти здания в течение восьми часов должны быть взорваны, потому что, как показывает опыт, вышеназванных лиц можно удалить только таким путем. Останки должны быть отправлены в крематорий РТДФ, а освободившееся место преобразовано по типу А-5 (кусты-цветы-овощи-фавны).

Пожалуй, этс единственные из моих мартовских указаний, которые еще не выполнены. Все должно быть сделано до наступления 2000 года — молниеносно!

II. Дороги и транспорт

А. Лук-порей на авеню Оперы так разросся, что представляет теперь опасность для прохожих. Необходимо обрезать до высоты 3 метра 25 сантиметров. Не позднее 30.12.99.

В. Все 1130 движущихся тротуаров, обеспечивающих непре-

* Консьержери — тюрьма в Париже.

рывное передвижение пешеходов по главным транспортным артериям, нужно покрасить в светло-желтый цвет, потому что он мне нравится.

Обращаю Ваше внимание на то, что, хотя я уже ввел вышеупомянутые тротуары в действие, подарка от фирмы «Отилюзье-Компифр» я до сих пор не получил — он по-прежнему около их здания. А так как Вы все равно бездельничаете... Не позднее 24.12.99.

С. Как Вам, вероятно, известно, до сих пор, в нарушение запрета, содержащегося в моем приказе от мая 91 года, по Парижу продолжают ездить замаскированные под электромобили машины на жидком топливе. Напоминаю Вам, что имеющиеся у Вас приборы Эрвика, модель 6, позволяют легко выявить нарушителей. Нет нужды указывать на опасность, которую представляют для всех шестисот тысяч парижан выхлопные газы тридцати четырех автомобилей на жидком топливе, разъезжающих, как мне достоверно известно, по городу.

Что касается городского парка из четырехсот тысяч кресел-колясок на электрическом ходу, позаботьтесь о том, чтобы их тоже перекрасили в желтый цвет. Не позднее 24.12.99.

III. Климат, температура

Соизвольте приостановить в ночь на 31 декабря работу снегоуловителя (патенты Кено и Форвасса), чтобы дать возможность ветру, который Вы создадите на этот случай, пронести над столицей пятьдесят процентов всего количества облаков, производимых горнодобывающей промышленностью; она, как Вы сами знаете, вырабатывает их постоянно.

Оживление в небе наверняка порадует празднующих и даст им повод хоть раз посмотреть вверх — ничего страшного с ними от этого не случится.

Установите температуру воздуха минус пять по Цельсию, чтобы снег падал в благоприятных условиях и не превращался в слякоть; желательна область вышеозначенной температуры ограничить в высоту шестьюстами метрами; пре-

дусмотренное понижение температуры воздуха неизбежно будет нарушено снегопадом, но движение облаков не должно от этого пострадать ни в коем случае. Выпутывайтесь как можете. Но чтоб снег и облака были!

IV. Полиция

Напоминаю Вам, естественно, о необходимости на месте применять эвтаназию* к тем, у кого в руках (такие еще встречаются) обнаружат натуральную, а не синтетическую рождественскую елку; немедленно подвергать промыванию желудка каждого, чье дыхание покажет на дигсометре Рикара (модель 1964 года, усовершенствована в 1987 году) седьмую степень опьянения; допрашивать, принимая при этом меры предосторожности, всех вооруженных автоматами детей в возрасте от трех до пяти лет; проверять документы взрослых (от семи до пятнадцати лет) и стариков (возраст старше пятнадцати).

Проследите, чтобы владельцы кондиционеров ни в коем случае не закладывали в них наркотики в количествах, превышающих установленные Законом о праздничных днях. Злоупотребления имеют место каждый Новый год, и я желаю, чтобы это в конце концов прекратилось. Извольте пожелать того же.

Шум

Разумеется, полиция будет бросать гранаты в любое окно, откуда послышится хотя бы малейший шум.

Религия

Напоминаю Вам, что хотя нашей официальной религией остается коржибскизм**, к католикам проявляется терпимость — если только не будет петь мерзкий отец Дюран. Если же он все-таки будет петь, стреляйте в толпу, и чтобы раненых не оставалось!

* Эвтаназия (греч.) — здесь: безболезненное умерщвление.

** Несуществующая религия, придуманная автором; название ее произведено от фамилии американского лингвиста Коржибского.

Игрушки

По-прежнему категорически запрещены:

Атомные бомбы
Водородные бомбы
Лунные ракеты для детей
Танки более шести тонн весом.

Разрешаются ножи с лезвием не длиннее шестидесяти сантиметров, дубины, кастеты, револьверы калибром в девять миллиметров и выше и другое стрелковое оружие разнообразных моделей. Если потребуется, тактично регулируйте количество.

Ясно, что очень многое я забыл и пропустил. Если до восемнадцати часов завтрашнего дня Вы не заполните пробы, я Вас выключу.

Напоминаю, что роботы не спорят.

*Главный инженер,
комиссар Старого Парижа
Борис Виан*

Фредерик Пол
(США)

Снежные люди

А Танди и говорит:

— Только не сегодня, Говард! Я,— говорит,— уже почти в постели. Можешь удостовериться.

И тут она на секунду включает видео, но этого вполне достаточно, чтобы заметить ее совершенно прозрачное negligé и тапочки, расшитые птичьим пером, так что, естественно, у меня возникают кой-какие сомнения в искренности ее желания, чтобы я торчал дома.

Я говорю:

— А может, на минуточку, Танди? Тяпнем по маленькой. Чуток музыки, станцуем и...

— Говард, да ты просто невозможен!

— Нет, роднуля,— втолковываю я, тихо и нежно баюкая телефонную трубку,— и вовсе я не невозможен, а просто очень даже влюблен. И не вздумай мне говорить «нет». Да и вообще лучше ничего не говори... Закрой глазки, а через десять минут я уже буду с тобой и...

Но тут, будь оно проклято, начинается это их вяканье. «Блип-блип-блип-блип»— раздается в трубке, а потом сразу же: «Внимание, граждане! Передаем важное сообщение. Мировое федеральное правительство объявило на неопределенный срок чрезвычайное положение. Все теплонасосные генераторные установки мощностью более восьми лошадиных сил ...»

Я со злостью швыряю трубку на рычаг: «Чтоб им было пусто! Лезут в чужие телефонные разговоры в любое время дня и ночи, без всякого, понимаешь, разбора». Разозлился здорово, хотя, подумав немного, и отошел. А почему бы мне не отправиться прямо туда? Она же не сказала «нет»— даже возможности такой не было.

Поэтому я вывел своего жучишку, запер двери, включил термостат и начал выжимать скорость.

До дома Танди и двух миль не будет. Еще лет пять назад мне, чтобы добраться до нее, хватило бы за глаза трех-четырёх минут, а теперь трачу все десять. На мой взгляд— чистейшее позорище, хотя остальным на это, судя по всему, просто наплевать. У меня, видно, в характере есть такая авантюрная жилка, да и вообще я— более общественная личность. Джеффри Отис, тот о таких вещах и не задумывается. А Иттель дю Буа небось и не слышал об их существовании: как из дому выберется, так сразу и уткнет глаза в свой любимый канал для театральных записей, а жучишку ведет автопилот. Я не такой. Мне нравится вести самому, даже если автопилот в полном порядке, а кругом ни черта

не видать. Жизнь — она ведь для того, чтобы жить. Вот и живи!

Не буду притворяться, что разбираюсь во всей этой ученой муре — пусть ею занимаются те, кому интересно, — это еще одно мое правило. Но вы же знаете, когда в жучишке включен искатель направления и вы едете правильно, раздается такое «бип-бип-бип-бип», а если сбились, то «бип-квак-бип-квак». Это как-то связано с радио, ну не с самим радио, оно теперь, я слышал, неприменимо, а с чем-то вроде телефона, который работает через магму земного ядра... Так, во всяком случае, было написано в журнале, который мне случайно попался на глаза. Впрочем, прошу прощения, что разболтался насчет этой технической хреновины...

Я гнал машину прямо к Тандиному жилью, на уме у меня всякие приятные предсказания и предчувствия удовольствий, как вдруг это бипбипанье прекратилось, раздался этакий хрустальный звоночек, а затем прорезался голос: «Внимание! Пользование частными средствами передвижения запрещено! Вернитесь и слушайте наши ежечасные передачи распоряжений по телефонной сети». Значит, они, черт побери, разнюхали способ заблокировать своим вяканьем даже искатель направления! Это вконец испортило мне настроение, и я выключил свой ИН. Опасно? Пожалуй, но, прямо надо сказать, водитель я первоклассный, чувством направления обладаю исключительным, да и вообще уже почти добрался до места — термоуловители на жучишкином носу уже почувяли термический градиент Тандинового жилья.

Танди сама снимает дверные запоры.

— Говард! — говорит она в приятном удивлении, запахивая черное кружево своего negligé.— Да ты и в самом деле явился! Ах ты шалунишка!..

— Любимая! — страстно дышу я и тянусь руками.

Она уклоняется.

— Нет, Говард, — говорит она строго, — только не это! Посиди немножко, глотнем что-нибудь, если хочешь. А потом, — говорит, — я намерена заупрямиться по-настоящему и отправить тебя туда, откуда ты пришел, мой мальчик.

— А как же!— заливаю я, поскольку в общем-то таковы правила игры.— Вот только выпью, и привет.

Но Танди, будь оно проклято, похоже, говорит на этот раз всерьез. Гостеприимства никакого не ощущается, если говорить о *настоящем гостеприимстве*. Так-то она довольно дружелюбна, разговаривает тоже довольно мило, но... Уселась на стул, который, так сказать, решительно исключает... Ведь о «реквизите» Тандиной жилухи я многое могу рассказать. Вон у огня стоит полукресло, так это очень дурной знак — у него подлокотники скользкие, да и места в нем хватает ровно на одного. А вон то — Кресло Утех, тут уж особых разъяснений не требуется, верно? А еще есть большая софа и даже кое-что получше — огромная медвежья шкура на полу. А на самом краю противоположного конца шкалы находится эта штукавина без спинки и подлокотников, с плетеным из соломы сиденьем, с одной стороны которой торчит ваза эпохи Мин*, а с другой — какой-то куст в громадном горшке. На этой-то штукавине в данный момент и восседает Танди.

Я, значит, бурчу:

— Не надо было мне сюда являться...

— Что такое, Говард?

— Я говорю, не мог доехать быстрее. Хоть и мчался на всех парах.

— В этом-то я уверена, жулинька,— лукавит она и выключает миксер. Он отмеривает нам по порции мартини.— Будь паинькой,— говорит она твердо.— Имею же я право выпасться хоть разок.

— За любовь!— провозглашаю я и споловиниваю свою порцию мартини.

— А вот этого не надо,— предупреждает она.

Я встаю с пола, где присел было у ее ног, и пересаживаюсь на стул.

— Ты,— говорит Танди,— мужчина-кремень, Говард, голубчик, мне с тобой не справиться.

* Мин — китайская императорская династия (1368—1644), в ее эпоху высокого уровня достигло искусство изготовления фарфоровых и фаянсовых изделий, украшенных цветной глазурью, эмалями и т. п.

А сама хихикает.

Ладно, иногда приходится и проигрывать. Приканчиваю я выпивку и думаю: вот покручусь еще тут минут пять, чтобы знала, кто из нас главный, а там сяду на жучишку, да и домой. Честно говоря, сонный я был какой-то. Денек выдался тяжелый — несколько часов провозился с орхидеями, потом выслушал подряд девять симфоний Бетховена, пока раскладывал пасьянс.

И тут я слышу — звонит гостевой оповещатель. Натурально, пляжусь на Танди.

— Господи,— говорит она вроде как с удивлением,— кто бы это мог быть?

— Танди!

— Какая-нибудь зануда, не иначе,— дергает она плечиком.— Не стану и открывать. А теперь, будь такой добренький, двигай...

— Танди! Как ты могла?!— Мысли обгоняют друг друга, но все финишируют у одного вывода.— Танди! Неужели ты пригласила на этот вечер Иттеля дю Буа?! Не отпирайся!

— Говард, ты несешь бог знает что! Иттель же был в прошлом году!

— Говори правду!

— Да нет же!— Она злится. Видно, мои обвинения не доставляют ей никакого удовольствия.

— Тогда это Джеффри! Я не потерплю этого! Жеребьевка была честной, и я выиграл без обмана. Неужто ты не могла потерпеть хоть до конца года? Это бесстыдство! И я...

Тут она встает, и ее синие глаза полыхают:

— Говард Мак-Гиннес, лучше бы вам покинуть мой дом, пока вы не сказали чего-нибудь такого, что я уже не смогу забыть!

А я стою на своем:

— Тогда кто это?

— Ну, так твою...— говорит она и со всего размаха дает левой ногой пинка цветочному горшку.— Иди к дверям и сам посмотри.

Так я и сделал.

Ну, жучишку Иттеля дю Буа я хорошо знаю — это «бьюик», да и жучишка Джеффа мне известен. Это были не они. Больше того, машина у двери Танди, припаркованная рядом с моей, была вообще ни на что не похожа. Начать с того, что длиной она была меньше восьми футов.

Несколько спаренных инфракрасных ламп окатывали ее волнами тепла; лепешки слежавшегося снега, оставшиеся на закраинах корпуса, на протекторах и прочем, отваливались, таяли, превращались в воду, стекая в дренажную решетку. Знаете, как трещит и ухает жучишка в процессе согревания? Все ведь они одинаковы...

Кроме этого.

Ни единого звука. Было так тихо, что я мог различить еле слышный писк Тандинового автоматического регулятора напряжения, включившего еще один теплосос, чтобы компенсировать потребление энергии инфракрасными лампами. А жучишка — ни звука. Кроме того, у него не было гусениц! А еще у него, верьте или не верьте, были окна!

— Видишь,— говорит Танди голосом, похолоднее четырехмильной толщи льда над нашей головой.— Не худо бы извиниться за свое хамство...

— Извиняюсь,— говорю я так тихо, что слова еле-еле можно разобрать.— Я...— Тут я умолкаю и сглатываю слюну. Потом начинаю канючить:— Танди, скажи, что же это такое?

Она не очень-то твердой рукой подносит к сигарете зажималку.

— Ну, хорошо... Я и сама толком не знаю... Пожалуй, даже рада, что ты тут оказался, Говард,— сознается Танди.— Может, мне и не следовало пытаться тебя отшить.

— Говори же!

Она взглянула на жучишку:

— Ладно. Не буду тянуть резину. Мне звякнул этот... тип... Хотя я не совсем поняла, чего он хотел, но...

Она бросает на меня взгляд из-под ресниц.

— Усёк,— говорю я.— Ты решила, это «жирный карась»...

Она кивает.

— И ты намылилась меня отшить, не брать в долю! — злобно кричу я. — Танди, ты скупердяйка! Когда я нашел старого Бушмайера мертвым, разве я не взял тебя с собой и мы не обобрали его нору? Разве я не дал тебе право первого выбора? За исключением теплососов и проводки, разумеется...

— Знаю, милый, — шепчет она со стыдом, — но... ш-ш-ш-ш... он выходит.

Она смотрит из окна. Я тоже.

Потом мы глядим друг на друга. Этот тип, вылезавший из странного жучишки, так же странен, как и его машина. Может, он и легкая добыча, а может, совсем наоборот. Но в чем я глубоко уверен, так это в том, что он и не человек вовсе. Вот уж нет! Не человек он — с этими огромными белыми глазами, с этим пучком извивающихся оранжевых змеевидных отростков вместо волос.

— Танди! — ору я. — Да он же не человек!

— Знаю, — шепчет она.

— А ты понимаешь, что это значит? Он — чужак! Он с другой планеты, а может быть, и с другой звездной системы. Танди, важнее этого с нами еще ничего не случилось! — Мысли неслись с бешеной скоростью.

— Вот что, ты его пусти, а я тем временем воспользуюсь запасной шахтой, она разморожена, надеюсь? Отлично! — У запасной двери я останавливаюсь и с нежностью смотрю на Танди. — Танди, милашка, — говорю, — а ты еще думала, это просто «карась». Теперь-то ты поняла, как я тебе необходим?

И исчезаю, предоставив ей переваривать эту мысль, пока она будет принимать посетителя.

Я не торопился и тщательно осмотрел жучишку чужака. Кто бы он ни был — человек или чудовище, но на то, что Танди сумеет его занять, можно было положиться. Поэтому я был очень внимателен, в результате чего обогатился солидным запасом того, что, по всей видимости, было батарей-

ками. Я, конечно, досконально не сумел в них разобраться, но энергия в них была — это точно, а если уж она есть, то теплосос найдет способ ее высосать. Батарейки я позаботился сложить в собственного жучишку перед тем, как вернуться к Танди. Не занимать же ее внимание такими мелочами.

Она сидела в своем полукресле, а чужака нигде не было видно. Я поднимаю брови. Она кивает в ответ.

— Ладно,— говорю я,— в конце концов он твой «карась», и не мое дело путаться под ногами.

Танди выглядит отдохнувшей, спокойной, счастливой.

— Как там с жучишкой?— спрашивает она.

— Ну, там всего хватает,— говорю я.— Металла — уйма! И еда! Пропасть еды, Танди! Разумеется, придется быть осторожным, пока не выяснится, годится ли она для наших желудков, но пахнет шикарно. И...

— А теплососы?— требовательно спрашивает она.

— Странно,— отвечаю я,— но они, видно, не пользуются теплососами.

Танди нахмурилась.

— Нет, честно, девочка. Можешь сама посмотреть — все, что было, сложено у твоих дверей.

— Разумеется, кроме того, что ты упрятал в своего жучишку?

— Танди!

Она злится еще некоторое время, потом улыбается, так что напоминает солнце, проглядывающее сквозь облака, как это можно видеть на старых видеозаписях.

— Неважно, Говард,— говорит она нежно.— На нас хватит. Давай-ка еще по капельке, а?

— А как же!— Я подхожу и беру протянутый мне стакан.— Да здравствует любовь! Да здравствует преступление! Кстати, ты успела покалякать с ним хоть немного?

— А как ты думал!— говорит она резковато.— Бу-бу-бу-бу... Он еще хуже наших чинуш.

Тут я встаю и вразвалочку пересекаю комнату, направляясь к выключателю.

— Что-нибудь интересенькое он сказал?

— Да, пожалуй, нет. Перво-наперво — по-английски он говорит вроде бы спотыкаясь. Утверждал, что выучил его по нашим старым радиопередачам. Можешь себе представить, они будто бы вечно будут крутиться там... в космосе.

Я выключаю свет.

— Так лучше?

Она сонно кивает, поднимается, чтобы наполнить стакан, и пересаживается в Кресло Утех.

— И он дико интересовался теплососами,— говорит она, зевая.

Я запускаю пленку в маг (Чайковского — Танди обожает скрипку).

— Они ему понравились?

— Частично. Он считал их в высшей степени остроумным изобретением. И очень опасным, по его выражению.

— Да ну его ко всем чертям вместе с проклятыми чинушами! — бормочу я и подсаживаюсь к ней. «Клик-клик» — это наши индивидуальные защиты становятся на боевой взвод. Теперь первое враждебное движение — и будут включены силовые поля (это я так предполагаю, что они силовые). — Чинуши вечно вякают про теплососы... Я тебе не говорил — они уже приспособились подключаться к каналу искателя направления?!

— Господи, Говард! Это уж чересчур!

Она встает, наливает еще мартини и садится. На этот раз на большую низкую софу. И хихикает.

— В чем дело, милочка? — спрашиваю я, вставая и снова подсаживаясь к ней.

— Ох, и смешной же он был!.. Бу-бу-бу-ру-ру-ру-му-му-му... И все про теплососы, они, мол, погубят наш мир...

— Опять же как чинуши...

Снова «клик-клик», поскольку я обнимаю ее за плечи.

— Точь-в-точь, — соглашается она. — Он говорил, мол, только необычайно высокая технология могла породить приспособление, способное извлекать тепловую энергию из окружающей среды... Необычайно высокая, но нам следова-

ло бы подумать, что будет, когда вся теплота исчезнет...

— Идиотство,— мурлыкаю я прямо в ямочку над ключицами.

— Еще бы нет! Как будто теплоту можно исчерпать! Он назвал это абсолютным нулем. Болтал, будто до него нам осталось не то восемь, не то десять градусов. Вот откуда ваш снег,— говорил он...

Я издал звук подавленного отвращения.

— Да, именно так он и талдычил: мол, это вовсе не снег, а замерзший воздух — кислород, азот и всякое такое... Мы, дескать, заморозили Землю начисто и теперь ее либидо* близко к максимальному...

Я резко выпрямился, но потом снова расслабился.

— Ох,— говорю,— не либидо, а альбедо**. Иными словами, Земля светится... отражает свет...

— Вот про это он и толковал. И еще, мол, чинуши правы... Говард! Да Говард же! Ты бы лучше слушал, что я тебе рассказываю!

— Ш-ш-ш-ш...

Она обмякла, но потом начала хихикать:

— Говард, постой же! Я ведь забыла рассказать тебе самое смешное...

Это нарушало мой настрой, но я заставил себя успокоиться.

— Так в чем дело, лапушка?

— У него не было индивидуальной защиты!

Я так и сел:

— ЧТО?!

— Никакой! Гол как новорожденный! Уж это точно доказывает: он не человек, верно? Я считаю, если ты даже не способен о себе позаботиться, значит, ничего человеческого в тебе нет, одна животность, и все тут.

Я поразмыслил.

* Либидо (*лат.*) — желание, стремление; в сексологии — половое влечение.

** Альбедо (*лат.*) — светлый; величина, характеризующая отражательную способность любой поверхности, здесь — поверхности планеты.

— Пожалуй, ты права,— говорю, хоть эту идею было не так-то легко переварить.

— Вот и отлично! — щебечет она. — Потому как, видишь ли, он сейчас находится в этом... в холодильнике... Не выбрасывать же его зря! Тем более раз он не человек!

Я немного подумал. Ну, а почему бы и нет? Все эти мыши и кролики осточертели, но ведь прошло уже почти пятьдесят лет с тех пор, как исчезло открытое небо, а с ним и пастбища, и, кроме них, есть больше нечего. Теперь, когда я представил себе чужака, он показался мне упитанным и аппетитным.

Впрочем, к этой проблеме можно вернуться и позже. Я лениво протягиваю руку и нащупываю кнопку контроля последнего источника света — электрокамина.

— А он не сказал, откуда он? — спрашиваю я.

— К сожалению, — слышится ее приглушенный голос, — я забыла его спросить.

В задумчивости беру свой стакан. Там еще есть — на доннышке, и я делаю глоток. Странно, с чего этот чудик взял на себя труд явиться к нам? Добро бы в прежние годы — над Землей тогда простиралось открытое небо, так почему бы инопланетянам и не садиться в своих ракетах? Но этот! Приперся из такой дали — черт-те откуда — и зачем? Чтоб превратиться в кастрюлю бульона и снабдить нас небольшим запасом металлолома и батареек? Думаю, чинуши бы с ним охотно потрепались. И не только потому, что он с ними согласен насчет теплососов и прочего, нет, они просто вообще такими штуками интересуются. Скучный народ — только и делают, что издают всякие распоряжения... Само собой, мы-то на них — ноль внимания.

И все же...

А Впрочем, на фига мне утруждать голову такой чепухой? Да будь теплососы опасны, разве стали бы их изобретать? Верно?

Я ставлю стакан и выключаю камин.

Теплая и притихшая Танди лежит рядом... но хоть она и затаилась, вы можете держать пари, сна у нее — ни в одном глазу...

Айзек Азимов
(США)

Памяти отца

Невероятно! Неужели не знаете? Ну, вот видите! Я был уверен, что слышали. Конечно, я охотно расскажу вам об этом, если вы так настаиваете. Сам я очень люблю эту занятную историю, но, к сожалению, не всегда находят слушатели. Представьте, мне даже как-то посоветовали держать язык за зубами, потому что это якобы расходится с теми легендами, которыми обрастает имя моего отца. И все же, согласитесь, правда дороже, не говоря уже о нравственности. Иной раз вот так потратишь свою жизнь на удовлетворение собственной любознательности и совершенно неожиданно и безо всякого на то усилия вдруг обнаружишь себя благодетелем человечества.

Сколько я помню отца, физика-теоретика по профессии, его всегда интересовала проблема путешествий во времени. Не думаю, чтобы он когда-нибудь задавался вопросом, что значат эти хронопутешествия для простого смертного. На мой взгляд, его просто интересовали математические связи, управляющие вселенной.

Проголодались? Прекрасно! Думаю, Вы прождете не более получаса. Для такого гостя, как вы, все будет приготовлено наилучшим образом. Это дело чести.

Начну с того, что отец был беден, это, вообще говоря, естественно для профессора университета. И, однако, он случайно разбогател. В последние годы перед кончиной он был так баснословно богат, что хватит и мне, и моим детям, и внукам, вместе взятым, — да вы и сами это видите.

В его честь установили даже несколько памятников. Самый старый стоит на холме — там, где было сделано открытие. Кстати, его видно из окна. Разобрали надпись? Вы стоите не совсем удачно. Ну ничего!

Так вот, когда отец занялся путешествиями во времени,

сама тема поисков, как совершенно безнадежная, была заброшена большинством ученых. Все началось с того незабываемого года, когда впервые стали устанавливать хроноворонки.

Вообще-то там не на что смотреть, так как они абсолютно вне логики и контроля. То, что вы увидите, искажено и зыбко, в большинстве своем два фута в поперечнике и нередко исчезает мгновенно. Процесс настройки на прошлое, на мой взгляд, напоминает попытку сосредоточиться на пушинке в самый разгар урагана.

Некоторые ученые пытались выудить что-нибудь из прошлого, проталкивая в воронку железную «кошку». Иногда, при особом упорстве, это им удавалось — на секунды, не более. Но чаще всего все было бесполезно. Ничего не удавалось вытащить из прошлого до тех пор, пока... Но я еще скажу об этом.

И вот после пятидесяти лет бесплодных поисков физики, представьте себе, потеряли всякий интерес к этой проблеме. Не было даже понятно, с какой стороны к ней подступиться. Честно говоря, оглядываясь назад, я их не виню, хотя находились и такие, кто оспаривал самый факт проникновения воронок в прошлое. А ведь сквозь воронки довольно часто можно было видеть необычных животных — ныне давно вымерших.

Как бы там ни было, отец объявился тогда, когда о проблеме хронопутешествий совсем забыли. Он уговорил правительство выдать ему заем на постройку воронки и начал все сначала. В те дни я ему еще помогал. Я был свеженьким выпускником колледжа со степенью доктора физики. И тем не менее спустя год или полтора наши совместные усилия привели к крупной неприятности: отец не смог возобновить кредит. В университете, вы только вообразите себе, решили, что он, одиночка в области абсолютно безнадежной, своими исследованиями только подрывает их репутацию, а промышленность и вовсе не была заинтересована. Декан аспирантуры, который смыслил только в финансовой стороне дела, вначале намекал, мол, неплохо было бы переключить-

ся на другую область, а кончил тем, что попросту вышвырнул его вон.

Конечно, после смерти отца этот господин — а он по-прежнему здоровует и все так же занят милыми сердцу расчетами — оказался в дурацком положении, так как отец в своем завещании отвалил аспирантуре миллион долларов, но в оборудовании отказал, добавив не без злорадства, что основанием для отказа служит недальновидность декана. Думаю, это было сделано из желания отомстить. Но раньше, когда впереди были еще годы...

Я не могу настаивать, но, пожалуйста, не ешьте больше хлебных палочек. Чтобы подавить острое чувство голода, достаточно чистого бульона, только ешьте не торопясь.

И все же мы как-то сводили концы с концами. Отец вывез из университета купленное в кредит оборудование и установил его на этом вот месте, где вы его видите.

Те первые годы были такими трудными, что я упрашивал отца на все плюнуть. Но говорить с ним было бесполезно, и каждый раз он ухитрялся где-то добывать недостающую тысячу.

Жизнь текла своим чередом, а он не позволял себе ничего такого, что могло бы помешать его исследованиям. Умерла мать; отец пережил это и вернулся к своей работе. Я женился, у меня родился сын, потом дочь, и я не мог уже, как прежде, заниматься его делами. Он продолжал без меня. Вскоре после этого он сломал ногу, но даже в гипсе упрямо работал месяц за месяцем.

Итак, я воздаю ему должное. Я помогал, конечно: вел переговоры с Вашингтоном, давал советы. Но он, и только он был душой всего дела.

Однако, несмотря на все наши усилия, мы не могли сдвинуться с места ни на шаг. С таким же успехом эти чертовски трудно добытые деньги можно было просто выбросить в хроноворонку — при условии, что они проскочат, конечно.

Нам все никак не удавалось пропихнуть в воронку «кошку». Только один-единственный раз мы подошли к этому вплотную. Мы уже было протолкнули ее на два фута на ту

сторону, когда с фокусом что-то случилось. Стало вдруг отчетливо видно, и где-то там, в эпохе мезозоя*, мы разглядели не более и не менее как грубо сделанный железный прут, ржавеющий на берегу реки.

И вот наступил тот удивительный день, когда неожиданно все снова стало ясно видно, но теперь это продолжалось десять минут — случай вообще небывалый! Боже мой! Как мы волновались, когда лихорадочно устанавливали фотокамеры! Там, на другом конце хроноворонки, то появлялись, то исчезали разного вида загадочные твари.

А потом с воронкой произошло что-то совсем непонятное, потому что в какое-то мгновение нас ничто уже не отделяло от прошлого, кроме воздуха! По-видимому, причину нужно было искать в самой технологии настройки, но мы тогда могли только догадываться об этом.

В ту минуту, как назло, у нас под руками не оказалось «кошки», но это уже не имело значения, так как что-то стремительно пролетело сквозь воронку — из *прошлого* в *настоящее*. Ошарашенный, сам не знаю почему, я бросился вперед и схватил это что-то.

В ту же минуту все исчезло из поля зрения, но это уже не тревожило нас. Мы с опаской уставились на то, что я держал в руках. Это был затвердевший ком грязи с вмятинами от ударов о кольцо воронки, и в середине его — несколько яиц, внешне напоминающих утиные.

«Яйца динозавра! — вскричал я. — Ведь правда?» «Трудно сказать, не знаю», — растерянно ответил отец. «Нужно их вывести!» — вдруг выпалил я, сильно волнуясь и суетясь. Я укладывал их так осторожно, точно каждое было драгоценностью. И они еще были теплые от жаркого доисторического солнца.

«Знаешь, отец, — сказал я, — если нам удастся их вывести, у нас будут твари, жившие сотни миллионов лет назад.

* Мезозой — эра геологической истории земли, началась 230 млн. лет назад, продолжалась 163 млн. лет. Характерна господством пресмыкающихся, достигавших иногда гигантских размеров, появлением млекопитающих, птиц и др.

И вообрази, это первый случай, когда что-то действительно вытащили из прошлого. Стоит объявить об этом во всеуслышание... И я тут же погрузился в мечты о кредитах, о рекламе — обо всем, что светило теперь отцу. Мне даже примерещилось лицо декана, и выражение этого лица было сконфуженное и преглупое. Но отец поступил совсем не так, как я ожидал. Он твердо сказал: «Никому ни слова! Если это обнаружится, десятки исследовательских групп выйдут на след и меня обставят. Ты объявишь обо всем, когда я раскрою наконец секрет воронок. А пока помалкивай! Не смотри на меня так! Через год все будет в порядке, вот увидишь!»

Прыти у меня поубавилось, но я надеялся: эти яйца послужат нам вескими доказательствами. Я установил большую печь с необходимой температурой, приладил сигнальное устройство — на случай, когда в яйцах появятся первые признаки жизни.

Они вылупились через девятнадцать дней, в три часа утра, — четырнадцать крошечных кенгуру в зеленоватых чешуйках, с когтистыми, толстенькими вверху ножками и тонкими, свисающими, как плеть, хвостиками.

Я думал сперва, это тираннозавры, но вскоре выяснилось, что они слишком малы для хищных ящеров. А месяц спустя стало очевидно: когда они вырастут, ростом будут не более собаки.

Отец казался разочарованным, но я не унывал — в надежде, что мне когда-нибудь позволят использовать их для рекламы. Двое погибли, так и не успев вырасти, но другие двенадцать выжили — пять самцов и семь самочек. Я кормил их рубленой морковью, вареными яйцами, молоком и страшно к ним привязался. Были они чудовищно тупые, но ласковые. И поразительно красивые. Их чешуйки... Но нет нужды их описывать. За прошедшие годы фотографии их стали довольно популярны. И если на то пошло, порой раздумывая обо всей этой истории, я нахожу, что ничего не знаю о вашем Марсе, но это я так, между прочим.

Должен признать, понадобилось немало времени, прежде

чем фотографии произвели должное впечатление на публику. Что же касается отца, он был все так же невозмутим. Прошел год, два, наконец три. И никаких сдвигов в нашей работе. Только один раз удалось нам прорваться в прошлое. И все же отец не отступал.

Пять самок отложили яйца, и вскоре у нас было уже с полсотни детенышей.

«Что мне с ними делать?»— обескураженно спросил я.— «Да прибей их!»— в сердцах ответил отец.

Но я, конечно, не мог этого сделать.

Генри, разве еще не готово? Хорошо!

Ну так вот, все произошло, когда у нас вышли последние доллары. Было уже невозможно добыть денег. Где я только не пробовал, но всюду терпел неудачу. Знаете, я втайне даже радовался этому, так как надеялся, что отец наконец-то сдастся. Но с выражением решительным и неумолимым он начал свой очередной эксперимент.

Честное слово, если б не эта случайность, истина так бы и не далась нам в руки. И человечество лишилось бы одного из своих самых замечательных открытий.

Знаете, как бывает в жизни? Перкин*, например, капает на пурпурный налет и получает анилиновый краситель. Ремзен** проводит по губам испачканным пальцем и открывает сахарин. Гудьир*** проливает жидкость на плиту и открывает процесс вулканизации.

В нашем же случае все произошло в лаборатории. Туда случайно забрел маленький динозавр. Они к тому времени так расплодились, что я не успевал за ними приглядывать.

Конечно, такое бывает не часто, возможно, раз в сто лет. Судите сами. Динозавр протиснулся между двух контактов, которые случайно оказались открытыми. Блеснула вспышка

* Перкин Уильям Генри (1838—1907) — английский химик-органик, получил первый синтетический краситель мовеин и организовал его производство.

**Ремзен — американский химик, совместно с русским эмигрантом К. Фальбергом впервые синтезировал сахарин в 1879 г.

*** Гудьир Чарльз — американский химик, открывший в 1839 г. способ горячей вулканизации каучука.

короткого замыкания, и оборудование воронки, лишь на днях установленное, мгновенно исчезло в огненных потоках искр.

В то мгновение мы не понимали всей важности происшедшего. Мы знали только: злосчастная тварь, устроив замыкание, угробила на двести тысяч долларов оборудования и мы окончательно разорены. Взамен мы получили лишь превосходно зажаренного динозавра. Нас только слегка опалило, зато ему, бедняге, досталась вся мощь электроэнергии. Мы мгновенно ощутили это, так как воздух наполнился дивным ароматом жареного. Отец и я в изумлении уставились друг на друга. Я осторожно ткнул в динозавра щипцами. Он так обуглился, что прикосновение щипцов сдвинуло его кожу, обнажив белое мясо, похожее на куриное. Я не удержался и попробовал. Это было столь божественно вкусно — мне и теперь трудно передать словами мои ощущения в те минуты.

Вы не поверите, но, сидя тогда у разбитого корыта и забыв обо всем на свете, мы уплетали динозавра за обе щеки. Мы не успокоились, пока не обглодали дочиста все косточки до последней, хотя его совсем не разделявали и ничем не приправляли.

Наконец я сказал: «Послушай, может, будем разводить их для еды? Все время и помногу!»

Отец вынужден был согласиться — ведь мы были полностью разорены.

Вскоре я получил крупный заем, пригласив президента пообедать и угостив его динозавром. С тех пор, когда нам надо было что-нибудь уладить, мы приглашали нужных людей на обед, и это всегда помогало. Кто хоть раз попробовал то, что теперь называют динокурицей, больше не мог довольствоваться привычными блюдами. Сейчас невозможно вообразить себе меню без динокурицы — если, конечно, ты не умираешь с голоду. Только динокурица в состоянии удовлетворить самый изысканный вкус!

Мы по-прежнему единственные обладатели этого чуда. Мы поставляем его в многочисленные фирменные рестораны, и их число продолжает расти.

Бедный отец! Никогда он не чувствовал себя счастливым. Только в те незабываемые минуты, когда он впервые пробовал динокуру, испытал он чувство, похожее на блаженство. Все последние годы он упорно бился над воронками, и, хотя его примеру следовали десятки исследовательских групп, ничего, кроме динозавра, больше не удалось вытянуть из прошлого до сих пор.

О, Пьер, благодарю вас! Работа — высший класс! А теперь, сэр, с вашего разрешения я ее разрежу. Нет, соли не нужно — только чуточку соуса. Ну вот наконец то самое выражение лица — вы впервые poznali блаженство!

Благодарное человечество потратило пятьдесят тысяч долларов на возведение известного вам памятника. Но даже это не сделало моего отца счастливым.

Надпись же, которую он мог видеть, проходя мимо, гласила: «Человеку, подарившему миру динокуру».

Но поверьте, до последнего дня своей жизни отец страстно желал лишь одного — найти секрет перемещений во времени, и хотя он стал благодетелем человечества, умер он с чувством неудовлетворенного любопытства.

Салли Анн Пипи

(Папуа — Новая Гвинея)

Год Крокодила

За пять лет до описываемых событий профессор Анго, работая в исследовательском центре в Моитаке, сделал выдающееся открытие: он синтезировал воленин. Впрыскивая это вещество беременным крокодилицам, он добился того, что детеныши у них стали более сообразительными и крупными. Ни радости по поводу этого открытия, ни интереса к оному правительство Пагинии не обнаружило; однако профессор, несмотря на это, продолжал увлеченно выращивать все новых и новых суперкрокодилов.

— Как они не понимают,— сказал однажды профессор одному из своих помощников,— ведь когда запасы нефти кончатся, окажется, что мои крокодилы стоят всех автомобилей, поездов, самолетов и кораблей, вместе взятых. Тогда-то они увидят, кто самый главный в Пагинии.

Эти слова профессора вспомнились помощнику через пять лет, когда в страну перестала поступать нефть и все остановилось. Закрылись заводы и фабрики, государственные и частные учреждения и предприятия, а специалисты из других стран умчались на самолетах туда, откуда прилетели.

У премьер-министра Бонго и его правительства надежда оставалась только одна — на призыв о помощи, с которым они обратились к народу своей страны. Измученные, с воспаленными глазами, они заседали вот уже двое суток подряд.

На третье утро все они как один, несмотря на усталость, повернули головы к двери: из-за нее донесся хриплый лай крокодила. Дверь распахнулась, в нее просунулась голова огромного крокодила, и членов правительства охватил ужас. Однако ужас сменился удивлением, когда, отстранив крокодила, в зал заседаний вошел человек, лицо которого, заросшее волосами, было похоже на обезьянье.

— Доброе утро,— сказал он, поклонившись; ему ответили неуверенными кивками.— Я профессор Анго. Я вывел породу крокодилов, способных работать под наблюдением надсмотрщиков. Прошу вашей поддержки; если я ее получу, наша страна станет богатой и сильной.

И так же внезапно, как появился, он сел на своего крокодила верхом и исчез за дверью.

Члены правительства еще остолбенело глядели на пустой проем двери, а премьер-министр уже набирал телефон Национального Комитета Радиовещания.

— Говорит премьер-министр,— сказал он.— Пожалуйста, передайте по всем программам наше обращение к профессору Анго: мы согласны, чтобы его крокодилы были использованы в качестве рабочих на заводах и фабриках.

Он положил трубку и сказал:

— Что ж, господа, возможно, решение это приведет к трагическим последствиям, но другого выхода у нас нет — только это может спасти страну.

В отличие от своих предков, поколение пагинийцев, которому довелось быть свидетелем описываемых событий, привыкло во всем полагаться на помощь других стран. Пагинийцы жили сегодняшним днем и уже разучились обрабатывать землю, бросать копье в дикого зверя или ловить рыбу. Как и их правительство, они сидели и ждали чуда, которое бы спасло их от гибели.

Грарр! Хасп! Грарр! Хасп!

— Что это?!

Будто огромное множество военных барабанов гремело вдалеке. В мгновение ока дома опустели, все их обитатели выбежали во дворы и палисадники и устремили на небо полные надежды взгляды: не летят ли к ним, чтобы их спасти, ангелы? Наконец-то услышаны их молитвы!

Но тут на холме Тоуагуба появился огромный крокодил, такой высокий, что казалось, будто головой он достает до самого неба. И неизвестно откуда послышался голос:

— Дамы и господа! Я, профессор Анго, пришел освободить вас от голода и других страданий. Моя армия крокодилов принесет нашей стране богатство и благополучие. Мои чудовища мигом доставят вас в любую страну — вы и оглянуться не успеете. Дороги станут ненужными, о самолетах, поездах и автомобилях позабудут, станки и механизмы потеряют всякую ценность. Сделайте меня вашим вождем, и я поведу вас к свободе и славе!

Что тут началось! Приветствия, восторженные крики — всеобщее ликование! Вся страна ожила, и профессор был единогласно избран вождем Пагинии.

Под наблюдением помощников профессора Анго крокодилов каждое утро разводили из загонов по местам, где была нужна рабочая сила, а вечером приводили обратно. Делали

это по всей стране. Через два дня после прихода профессора к власти все холмы и горы в Пагинии были уже скрыты и сровнялись с землей. На более плодородные из новых земель направили юношей, чтобы те засеяли их злаковыми культурами, овощами и плодовыми растениями. На землях менее плодородных стали развивать животноводство. Силами крокодилов были построены большие плотины, и, получив энергию, снова заработали заводы и фабрики. Повсюду, как грибы, росли новые жилые кварталы.

На медных копях в Киете и Ок-Теди один крокодил добывал руды в сотни раз больше, чем за это же время ее добыли бы, даже используя машины, люди. Около рудников построили новые плавильни.

Целых полгода после того, как прекратились поставки нефти, пагинийцы работали не покладая рук бок о бок с крокодилами, а внешний мир гадал: что случилось с этой страной? Почему из нее не поступает никаких сообщений? Но вот наконец профессор Анго отдал ведомству почт и телеграфа приказ оповестить людей Земли об успехах Пагинии. То-то удивились все, когда 25 июня 2525 года на первых полосах газет появилось:

ПАГИНИЯ ВОССТАЛА ИЗ МЕРТВЫХ

В восемь часов утра по дальневосточному времени народ Пагинии, возглавляемый вождем Анго, восстановил связь с внешним миром. Как выяснилось, за прошедшие шесть месяцев народ Пагинии не только уцелел, но и, благодаря замечательному открытию, сделавшему ненужным топливо, поднял свое благосостояние. Вождь Пагинии, профессор Анго, пять лет назад открыл химическое вещество, которое он назвал воленином; применяя его, он вырастил за последние годы сотни огромных и на редкость сообразительных крокодилов. Крокодилы эти очень сильны и передвигаются с невероятной скоростью, поэтому они прекрасно заменяют мощные машины и механические средства передвижения; такой кроко-

дил молниеносно доставляет вас из одной части страны в другую. Быть может, благодаря этим крокодилам человечество выйдет из топливного кризиса?

Сообщение, хоть и краткое, обратило на себя всеобщее внимание. Люди не знали, как отнестись к этой новости. С одной стороны, приятно узнать, что пагинийцы живы, но так ли уж безопасно иметь дело с крокодилами? И что это за профессор, о котором никто никогда не слышал? Кто он такой?

Разговоры об этом кончились, только когда профессор объявил, что намерен побывать во всех столицах мира и рассеять любые страхи или ложные представления, которые могут возникнуть в отношении пагинийцев.

Наступило утро того дня, когда вождь должен был отправиться в поездку по другим странам. В столице царило волнение. К столь торжественному событию готовились уже много дней, и людям не терпелось увидеть, как вождь двинется на своем крокодиле в путь.

В безоблачном небе сияло солнце, предвещая счастливое путешествие. Приказав помощникам, чтобы те в его отсутствие продолжали работать так же, как при нем, профессор Анго сел верхом на одного из своих крокодилов и отбыл. В каждом городе, встречавшемся на его пути, он останавливал крокодила, слезал с него и вступал в беседу с многочисленными толпами, сердечно приветствовавшими высокого гостя. Профессор Анго был очень доволен собой и доволен тем, что короли и самые знатные люди приглашали его к завтраку, обеду или ужину — в зависимости от времени дня.

Когда наконец через Индонезию вождь вернулся на родину, он был усталый, но счастливый. Первым делом он отправился к своим крокодилам, а потом направился к помощникам. И лишь после этого он удалился в свои апартаменты на втором этаже, над лабораторией, и лег спать. Он быстро уснул и во сне увидел свою поездку, толпы людей,

его приветствующих, королей и сановников. Все это еще снилось ему на рассвете, когда в лаборатории раздался взрыв и здание развалилось. Вождь Анго и его помощники, спавшие в других комнатах, чудом уцелели и, как ни трудно в это поверить, даже не проснулись.

Дело в том, что профессор, вернувшись, не проверил лабораторию. А помощники в его отсутствие по ошибке взяли не те реактивы, смешали их не в той пропорции и в довершение всего позабыли выключить аппарат. Незадолго до взрыва густой раствор превратился в тяжелый газ, который наполнил все здание. Спящие, надышавшись им, заснули еще крепче.

Так они проспали много часов, а потом, наконец проснувшись, стали выбираться из-под обломков.

— Да ты похож на крокодила! — захохотав, сказал первый выбравшийся второму.

— И ты тоже, — отозвался второй.

Из-под обломков появилась голова профессора. Увидев своих помощников, он заревел:

— Кто это устроил? Кто превратил нас в этих мерзких тварей?

Но ответа не последовало. Да и что можно было ответить? Ведь виноваты были все.

Молчание длилось несколько минут — пока они не осознали до конца, насколько серьезно то, что с ними произошло. Наконец профессор Анго прохрипел:

— Если за сорок восемь часов мне не удастся сбросить с себя эту кожу, я прикажу моим крокодилам уничтожить всех людей на земле — иначе бывший премьер Бонго и его партия превратят меня в посмешище!

Двое суток ожидания тянулись бесконечно долго и не принесли никаких плодов — только вызвали у людей, ставших крокодилами, ненужные волнения и надежды. По истечении сорока восьми часов вождь Анго вызвал к развалинам столь дорогой его сердцу лаборатории свою армию крокодилов.

Ну и удивились же крокодилы, когда увидели говорящих

собратьев! Но в полную растерянность пришли они, когда огромный крокодил заревел хорошо знакомым им голосом профессора Анго:

— Господилы и господилицы! Я принял решение: все люди должны быть стерты с лица земли. Приступаем сейчас же! Уничтожив их, мы заживем наконец мирной жизнью. Вперед! Пощады не давать никому!

Грарр! Хасп! Грарр! Хасп!

Джанни Родари
(Италия)

Пляжи в Комаккьо

Я — агент по продаже государственных флажков. Начало лета застало меня на Адриатической Ривьере, которая противоестественно насыщена фешенебельными отелями, гостиницами средней руки и скромными пансионатами. Всем им позарез нужны для флажштоков комплекты флажков разных стран, я уж не говорю о кафе-мороженых, пивных барах, молочных и танцплощадках. Турист, будь он из Каракаса, Танзании, Гамбурга или Сингапура, должен чувствовать себя как дома; флажки, так сказать, родные сочетания цветов, радуют глаз и за едой, и на пляже, и на танцплощадке, и в момент расслабления.

Из собственно Романьи, которую я исколесил вдоль и поперек и отоварил еще в прошлые сезоны, я переместился поближе к Ферраре, взяв на прицел пляжи Комаккьо; они возникли сравнительно недавно и не успели обзавестись наборами флажков. Должен заметить, что посетители этих мест — милые, непритязательные люди, они не хватаются за шапку, если в баре «Мол» или кафе «Спорт» на столике рядом с пивом и минеральной водой не окажется их национального флажка, их не шокируют провинциальные офи-

цианты, которые, что греха таить, запросто могут принять норвежца за ирландца, а бельгийца за жителя Триеста. Так вот, я остановился в скромном, уютном пансионате «Веккья Римини» на Лидо Эстенси, по существу на берегу канала, по ту сторону канала — порт Гарибальди с монументом в память о драматическом событии — высадке в 1848 году Героя двух Миров. В тот же самый вечер я досконально знал, как оснащены местные гостиницы, как влияют морские приливы и отливы на канал — он то вздувается, словно река в половодье, то опадает, будто наступила засуха, знал маршруты рыболовецких судов и бродячих собак, знал, почему пшеничные лепешки без ничего и почему с копченой колбасой, знал, что перевоз работает с семи утра до одиннадцати вечера по таксе сто лир со взрослого, пятьдесят — с ребенка, сто пятьдесят — с велосипедиста. Перевоз, он же старая моторная лодка, преодолевал несколько метров водной поверхности, беспрестанно чихая. Последний раз лодка попала мне на глаза перед тем, как я лег спать: она перевозила в порт Гарибальди араба. На правом плече у него болталась связка полосатых одеял, тех самых, которые не то арабы, не то марокканцы, не то тунисцы, или как бишь их там, предлагают на всех перекрестках и пляжах и даже приносят по ошибке, а может, намеренно, в вестибюли Гранд-Отелей, откуда торговцев немедленно выдворяют наравне с попрошайками и лоточниками.

На следующий день, чтобы не перегреваться во время работы, я снял на пляже «Медуза» кабину и зонт, надел плавки и растянулся на песке — голова в тени, все остальное на солнце, так мне нравится. Кстати, я люблю сочетать (не в ущерб делу) исполнение служебных обязанностей с личными интересами и удовольствиями. Я было совсем разнежился, но внезапно поток истошной музыки подточил мое благоденствие, говоря языком поэзии, как червь розу.

И здесь транзистор, чтоб ему провалиться! В поездах, в автобусах, в самолетах, на севере и на юге Апеннинского полуострова, в Европе и за ее пределами — на всем ошарашенном земном шаре надрывается треклятый, осточертев-

ший транзисторный приемник, а то и магнитофон — другой изверг, истязавший наши барабанные перепонки.

Будь моя воля, я бы в самых отборных выражениях разнес в пух и прах источник звукоизвержения и испепелил взглядом его хозяев, но пришлось сдержаться, памятуя, как несколько дней назад в Фано компания распоясавшихся юнцов подняла меня на смех. Я сдержался и повернул голову. Под зонтом неподалеку расположилась пара: весьма броская красотка лет восемнадцати в бикини, добросовестно облежавшем ее пышные формы, и престарелый, лет пятидесяти — шестидесяти, пижон, или молодящийся старик, как вам больше по вкусу, седоватый блондин, незстетично тощий, увешанный цепочками, смотревшимися прямо-таки гротескно на его дряблой коже. Именно у него на запястье висел нарушитель тишины, испускавший поток истошной рок-музыки; перезрелый плейбой притоптывал, сиюсь попасть в такт, и подергивал костлявыми плечами.

«Недоносок, выключи свой идиотский магнитофон!» — невольно подумал я. Аппарат незамедлительно повторил фразу, слегка исказив при усилении тембр моего голоса: «Недоносок, выключи свой идиотский магнитофон, недоносок...» — И так много раз подряд, пока великовозрастный стилиста не выключил транзисторный магнитофон, — гримаса недоумения обозначилась на его испещренном морщинами, загорелом лице.

— Наверное, кто-то пошутил, — сказал он спутнице.

Глупое и, я бы заметил, необоснованное предположение. Я не сомневался, что фраза, которую я мысленно произнес, прозвучала из магнитофона — сработала какая-то чудодейственная телепатия, если уместно применить этот термин, имея в виду передачу мыслей от человека механизму.

— Поставлю другую кассету, — объявил перезрелый донжуан и тут же перешел от слов к делу. Раздались тяготящие фортепьянные аккорды, исполненные с таким ухарством, что, услышь их старик Лист, наверняка наложил бы на себя руки. Меня разбирало любопытство проверить телепатию еще раз, и я, крепко стиснув губы, сформулировал мыслен-

но виртуозную вариацию на ту же тему: «Ты, мурло под зонтом номер сорок три, выключи магнитофон и заткни им свою пасть!» Через долю секунды магнитофон повторил все дословно: «Ты, мурло под зонтом номер сорок три» — и т. д. и пр. Красотка вскочила:

— Да он прицепился именно к тебе, даже номер зонта знает!

— Десять минут назад я и не подозревал, что у меня будет этот зонт,— возразил сморщенный волокита,— я его только что взял в прокате.

Он щелкнул несколько раз переключателем, и магнитофон выдал металлическим тембром мои «перлы»: «Молчание — золото, павиан ты эдакий!», «Отвали подальше со своим агрегатом!» и «Топай с этой музыкой на Арену в Вероне* и не суйся на «Медузу»!»

Последнее напутствие навело пижона на ложный след. Дряхлеющий меломан набросился на служителя пляжа — дескать, тот испортил ему магнитофон. Служитель оправдывался, отвешивая многочисленные поклоны, видимо, старый дурак — почетный посетитель пляжа со дня его открытия. Чтобы хоть на ком-то сорвать злобу, служитель прогнал со своей территории араба, который слонялся от зонта к зонту со связкой одеял на плече и время от времени разворачивал их перед синьорами.

— Мотай отсюда, черномазый поганец, вместе со своим ворованным барахлом!

Араб огрызнулся по-своему, но служащий, как ни странно, понял (тоже когда-то скитался по свету) и вспылил:

— Оставь мою мать в покое и в отцы ко мне не набивайся!

Араб, сраженный собственным оружием, умолк и ретировался.

Так вот, в тот день я внезапно обнаружил свой незаурядный дар транслировать мысли через транзисторные устройства, и все благодаря чисто случайному происшествию

* Речь идет о сохранившемся в Вероне древнеримском амфитеатре, где ставятся оперные спектакли, проводятся концерты.

с престарелым любителем рок-музыки. Тем утром, расхаживая по пляжу между зонтами, я несколько раз убедился в своей новой суперспособности. Как только мне попадался транзистор, подвешенный на зонте или на спинке шезлонга, а то и на руке развесившей уши девчонки, я произносил что-нибудь мысленно, и транзистор громогласно выдавал текст, вгоняя в краску собственного владельца. Я не скупился на хлесткие фразы: «Зануды, отвалите домой!», «Троглодитка, выключи транзистор!», «Чтоб тебя слопали акулы вместе с твоим транзистором!» и т. д.

Я продефилировал таким манером раза три, и мне не попалось больше ни одного включенного транзистора. Видимо, слух о происшествии разнесся по меньшей мере от устья Рено до устья По в радиусе восьми километров пляжа коммуны Комаккьо.

После обеда на пляже «Медуза» появились посетители, по уважительной причине отсутствовавшие утром. Ни о чем не подозревая, они включили свои электронные выродки, но я утихомирил их вышеизложенным способом. Транзисторы японцев, американцев, немцев безусловно повиновались мне и по моему желанию то вежливо советовали выключить музыку, то бичевали туриста отборными словами на его родном языке, так что переводчик не требовался.

В тот день, нетрудно себе представить, дело отступило на второй план, торговля флажками оказалась бесприбыльной. Мысли мои были заняты другим: я думал, как использовать новые возможности. Не отрицаю, гражданские чувства могут доставить глубокое удовлетворение. Я проходил километры пляжа — кругом тишина, слышался только плеск моря и щебет детишек, игравших в песке; я сознавал — это моя личная заслуга: транзисторы умолкли, а служащим пляжа не пришлось препираться с посетителями, не понадобилось даже шествий с транспарантами, — все это меня радовало. Но будем откровенны — в какой мере? Тишиной сыт не будешь, особенно при нынешних ценах на пармезан*...

* Пармезан — сорт деликатесного сыра.

В тот солнечный день я выносил проект, реализация которого в следующем году удвоила мои доходы. Скитаясь по градам и весям, по холмам и горам в неустанной заботе обеспечить полуостров флажками, отрадой итальянских и иностранных туристов, я без труда получал от хозяев гостиниц и пляжей, от администрации коммун и провинций, от общественных и частных ведомств заказы на обеспечение транзисторного вакуума. Я брался за умеренную плату восстановить тишину, обратив против нарушителей то самое оружие, которым они терзали чужие и собственные уши. Как правило, в городишке средней руки, где летом примерно пятьдесят тысяч жителей, мне хватало одного дня. В крупном городе я задерживался дня на два, на три, словом, сколько понадобится. Работа давалась мне легко, стоило только мысленно пожелать: «Чтоб тебе подавиться твоим транзистором, обалдуй!» — и дело в шляпе. Разумеется, действовать приходилось на ходу. Мне это кстати — врач рекомендовал ежедневные прогулки в качестве профилактики от атеросклероза. Так что я совмещал полезное с приятным — курс лечения с активным заработком: торговал флажками и по совместительству устранял вредные шумы.

Клиенты мои, естественно, соблюдали строгую тайну. Работал я инкогнито, иначе беда! Никому не должно было прийти в голову, что приземистый человек с чемоданом, набитым флажками, — причина того самого явления, которое пресса окрестила «бесшумное лето»... Не дай бог догадались бы, мне тогда несдобровать, в лучшем случае запустили бы в голову транзистором.

Случай, который я сейчас поведаю, произошел в тот самый день на Лидо Эстенси, но там по этому поводу не установят даже мемориальной доски. Пожалуй, оно и к лучшему, а то бы изуродовали прекрасный пляж. На закате оттуда можно наблюдать, как садится солнце, — достаточно повернуться спиной к Адриатическому морю, в сторону великой равнины, и смотреть на бескрайнее небо и длинные гряды фиолетовых облаков.

Тогда к концу дня нас осталось немного: несколько молоденьких мамаш с милovidными малышами, немецкое семейство под предводительством внушительной супруги, беспрестанно повторявшей «Pass auf!»*, и араб, по обыкновению увешанный одеялами; синьоры рассматривали одеяла, шупали их со всех сторон и вовсе не собирались покупать.

Араб присел возле моего шезлонга.

— Ты купить идияло?— спросил он с улыбкой, как-то странно упирая на «и».— Я тиряю виремя! Идияло кирасивый, тиридцать тысяч, хочешь, буду уступить за дивадцать?

Араб не протестовал и не обижался, получив отказ. Он сворачивал непонравившееся одеяло и доставал следующее, с другим крупным орнаментом.

— Ты купить ковирик?— спросил араб, расстилая на песке коврик из тех, что называют «молитва».— Это ковирик Илидина,— пояснил он, широко, приветливо улыбаясь. Ему пришлось повторить все несколько раз, прежде чем я понял, что речь идет о коврике Аладдина.

Теперь настала моя очередь улыбнуться, после чего я решительно уткнулся в раскрытую книгу, недвусмысленно демонстрируя, что аудиенция окончена. Он вежливо попрощался и перешел к следующему зонту, к немцам. Энергичная, самоуверенная фрау тщательно рассмотрела одеяло, пощупала, перевернула его и осведомилась:

— Сколько стоит?

— Тиридцать тысяч.

— А это?

— Дивадцать тысяч.

Араб одно за другим свернул одеяла и положил у ее ног коврик с нежным зеленовато-коричневым узором.

— Ты купить ковирик Илидина?

— Сколько стоит?

— Ти его купить! Это кирасивый ковирик. Волишебный. На нем ти полететь.

Фрау не поняла. На помощь пришел муж, понимавший

* Осторожно! (нем.)

по-итальянски чуть получше, он принялся разъяснять, сопровождая слова жестами, имитирующими полет.

Самый младший сын фрау раскинул ручонки и начал «летать» вокруг зонта, поднимая тучу песка резвыми ногами.

— Pass auf! Pass auf!

Мальчик приземлился на коврик. Араб деликатно отстранил его.

— Ти сначала покупить, потом лететь,— сказал он, обнажая два ряда белых зубов.

— Was sagt er? Was sagt er?— спросила фрау мужа, и тот терпеливо перевел.

Мальчик не отводил глаз от коврика и готов был вот-вот закапризничать, но фрау стала решительно собирать вещи. Она энергично складывала купальные костюмы, кофточки, термосы, ведерки и лопатки, надувные игрушки и спасательные круги, ракушки и недоеденные бутерброды — все, что осталось у многодетного немецкого семейства после активного отдыха на пляже. Араб не двигался с места. Мальчик все смотрел на коврик. Когда семейство ушло уже достаточно далеко по направлению к своему автомобилю, мальчик все еще оборачивался, продолжая послушно плестись за отцом.

— Тирипение! Я продавать коврики завтра. Чао!

На пляже перед меланхолично укутанным в туман морем нас было всего двое: араб и я.

Араб встрепенулся, поправил на плече связку одеял, стряхнул с коврика песок, с нежностью расправил его, встал сверху, и... коврик взлетел.

Мне пришлось резко повернуться, чтобы проследить, как он удаляется,— коврик с улыбающимся арабом летел над пляжем, над домами, над крышей пансионата «Веккья Римини», над каналом порта Гарибальди, над астматической лодкой перевоза, он летел над равниной, густо устланной туманом, летел вслед за оранжевым, словно большой апельсин, солнцем туда, в Комаккьо.

* Что он говорит? (нем.)

Роже Мандершайд

(Люксембург)

Рай земной

(Описание одного видения)

1

Дом был белый. Белый, а вокруг зелень. Белоснежный, а вокруг зелень травы. Гараж был не на одну, а на две машины. Плавательный бассейн был овальной формы. В больших окнах дома отражался равнинный ландшафт. Газон был подстрижен. За домом стояло единственное дерево. Это был красный бук.

Перед фасадом дома был натянут веселый, в красную и белую полоску, тент. Под тентом стояло шесть лазурно-голубых стульев. Дверь гаража была открыта. Внутри висели разные садовые инструменты: свернутый шланг из зеленого пластика, лопата на красном черенке, грабли. Перед гаражом стояла, поблескивая на солнце, большая, черная как уголь легковая машина. Под машиной кто-то лежал: из-под нее торчали ноги в черных полуботинках.

На расстеленном в траве перед домом клетчатом шерстяном одеяле лежала блондинка в расцвете лет. На ней не было ничего, кроме темных очков от солнца и огненно-красного бикини. Рядом с ее правой рукой лежал раскрытый иллюстрированный журнал, порывы ветра, налетая, переворачивали страницы. В бассейне плавал ребенок.

2

Войдя в лифт и поднявшись вдоль стены высокой башни, можно было увидеть последнего поэта человечества. Он сидел в огромном стеклянном стакане, окаменевший, застигнутый в момент творчества, правая рука с пером замерла в воздухе, огромные глаза широко открыты, на столе перед

ним — исписанный лист бумаги, разобрать снаружи, что на нем написано, было невозможно, как ни старались некоторые, прибегая даже к помощи театральных биноклей, подзорных труб, увеличительных стекол, тройных очков. Из застывшего рта рвался беззвучный крик. На правой руке поэта не хватало одного сустава указательного пальца, на левой — сустава безымянного пальца, на правой отсутствовал средний палец, отсутствовала также левая нога. До того как стать памятником, он был политическим поэтом, ни к какой партии не принадлежал, но уже несколько раз побывал в тюрьме, испытал и другие, меньшие неприятности. Все это, однако, было много лет назад. Произошло тогда, когда крупнейшие города мира задохнулись от выделяемых ими же самими ядовитых газов и больше половины населения Земли умерло от голода. С тех пор, как общество достигло высшей точки в своем демократическом развитии, потребность в поэзии у людей исчезла: ведь ни болезней, ни душевных конфликтов больше не было.

С вершины башни из слоновой кости, где пребывал теперь последний поэт человечества, видны были на зеленом ландшафте все дома поселка, концентрическими кругами расположившиеся вокруг Концерна. За последним кругом виднелись пологие холмы, деревья, кустарник.

3

Блондинка в расцвете лет, лежавшая на спине на клетчатом шерстяном одеяле в огненно-красном бикини и в темных очках от солнца, согнула ноги, и теперь ее круглые поднятые колени сияли на солнце. Казалось, она спит или о чем-то грезит. Ее кожа была темно-коричневой, почти черной. Рядом с левой рукой лежал открытый тюбик крема для кожи, ногти на руках были очень длинные, овальные и покрыты красным лаком. Особенно ярко блестели светлые волосы, ореолом окружавшие продолговатую голову женщины. Нежные губы были подкрашены розовой помадой. Слева от головы стояли открытый термос, бутылка апельсинового сока, бутылка лимонного сока, а также бутылка с

ключевой водой. Рядом с термосом, пестро разрисованным веселыми маргаритками, лежала стопка иллюстрированных журналов. На обложке верхнего был изображен белый дом среди зелени, а также овальный плавательный бассейн. Перед домом на обложке журнала лежала на клетчатом шерстяном одеяле, расстеленном на траве, блондинка в расцвете лет, круглые поднятые колени ее сияли на солнце. В бассейне на обложке журнала плавал ребенок. Рядом с ребенком плавала огромная рыба из черного пластика. Рядом с огромной рыбой из черного пластика плавала еще рыба из черного пластика, не менее огромная, но из пасти этой рыбы фонтаном била вода.

4

Организаций для борьбы за что бы то ни было, таких, как, например, профсоюзы, больше не возникало. Много лет назад они самораспустились, достигнув всех целей, которые перед собой ставили. Руководители профсоюзов вошли тогда же в руководство Концерна. Руководство это оставалось невидимым. Заседало оно, должно быть, где-то в облаках. Вначале по его поводу циркулировали самые странные слухи: поскольку, говорили люди, Концерн божествен, хозяева его, очевидно, боги. И действительно, приходилось запрокидывать голову, когда ты, стоя на земле, хотел посмотреть на крышу Концерна, и даже тогда увидеть ее можно было лишь при ясной погоде. Производство непрерывно росло, заказы были расписаны на десятилетия вперед. Рабочие должны были только наблюдать за очень сложными машинами, больше не нужно было ничего делать. После получаса работы тебя подменяли на час двое других, они тоже работали каждый по полчаса. Рабочие давно уже назывались служащими. На производство они являлись в своих лучших костюмах. Техника безопасности стала идеальной: за пятьдесят лет не было ни одного несчастного случая. К детям, как правило, переходили рабочие места их родителей. Родители уходили на пенсию уже в сорок лет. Продолжительность рабочей недели равнялась трем

дням. Зарабатывали хорошо. Все зарабатывали одинаково. Поскольку каждый и каждая выполняли одну и ту же работу, отпала необходимость в деньгах. Концерн вознаграждал за труд бесплатным предоставлением еды, питья, одежды и газет, доступом к мировой библиотеке и т. п. Школ больше не было, ребенок обучался на рабочем месте отца, смотрел через его плечо и сразу знакомился с тайнами цифр и чисел.

5

Под машиной кто-то лежал. Были видны ноги в черных полуботинках. Были видны белые носки. Человек лежал на спине, под ним была подстилка из пористой резины. Рядом с правой рукой, высовывавшейся из-под левой стороны машины, лежал гаечный ключ. Похоже было, что человек, ремонтируя машину, уснул. Рядом с гаечным ключом лежали на дощечке две гайки, лоскут черной кожи и две маленькие пружинки, а также надкусанное яблоко. Рядом с надкусанным яблоком лежал на квадратике белого пластика бутерброд с ветчиной, с его краев медленно стекали капельки растаявшего масла. На голубых джинсах были два пятнышка от смазки. Дверца машины была открыта. Внутри кабина была обита красной кожей. Радио работало. Приглушенный голос диктора объяснял, как нужно ремонтировать машину: «Работают в положении на спине не дольше пяти минут». Передача называлась «Хобби-хобби». Она была очень популярна. Капот машины был высоко поднят. К воронке для бензина спускались два красных и один синий шланг. Рядом, свернувшись в шляпе прошлого столетия, спала упитанная серая кошка.

6

На лицах всех была написана полная удовлетворенность. Даже от права на голосование, всеобщее и равное, давно уже отказались. В последний референдум все, включая детей (правомочными теперь люди считались с момента своего рождения), единогласно одобрили план на все времена. На Земле воцарился мир.

Ландшафт был прекрасен. Деревья, правда, были искусственные, но функционировали как живые. Трава была коротко подстрижена. Собственно, она не росла, поэтому подстригать ее нужды не возникало. За каждым домом высилась имитация красного бука. Небо было синее, как вода. Вода была синяя, как небо. Рядом с одним домом стоял другой, такой же белый. И было их очень много. Каждый ряд домов шел по кругу, круги уменьшались к центру. В самой середине стоял Концерн. Он объединял всех. Концерн был огромный. В пасмурную погоду его раздвижной стеклянный купол не был виден.

Все книги мира были собраны в одном хранилище. Надень наушники, нажми кнопку и, не выходя из дому, слушай не только любую книгу на свете, любой эпохи, на любую тему и из любой области знания, но и любую, какая вообще мыслима: компьютеры написали их все, использовали все стили, все комбинаторные возможности языка и человеческой фантазии. Не появлялись больше и новые телевизионные фильмы: все, какие возможно, были созданы и хранились в фильмотеке. Так же обстояло дело и с музыкой. Была создана библиотека. Библиотека обеспечивала невиданно легкий доступ ко всем книгам. Пользовались ею, однако, очень немногие.

7

В бассейне плавал ребенок. Вода была ярко-синяя, ее температура оставалась всегда одинаковой. Благодаря тому, что воду в бассейне все время меняли, она была кристально прозрачная, и благодаря тому, что она была кристально прозрачная, можно было видеть выложенное белыми плитками дно. Рядом с ребенком плавала огромная рыба из черного пластика. Рядом с огромной рыбой из черного пластика плавала не менее огромная рыба из не менее черного пластика, но из открытой пасти этой рыбы фонтаном била вода. Рядом с этой рыбой плавал детский надувной матрас в синюю и красную полоску. На детском надувном матрасе в синюю и красную полоску лежал лиловый пластиковый

пингвин. Рядом с лиловым пластиковым пингвином на детском надувном матрасе в синюю и красную полосу лежал пестрый мяч для водного поло. Рядом с пестрым мячом для водного поло лежали два красных резиновых мяча поменьше. На ребенке были очки для подводного плавания, из середины их, между стекол, торчало подобие клюва, крючком загнутого на конце. В правой руке ребенок держал детское ружье для подводной охоты. Из этого ружья для подводной охоты ребенок выпускал гарпун за гарпуном в темно-зеленую массу с множеством щупальцев — надувного подвижного спрута, который медленно ползал по белому дну, то и дело меняя направление. В этом плавательном бассейне были один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять надувных спрутов, сделанных из резины. Все разного цвета, они ползали по белому дну, то и дело меняя направление. Во многих местах на дне видны были также великолепные имитации водорослей. Тонкие травянистые, а рядом плосколистные. Светило солнце, и его отражения разбегались кругами в мягко волнуемой движениями ребенка воде.

8

В зоопарке, в огромном аквариуме плавал, могучими гребками отбрасывая назад воду, последний папа, Лев Сотый. Всего-навсего, разумеется, светящаяся копия исторического лица, папа снова и снова вытягивал для благословения руки в набегающих волнах и тут же поправлял, чтобы не упала с головы, золотую тиару, а его сияющее облачение между тем поднималось, как крылья ангела. Белый кит в поисках своего стада, он лицом был похож на Кларка Гейбла*. Все мужчины Концерта были похожи на Кларка Гейбла. Все женщины были копией Мэрилин Монро.

Последнее убийство произошло больше ста лет назад. В какое-то злополучное мгновение муж, забывшись, заговорил с женой так громко, что ее барабанные перепонки лопнули и она упала мертвой. Ибо повсюду в мире давно

* Гейбл Кларк (1901—1960) — популярный американский киноактер.

уже царила тишина. Тишина столь плотная, что ее можно было резать ножом. Слух у людей стал таким острым, что они слышали бы, как растет трава, если б настоящая трава еще была на свете. Им доставляло удовольствие слушать, как в воде аквариумов скользят рыбы, слушать, проходя мимо какого-нибудь дома, как внутри движется женщина, как мягко трется при ходьбе о мышцы ее нежная кожа. Прозрачный пластмассовый колпак, накрывая ручей, приглушал его журчанье; из пластмассы были сделаны и прекрасные белоснежные лебеди, величественно проплывавшие мимо. Автомобили беззвучно неслись по воздуху, докучные насекомые были все истреблены. Младенческий крик научились возвращать в тело младенца; когда человек смеялся (это теперь случалось редко, потому что смеяться стало не над чем, как и не о чем плакать), смеялся он внутри себя. Тишина стояла идеальная. Разговоры если и велись вообще, то очень тихие. Язык необычайно упростился, какое-нибудь «а» означало очень многое. Например, высокое и короткое «а» означало: «Я бы с удовольствием поговорил с тобой или с кем-нибудь другим, если бы только знал, о чем говорить, что именно и чего ради». Низкое и протяжное «а», напротив, следовало понимать так: «Смотри, это уже сто двадцатый по счету дом, который перевезли за сегодняшний день на вертолете в западном направлении».

Жизнь была похожа на цветную фотографию.

9

Резких движений и перемещений избегали тоже: глаза у всех стали такие зоркие и одновременно чувствительные, что слишком быстрые и частые перемещения предметов в поле зрения могли причинить глазам вред. Днем носили очки с темно-зелеными стеклами. Улицы все стали движущимися и были застланы пористой резиной, ложишься — и улица тебя везет. Стало невозможно отличить старых от молодых: лицо человека в течение его жизни менялось очень мало. Умирили внезапно. Умерший сразу растворялся в воздухе. Уже много поколений волосы мужчинам не мешали:

мужчины все без исключения были лысые. Зато пышные волосы у женщин всячески поощрялись и, в соответствии с результатами голосования, проведенного несколькими десятилетиями раньше, был утвержден платиновый цвет, абсолютно одинаковый, без малейших различий в оттенках, для всех без исключения женщин.

Женщины носили облегающие джинсы, голубые или белые рубашки, и то же самое носили мужчины. Все были одного роста, одного веса, одинаково красивые; правда, с детьми до десяти лет было иначе.

Больше не было ревности, не было любовной тоски, потому что давно уже не было страсти. Не было больше и семьи. Все спали с кем придется, ведь так или иначе все партнеры были похожи друг на друга; и у рождавшихся в результате детей было столько матерей и отцов, сколько жителей в поселке. Дети свободно бегали повсюду, спали сегодня в одном, завтра в другом доме, там, где их заставляла ночь; они везде чувствовали себя как дома, поскольку и дома в поселке ничем один от другого не отличались.

Концерн, который мы здесь описываем, назывался «Мировое жилищное строительство»: **«ПРОИЗВОДИМ САМЫЕ ЛУЧШИЕ ЖИЛЫЕ ДОМА, ПЛАСТМАССОВЫЕ, БЕЗ ШВОВ. СЕМЬ КОМНАТ, ВАННА, ОТОПЛЕНИЕ, МЕБЕЛЬ, ВСЕ НЕОБХОДИМОЕ, ИДЕАЛЬНЫЙ ВСЕМИРНЫЙ ДОМ, ГАРАЖ НА ДВЕ МАШИНЫ, ПЛАВАТЕЛЬНЫЙ БАССЕЙН»**. Огромный вертолет поднимал дом прямо с конвейера и переносил по воздуху к предназначенной специально для этого дома площадке. Заранее подготовленная площадка выглядела сверху как штепсель. Дом вставляли как вилку и подключали все что следует.

Дождь шел только по ночам, времена года сменялись точно по календарю, в дома по пневматическим трубам регулярно поступала пища, из кранов в кухне можно было получить любой из более чем тысячи различных напитков.

Последнее мировое правительство, все его двести министров и статс-секретарей, сидело в спирту, и любой, подойдя к стеклянной стене, мог увидеть их всех своими глазами.

Через каждые две недели дети получали подарок. Например, огромную рыбу из черного пластика, из открытой пасти которой фонтаном била вода. Получали детские надувные матрасы в синюю и красную полоску, лиловых пингвинов из пластика или пестрые мячи для водного поло. Получали детские электромобили, или транзисторные радиоприемники, или детские телевизоры, а также веселые книжки с картинками, где в понятной для ребенка форме изображалась жизнь в Концерне или в поселке Концерна; или им дарили маленьких собак и кошек, они были совсем как настоящие, бегали и прыгали, или ружье и к нему десять искусственных голубей, они взлетали и описывали круги в воздухе. Голуби ворковали, и они даже теряли перья, когда, подстреленные, падали на пол. Или дарили кукол, которые ходили, ели, пили, спали и разговаривали. Или маленькие белые домики среди зеленой травы и рядом с каждым отапливаемый гараж на две машины и овальный плавательный бассейн.

Солнце светило с утра до вечера. Дождь шел только по ночам. Тишина в поселке была идеальная. Благодаря достижениям науки удалось вывести новую породу кур, куры этой породы весили центнер каждая. Подстреленные искусственные голуби падали на пол. Из-за смешения всех рас цвет кожи у людей стал одного, очень красивого коричневого оттенка. Позади каждого дома стояло дерево. Это был красный бук. Никаких происшествий больше не случалось, потому что ничего нового не происходило. Говорить больше было не о чем. Слово претворилось в дом. Мечты сбылись: у каждого теперь было жилище.

Рядом с зоопарком находился огромный стадион. На зеленой траве играли одна против другой две команды профессиональных футболистов. Профессиональных футболистов выводили в питомниках. У них были крохотные головы, а основной частью тела были толстые и сильные ноги. Играли в три смены, без перерывов. Ни одной команде не удавалось победить другую, потому что по силе команды

были равными. Они играли уже много лет, однако ни одного мяча забито не было. На бутсах у игроков были острые железные крючки, и иногда игроки друг друга ими смертельно ранили. Убитый растворялся в воздухе, и его тут же заменяли. Наверху, на трибунах, виднелись кое-где одинокие зрители. Вечный футбольный матч транслировался на огромные экраны, стоявшие по всему поселку, однако желающих посмотреть его находилось совсем немного. Небольшие группки собирались перед экранами, только когда на поле кто-нибудь погибал.

С началом поры отпусков семья, возникшая случайно к этому дню, заходила в свой дом, и вертолет переносил его в какие-нибудь другие районы мира. Тогда можно было видеть длинные караваны висящих в небе односемейных домов, медленно уплывающие к югу.

Но год от года все больше становилось таких, кто по собственной воле отказывался от путешествия, оставался на месте и проводил счастливые дни у себя дома.

Каролин Бланш
(Франция)

Заповедник

— День будет жарким,— сказал начальник.— На горизонте — дымка.

Во всяком случае, утро было прохладным и ясным. Дымка оттеняла синевой лишь прибрежные горы, очертания которых можно было все же различить в подробностях.

Их было четверо на корабле. Четыре человека в спортивных трико; костюмы для подводного плавания они натянут, лишь достигнув места, указанного рыбаками,— отмели, на которую Директор возлагал большие надежды.

Туземцы описывали ее как место зловещее, проклятое, где гибли суда и разыгрывались таинственные драмы. Поэто-

му все с неодобрительным и серьезным видом высыпали на берег, когда команда Лаборатории Подводных Исследований на рассвете отправилась в путь на старом рыбацком судне. Туземцы только еще начинали привыкать к этому кораблю, двухтактный двигатель которого отрывисто постукивал по морю. Сначала они посматривали неприязненно, когда корабль бросил якорь рядом с их пирогами. С беспокойством прислушивались к его шуму, который подолгу слышался издалека, нарушая ленивую тишину берегов. А теперь, когда они почти признали его наравне с новеньким домом Лаборатории, теперь он пропадет из-за безрассудной затеи, плачевный исход которой они предсказали, но с ними ведь не посчитались... Однако сильное беспокойство было чуждо их характеру, аквалангисты знали, что именно там, где туземцы расселись поутру, чтобы присутствовать при отплытии, их можно будет застать вечером наблюдающими с легким любопытством и глубоким фатализмом за возвращением, в возможности которого они сомневались.

Берег еще не очень отдалился, но горы уже начинали чуть-чуть синеть, и начальник утверждал:

— День будет жарким...

Перегнувшись через борт, можно было увидеть проплывающие в глубине прозрачного моря белые песчаные отмели, исчерченные дрожащими отсветами с поверхности воды, и скалы, обросшие космами длинных покачивающихся водорослей.

Все казалось совсем близким, и возникало ощущение, будто стоит лечь неподвижно на воду и протянуть руку, чтобы коснуться этого густого руна, покрывшего спины камней, и вспугнуть оттуда встревоженные стайки уснувших рыб.

Именно так все и представлялось начальнику маленькой экспедиции, когда он еще только начинал заниматься подводным плаванием. Впервые надев маску и ласты, он испытал чувство, подобное откровению. Доверившись волне, он парил над обычными прибрежными подводными пейзажами. Его поразила спокойная доверчивость рыб, которым не было дела

до волнений там, наверху. Много времени он провел, разглядывая их. Погружаться он научился вовсе не ради преступного намерения полакомиться жареной рыбой. Ему доставляло гораздо более утонченные радости терпеливое, неприметное наблюдение, с присущим этому занятию двусмысленным оттенком проникновения в чужие тайны. Наблюдение и привело его прямым путем в науку о море и в лабораторию. Начальником этого маленького отряда из восьми акванангистов-исследователей, разделенных на две смены, он стал именно благодаря тому, что сделался виртуозным наблюдателем.

Его ученики улыбались: привычка, доведенная до одержимости! «Сперва наблюдайте,— говаривал он,— скажете после». Он был противником поспешных гипотез и плохо обоснованных выводов. Нужна была достоверность. Достоверность, подкрепленная зримой и осязаемой реальностью.

Они искали в глубине вод точные сведения о морской растительности.

Опускались вдоль длинной нити, на которой каждый метр был отмечен свинцовой бусинкой. На строго определенной глубине останавливались, измеряли температуру, оценивали степень освещенности, отмечали течения, заносили в блокнот результаты, собирали в корзинку, высланную пластиковым мешком, образцы водорослей всех форм и расцветок вместе с субстратом, на котором они росли. В лаборатории эти водоросли выращивали, изучали, наблюдали, исследовали, подвергали различным тестам и измерениям, фотографировали, осматривали на рентгеновских установках и под микроскопом... Вычисляли их пищевую ценность, определяли возможность выращивания на обширных пространствах и акклиматизации в различных средах...

Поэтому начальник новой лаборатории не без оснований боролся со всяким обманчивым вмешательством иррациональности как у своих учеников, так, в первую очередь, и у самого себя. Прежде всего объективность. Беспристрастность. Точность.

Подобно тому, как перед началом состязаний «накачива-

ют» участников и смазывают механизмы, начальник маленькой станции следил за тем, чтобы пловцы были всегда в форме, а материальная часть тщательно проверена. Каждый день был для него началом гонки, и он не желал допускать никаких оплошностей в пути: ни ослабевших, усталых людей, способных поддаваться волнению, ни капризных клапанов, строптивых винтов или трубок, пропускающих воздух. К истине следовало подходить в состоянии совершенной восприимчивости, то есть в таком состоянии, когда у человека не болит печень и он дышит воздухом, поступающим под хорошим давлением. Точному наблюдению надлежало свести на нет долю сомнения. Произведя наблюдение, надо было иметь возможность сказать: «Вот что есть», — а не: «Вот что, кажется, есть». Все нерешительные или осторожные исследователи, допускавшие сомнение и последующее уточнение, казались ему трусливыми, а то и вовсе недобросовестными. Он признавал существование только реальности, выражал только уверенность. Никто никогда не сможет упрекнуть его в том, что он доверился фантазии....

Пока он размышлял, опершись подбородком о тыльную сторону руки, а рукой — о борт судна, песчаные отмели уходили вглубь под все возрастающие толщи прозрачной воды, теряя при этом свой цвет. Скоро он ничего больше не увидит под собой, кроме насыщенной синевы залитых солнцем морей. Синевы такого оттенка, какого он никогда и нигде больше не встречал. Синевы, которая существовала только здесь и которую нельзя было обозначить так, как обычно обозначают все неопределенно синие цвета: синий цвета лаванды, синий цвета барвинка, сине-зеленый, синесерый, синий с зеленовато-маслянистым отливом, лазурно-синий... Нет. Здесь невозможно что-либо добавить, присовокупив существительное или другое прилагательное. Эта синева была иссиня-синей. Синева, как таковая, без примеси, без сомнений: абсолютная синева.

Когда по мере приближения к отмели он вновь увидит подводные рельефы, настанет время проявить осторожность. Склоны скрытой горы, наверное, круты, усеяны острыми кам-

нями, быть может, поросли колючими кораллами...

Когда судно достигло намеченной зоны, солнце стояло высоко и палило нещадно. Это вызвало у начальника смутную тревогу: он всегда немного опасался последствий перегрева. Конечно, вода была теплой, а его ученики все время держались в тени брезента, натянутого над палубой. Все равно: чтобы разведать местность, он погрузится первым в сопровождении самого бывалого пловца. Если все пройдет благополучно, потом нырнут остальные. Тогда уж будет видно, что можно практически сделать. А в первую очередь необходимо быстрое обследование — вот что. Держаться на средней глубине и провести короткую топографическую съемку.

Корабль стал на якорь, на воду спустили лодку.

— Ты,— сказал начальник,— двинешься влево, а я — вправо. Разумеется, не теряя друг друга из виду. Вы двое, как всегда, наверху: если мы через четверть часа не всплывем, ныряйте сами, выясните, в чем дело...

После жары, царившей на палубе, в воде было восхитительно прохладно, и человек ощущал знакомое наслаждение от погружения. Увлекаемый потихоньку вниз легким грузом, привязанным к поясу, он двигался в сторону поросшего склона, темная масса которого вырисовывалась все отчетливее с каждым движением ласт. Пожалуй, это — скалистый пик, а не гора, и его, наверное, удастся быстро обогнуть да и осмотреть. Исследователь плыл, зачарованный подлинным или кажущимся богатством флоры, которую он пытался определить издали. Вон там от малейшего движения струи колыхались длинные узкие ленты; тут «мхи», крохотные съезжившиеся водоросли, покрывали шапкой курчавых волос округлые скаты; рядом морская капуста на обрывистом выступе выглядела как маленький плодородный огород; из глубокой впадины устремлялись вверх длинные волнистые листья чванливых ламинарий; а внизу под ними угадывались целые подводные луга, где кормились угри... И повсюду пестрели актинии с прелестными ядовитыми лепестками, крохотные звездочки кораллов,

причудливо окрашенные морские черви.

Однако еще не пришло время составлять перечень всех видов и выгонять из укрытий диковинную фауну, затаившуюся в тени зарослей. Оказавшись в нескольких метрах от скальной стены и убедившись в том, что слева напарник делает то же самое, аквалангист зашевелил лапами и приступил к обследованию громады, высившейся справа.

Это была скорее прогулка, а не целенаправленный поиск. Легкие медленные движения ног без всяких усилий направляли гуляющего вдоль темных откосов, мимо которых он скользил невесомой тенью. Он испытывал пьянящую эйфорию. Так он плыл потихоньку и вдруг почувствовал, что его потащило, толкая и переворачивая, будто он попал в стремительный подводный поток. На мгновение он не поверил себе, но тут же изо всех сил попытался дать обратный ход. Высвободиться не было возможности! Он стал бороться, ища глазами спутника, но тот как раз повернулся к нему спиной; он начал барахтаться и внезапно сильно ударился головой о скальную стену. Он почти потерял сознание. В достаточной мере, чтобы лишиться способности реагировать, но не настолько, чтобы не ощутить, как его затянуло в узкую расщелину, опрокинув вниз головой и перевернув животом вверх; течение все увлекало его, то катя кубарем, то вытягивая веретеном во всю длину, цепляя за что-то справа, царапая слева, встряхивая, словно сухую ветку.

Когда он очнулся, тело его все еще было зажато в каком-то узком проходе, чуть шире его самого, а голова высывалась в свободное темное пространство, куда изливалось непрерывное течение, струи которого он ощущал вдоль своих ног. На мгновение у него мелькнула мысль, что невозможно наполнять нечто уже заполненное, и, стало быть, всю эту воду что-то отсасывает, выводя прочь... но сейчас у него были более неотложные поводы для размышления. И прежде всего, почему он больше не следует за потоком?

«Зацепился! Я зацепился!»

Приклепанные к поясу ножны, будто якорь, удерживали его возле каменной стены в том месте, где узкий коридор, расширяясь, давал потоку возможность разлиться, подобно продырявленному шлангу, из которого свободно растекается вода. Аквалангист застрял здесь, как рак-отшельник в своей раковине, раковине, которая была пробита насквозь и через которую протекала стремительная река.

Его первым порывом было освободиться. Но он сдержал движение.

«Сначала подумать. Избежать всякой опрометчивой поспешности. Объективно рассмотреть ситуацию...»

Куда он попадет, отцепившись? Не повлечет ли при-
смиривший поток его еще и в эту... а, собственно, во что? Как это назвать — котлом, карманом, пещерой? Подводной пещерой? Подводной и в то же время подземной пещерой?

Потрясающе!

Глубины находившегося перед ним кармана слабо светились, и казалось, что кое-где перемещался более яркий свет. Человек пошарил у себя на поясе. Фонарь был еще при нем. Как же он не потерялся? Но фонарь был здесь, и благодаря этому — если только он еще действует — можно будет обнаружить выход.

Ударил мощный пучок света, и совершенно ошеломленный пловец чуть не разинул рот. За стеклом его маски осветилось невероятное зрелище.

Громадные рыбы, покрытые, словно ратные кони, панцирями, медленно двигались, разевая маленькие беззубые пасти. Другие рыбы, с длинными подвижными шеями, лениво шевелили плавниками, толстыми и короткими, словно тюленьи лапы. У третьих, с уплощенным, как у тритонов, хвостом, мягко колыхался вдоль спины веерообразный парус. Плавали они не спеша, вяло преследуя пищу, которую несла непрерывным потоком морская река: водоросли, планктон, ракушки, мелкую рыбешку; все это они заглатывали, всасывая воду, а затем выбрасывали остатки. Когда одна из рыб поворачивалась, она взметала

движением хвоста прозрачных медуз, дремавших среди вод. А когда задевала стену пещеры, то заставляла уползать в свои свернутые завитком раковины толстых кальмаров, чьи вытянутые вдоль скалы щупальца подстерегали очередную партию ракообразных. Когда она выплевывала свои отбросы, на дне всякий раз отскакивали назад толстые приплюснутые креветки, и возникало кишение диковинных многоножек, по форме похожих на листья.

В углублениях камней, не прикрытых водорослями, угадывались морские ежи с длинными иглами, лучи морских звезд, свернувшиеся губки. Под слоем отбросов на дне колыхались какие-то волнистые формы, которые порой пронзали поверхность то верхушкой округлой раковины, то членистой ножкой, то кольцом морского червя.

И весь этот мир, шевелившийся в ожидании притока пищи, которую течение равномерно приносило из открытого моря, весь этот мир был молочно-белым, прозрачным... и слепым.

Рыбы, слишком большие, чтобы пройти через проход, мелкие животные, слишком слабые, чтобы противостоять течению, — все были пленниками в этой смутно фосфоресцирующей темноте, откормленными и обреченными на вечное круговое движение.

Исследователь уже начал предаваться осмыслению увиденного и размышлениям.

«Пожалуй, это животное можно сравнить с криптоклеидусом, а то — с панцирной рыбой плакодус... Но можно ли назвать вон ту ящерицу мозазавром? Вот нереиды, аммонит, трилобит... или близкие к ним формы... К какому же времени все это относится? К мезозойской ли эре? Или к палеозою*? Хорошо бы немного освежить в памяти столь основательно забытые знания... Но как могли они оказаться

Палеозой — эра геологической истории земли, началась 570 млн. лет назад, продолжалась 340—350 млн. лет. Характерна расселением организмов с твердым скелетом, появлением рыб, земноводных, пресмыкающихся и др.

в своей тюрьме? В результате какого катаклизма? Какого обвала, происшедшего в то время, когда они отдыхали, укрывшись в скальном гроте? Как им удалось выжить? Разумеется, их кормит поток. Но прокормить он мог лишь одно поколение, которое должно было вымереть от старости, если бы его не сожрали прежде... Значит, следует допустить, что в плен попало несколько пар... Эдакий Ноев ковчег... А остальные одиночки либо съедены заживо, если они были слабыми, либо вымерли, если они были опасны... Сколько им потребовалось времени, чтобы приспособиться к жизни без света? Сколько на то, чтобы утратить свои краски? Забыть про глаза? Количество лет заточения можно бы вычислить по толщине придонного слоя отбросов: по одному сантиметру на каждую тысячу лет... Надо будет сделать. Я вернусь с...»

На этом месте своего внутреннего монолога аквалангист внезапно содрогнулся от ужаса.

«Вернусь... если смогу выбраться... если смогу выбраться живым!»

Он пока не обнаружил никакого выхода, не выяснил тайну потока, не подсчитал, на сколько минут хватит еще кислорода.

Если верить часам, то с момента, когда он выпрыгнул из лодки, прошло едва лишь десять минут. Десять минут! Невозможно! Часы, должно быть, стали! Однако секундная стрелка равномерно совершала свой маленький круг.

«Если это правда, у меня впереди еще около десяти минут... Проход в скале не может быть слишком длинным... и, несмотря на течение...»

Испытание оказалось страшным. Едва он совершил по-луоборот, что позволяло бы двигаться головой вперед, как проход сузился, словно во сне. Казалось, по нему невозможно пробраться. Баллоны застревали, шланги цеплялись. Поток будто удвоил свою ярость, стремясь все отбросить назад. Приходилось судорожно цепляться, осторожно поворачиваться вокруг своей оси в поисках того неве-

роятного угла, который позволил бы проскользнуть. Такой угол был всегда только один; его удавалось обнаружить лишь после нескольких попыток, в самых немыслимых положениях. Надо было подтягиваться, напрягая мышцы с достаточной силой, чтобы преодолеть поток, но не вырвать при этом зацепившийся шланг. Надо было двигаться на ощупь во тьме, надеясь, что галерея эта — единственная. Надо было... надо было...

Когда борьба за жизнь не переходит в панику, она удесятеряет силы. Сперва пловец смутно увидел свет, потом коснулся водорослей и наконец выбрался на край воронки. Но и здесь он не отрывал рук от скалы. Ему было трудно дышать. Усилие истощило последние запасы кислорода, и он чувствовал приближение удушья. Но все же он сохранил сознание настолько, чтобы понять необходимость высвободиться от затягивающей силы потока.

Когда товарищи обнаружили его, он все еще цеплялся за скалу, но был уже без сознания.

— Уверяю вас,— твердил он, в то время как корабль пускался в обратный путь к берегу,— уверяю вас — подводные Галапагосы... неповторимый заповедник исчезнувших видов... аквариум вторичного периода...

Молодые люди, стоявшие вокруг, смотрели на него с сожалением.

Он только что вышел из реанимационного аппарата, и ему перевязывали раны. На лоб уже наложили белую повязку. Из разодранных пальцев извлекали обломки раковин и колючки морских ежей. Его ноги и плечи были исполосованы длинными порезами. Но он словно не испытывал страданий. Возбуждение заглушало боль.

— Когда вы увидите...— говорил он.

И тот, кто его перевязывал, отвечал:

— Да, мосье, конечно, отдохните. Вы так ударились головой... к тому же охлаждение после дневной жары... быть может, испортился аппарат... Отдохните, мосье.

— Вы не понимаете, что ли? Говорю вам, я это ВИДЕЛ! ВИДЕЛ! Вот этими самыми глазами. Разве у вас когда-

либо вызывало сомнение хоть одно мое наблюдение?

— Нет, нет, мосье, что вы! Успокойтесь.

— Я провожу вас туда. Вы увидите сами...

— Разумеется, мосье, разумеется. Поспите немного.

Двое спутников, отойдя в сторону, шепотом переговаривались:

— Пока вы искали шефа, вы сами-то почувствовали течение?

— Да, конечно, оно меня едва не утщило. Но течение не было непреодолимым... во всяком случае на том расстоянии, где я находился.

— А расщелину вы видели?

— Бог мой, конечно, видел. Но она не показалась мне достаточно широкой, чтобы через нее мог пройти человек, да еще с его снаряжением... разве что она поросла очень густыми водорослями... По правде говоря, у меня не было оснований слишком присматриваться к ней. Мне и в голову не пришло, что шеф мог туда проскользнуть. Не мог же я предугадать, что он станет утверждать, будто отважился в нее проникнуть.

— Насильно...

— Да.

— Однако целых двадцать минут его не удавалось обнаружить...

— Да.

— Какой же вы делаете вывод?

Молодой человек обвел взглядом снаряжение начальника, валявшееся на палубе. Газовые баллоны были похожи на старые банки из-под молока, шланги испещрены мелкими порезами, пояс выдран...

— Вывод? Не проверив?

— А это вам ни о чем не говорит?

Снаряжение начальника... и сам начальник...

— Видите ли, во всяком случае, не сразу... Быть может, позже...

А раненый упрямо повторял, мечась на руках у людей, ухаживавших за ним:

— Я же говорю вам... вы увидите! Был ли я когда-нибудь фантазером?

Один из учеников в молчаливой задумчивости размышлял над вопросом о том, где же граница между реальностью чувств и реальностью забытья...

Роберт Абернати
(США)

Пирамида

Специально натасканный снег жадно втянул воздух Земли. Он продирался сквозь редкий кустарник, покрывавший склон холма, и его тупоногая голова поворачивалась то вправо, то влево. Отыскивая след, снег тоскливо и вопрошающе попискивал.

Те, кто натаскал его для этой работы, следовали за ним, распаренные полуденным солнцем, чуть более жарким, чем солнце их собственной планеты. Это были тагатлийки — существа, обладающие, подобно снегу, с которым они состояли в отдаленном родстве, шестью конечностями, но отличавшиеся от него прямой посадкой украшенной гребнем головы, а также тем, что их передние конечности оканчивались гибкими пальцами, а не лопатообразными, приспособленными для рытья когтями. Одна из них несла коммуникатор, связывавший разведывательную группу с десантным ботом, невидимым за лесистыми грядами; другая тащила газовое ружье. Группу замыкала Зилли — молодой и весьма перспективный биолог. Будучи единственным ученым в этом маленьком отряде, она *ex officio** являлась его начальником.

Все три тагатлийки держались настороженно. Если карты не вдали (это были старинные карты, полученные из

* По должности, по обязанности (лат.).

Тегетского музея звездоплавания, где они пылились со времен Первой экспедиции на Землю, состоявшейся четыре столетия назад), то они находились в ареале обитания врага, ради поисков которого Вторая земная экспедиция преодолела расстояние, равное тридцати парсекам*.

Шедшая первой тагатлийка что-то произнесла и показала вперед. Следуя за вопросительно попискивающим снигом, они взобрались на вершину холма. В котловине, полускрытые зелеными зарослями, особенно густо покрывавшими берега ручья, который журчал в двухстах ярдах, стояло около десятка конических построек, сооруженных, по-видимому, из шкур или тканей, натянутых на шесты. В кустах что-то зашевелилось, послышались шорохи. Потом все стихло, но тагатлийки чувствовали: чьи-то невидимые глаза внимательно следят за ними.

— Зилли,— сказала шедшая впереди,— это еще кто такие?

Биолог помолчала, перебирая в памяти записи, которые когда-то изучала. Затем задумчиво произнесла:

— По-видимому, эти шатры построены теми двуногими, о которых Первая экспедиция сообщала как о виде, доминирующем на всех континентах планеты. Хотя их присутствие в данном районе не было зарегистрировано, но надо думать, они мигрировали сюда позднее. Возможно, они и не опасны, но бдительность не помешает...

Восторженный вопль снига приковал к себе всеобщее внимание. Приземистое существо на лопатообразных лапах перестало рыскать по дальнему склону холма, с хлопаньем обнюхало землю правее огромного валуна и начало яростно раскапывать почву. Тагатлийки, заинтересованные, сгруппировались возле него.

Сниг перестал копать, что-то пропищал, его тупая голова сделала неуловимо быстрое движение вперед. Пятясь задом, он вылез из норы с высоко поднятой головой. В мощных челюстях он держал вырывающуюся добычу, которую с

* Парсек — единица длины, применяемая в астрономии; равна 3,263 светового года, или $3,086 \cdot 10^{14}$ м.

гордостью преподнес Зилли.

Биолог взяла находку, которая тут же укусила ее. Зилли перехватила животное поудобнее и внимательно рассмотрела. Похожие на бусинки глазки яростно сверкали на круглой пушистой голове с набитыми защечными мешками, толстенькое коричневатое туловище оканчивалось коротеньким хвостиком. Сурок брыкался и верещал, потом, решив, что сопротивление бессмысленно, свернулся клубком.

Зилли тщательно, дюйм за дюймом, изучала внешний облик зверька. Затем удовлетворенно кивнула тагатлийке с коммуникатором:

— Все в порядке! Передай им, мы его нашли.

Та сейчас же начала говорить в свой микрофон. К десантному боту, а от него к звездолету, находившемуся на орбите, понеслась весть, что контакт с врагом установлен. С тем ужасным врагом, который заполонил всю планету Тегет, подрывая ее экономику и истощая ее ресурсы, и даже в эту самую минуту подтачивал своими бесчисленными резцами самое основу тагатлийской цивилизации.

С десантного корабля пришло подтверждение: «Отлично. Вылетаем».

Зилли как раз пересаживала сурка в клетку с частой сеткой, когда сниг вдруг подпрыгнул, издав печальный крик — предупреждение об опасности. Зилли обернулась и еле успела наклониться — стрела со злобным свистом пролетела мимо, отскочила от древесного ствола и покатила по склону.

Тагатлийка с газовым ружьем присела и вскинула свое неуклюжее оружие. С тихим хлопком снаряды взорвались в кустах на вершине холма. Там послышался хруст ветвей, затем воцарилась тишина. В зарослях у ручья возник плачущий крик, тотчас оборвавшийся.

Тагатлийка осторожно поднялась вверх по склону, обходя кусты с наветренной стороны, чтобы не попасть в зону отравления, так как газ, хотя и был рассчитан на усып-

ление земных животных, мог все же произвести нежелательное воздействие и на организмы тагатлийцев, биохимически относительно близкие к земным.

Четверо нападавших лежали неподвижно на земле в тех самых позах, в которых их поразил газ, и прерывисто дышали. Они были одеты в плохо выделанные звериные шкуры, а их копья и стрелы, которые они схватили, чтобы защищать свои очаги от врагов, спустившихся со звезд, имели наконечники из полированного камня.

Зилли разглядывала новые экспонаты с большим интересом. С ее точки зрения, их структурное сходство с сурками было поразительным, хотя в глаза бросались и различия, заключавшиеся не только в размерах, но главное, в привычке этих существ к прямохождению. Почти полное отсутствие волос на теле указывало на их тропическое происхождение, а оружие — на наличие разума. Было бы очень любопытно провести над ними более детальные наблюдения.

Десантный бот скользнул над вершинами деревьев и опустился вблизи разведчиков. Сурок, сидевший в проволочной клетке Зилли, зашевелился и заверещал. Вспомнив, что цель ее пребывания здесь заключается отнюдь не в удовлетворении праздного любопытства, Зилли с сожалением вздохнула и направилась в сторону бота. И в эту-то минуту и пришла к ней ее великая идея — идея, которая, оказавшись она верной, принесла бы ей всегетскую славу и быстрое продвижение по службе. Зилли резко обернулась и вновь пристально взгляделась в оглушенных туземцев, уже начавших постанывать и шевелиться.

После короткого совещания с командой десантного бота к Зилли подбежала связистка. Задыхаясь от бега, она произнесла:

— Координатор требует более подробного отчета.

— Скажи ей,— Зилли на мгновение заколебалась, но затем очертя голову бросилась прямо в омут,— скажи ей, мы на пути к большой удаче. Я не только обнаружила присутствие нашего врага,— тут она похлопала по висев-

шей через плечо клетке,— но и открыла потенциальное оружие против него.

Ее Плодородию Мнигли исполнилось от роду восемьсот лет. Она пережила двадцать поколений короткоживущих мужских особей своего вида, и титул ее теперь уже был лишен былого смысла. Ее кожа свисала свободными складками, головогрудь позеленела от старости. Она была Экологом-Координатором, что в условиях Тегета равноценно званию сенатора, курфюрста, а то и кардинала-архиепископа. Поэтому к Зилли — всего лишь Младшему Биологу — она относилась несколько свысока.

— Это и есть те существа, которые ты рассчитываешь использовать для борьбы с сурками?

— Да, Ваше Плодородие,— ответила Зилли.

Она почтительно наблюдала за Координатором, медленно обходившей группу жмущихся друг к другу пленников. Их число увеличилось, так как Зилли по собственной инициативе приказала прочесать кусты у ручья. Она стремилась не допустить ни малейшей оплошности, которая могла бы умалить ее заслугу.

Мнигли рассматривала пленников умными старческими глазами, а ее мозг из их внешнего вида делал быстрые выводы о вероятных привычках и месте этих существ во всем комплексе природной среды. Мнигли не зря носила звание Эколога-Координатора.

— Здесь и мужские и женские особи? Как ты их различаешь?

Зилли указала различия.

— Хм-м,— сказала Мнигли,— незначительный половой диморфизм. Весьма примитивное устройство. Если не говорить о разнице в числе членов и о других второстепенных деталях, они весьма похожи на очень крупного трина.

Зилли, нервничая, согласилась. Трин был древесным хищником с зачатками интеллекта, чьи функции на Тегете заключались в ограничении роста численности похожих на ленивцев травоядных, питавшихся листвой деревьев.

— Но эти,— указала Зилли,— строят жилища на земле

и явно приспособлены для наземного передвижения. Посмотрите на их ступни, Ваше Плодородие... Кроме того, их зубы указывают на всеядность...

— Следовательно, в первую очередь мы должны определить степень их возможного воздействия на биоценозы нижнего яруса леса. Как тебе известно, Биолог Зилли,— тон Координатора стал еще резче,— по нашим априорным суждениям, следовало искать какого-нибудь мелкого хищника, способного проникать в норы грызунов. Бесспорно, подобные животные должны существовать на Земле. Что дает тебе основания думать, будто эти огромные тринопоподобные зверюги будут лучшим оружием?

— У меня есть такие основания,— уверенно ответила Зилли.— Первая экспедиция назвала этот вид доминирующим, во всяком случае, по широте распространения. Его обнаружили на всех континентах, а это явно указывает на его успешную конкуренцию с другими наземными формами жизни. Этот факт свидетельствует также о высокой адаптационной способности — чрезвычайно ценной черте для тех животных, которых мы намерены интродуцировать в совершенно чуждые для них условия среды. Хищники, надо сказать, вообще весьма хрупки в экологическом смысле, поскольку очень узко специализированы. Вспомните, что произошло с вугудом...

Координатор помнила это прекрасно. Упомянутый инцидент чуть было не погубил ее карьеру, а заодно и карьеру еще нескольких лиц, занимавших весьма высокие посты. Вугуды — змееподобные хищники — были специально интродуцированы с одной из планет системы Альтаира, поскольку являлись естественными врагами одного альтаирского вредителя сельского хозяйства, случайно завезенного на Тегет. К сожалению, вугуд обладал невероятной прожорливостью, которая позволила ему обнаружить, что каннибализм куда проще обучения охоте в непривычных условиях нового места обитания. В результате существованию вугуда на Тегете пришел конец. Тагатлийцам пришлось посылать к Альтаиру новую разо-

рительную экспедицию, чтобы отыскать другое, более подходящее средство борьбы.

Такие ошибки не должны были повторяться. снаряжение экспедиции на Землю стоило экономике Тегета сильнейшего напряжения. Ни одна планета не могла долго выдерживать огромных затрат энергии и материалов, необходимых для межзвездных полетов. Понимание этого обстоятельства было одной из причин запрета, наложенного Бюро экологии Тегета на такие полеты четыреста лет назад. Второй причиной был экологический хаос, вызванный контактами с другими мирами. Примером могла служить история с сурками. Небольшое число этих животных было завезено на родную планету членами Первой земной экспедиции, сурки показались им забавными экзотическими зверьками, пригодными для содержания в домах. Не имея на Тегете никаких естественных врагов, сурки так размножились, что стали угрожать биологической стабильности всей планеты. Именно эту проблему и должна была решить Вторая экспедиция, найдя и привезя на Тегет природных недругов сурков. «И на сей раз,— сказала себе старая Мнигли,— ошибки быть не должно, а значит, следует изучить все возможные варианты».

Она вновь вернулась к группе пленников, долго и тщательно рассматривая их, как бы стараясь во всех деталях представить себе их будущее в качестве нового экологического фактора на Тегете. Они отвечали ей взглядами, полными муки и страха. В их представлении она была не то богом, не то сатаной. Мнигли вздохнула.

— Может быть, ты права, Биолог Зилли. Твои доводы делают честь столь юному специалисту. Можешь заняться изучением этих животных в качестве индивидуального проекта и подготовить доклад о их потенциальной пригодности.

— Слушаюсь, Ваше Плодородие.

— Как руководителю этого проекта, я присваиваю тебе звание Старшего Биолога.

— Благодарю вас, Ваше Плодородие!

Итоговое совещание проходило на звездолете. Собранные ученые — члены экспедиции в молчании заслушали доклады биологов, которым было поручено изучить возможность использования местных хорьков и одного вида дикой кошки. Наконец подошла очередь Зилли, она начала деловито и энергично:

— Коллеги! Я должна изложить данные, касающиеся вида, резко отличающегося и во всех отношениях далеко превосходящего те, которые обсуждались до этой минуты. Я имею в виду *Pseudothrin terrestis Zilli**.— Это вступление было пустой формальностью, так как в последние недели все присутствующие побывали на огороженном участке, где Зилли вела свои исследования.— И я думаю, вы согласитесь со мной, тут никакие колебания не уместны. Мы все стремимся вернуться на Тегет...

— Ближе к делу,— сухо сказала Мнигли, возглавлявшая конференцию.

Зилли послушно склонила голову, в глубине души очень довольная тем, что ей удалось высказать эту мысль: присутствующие были учеными, но одновременно и тагатлийцами. Шесть недель пребывания среди буйной, неупорядоченной природы Земли вызвали у них острую тоску по ухоженному родному миру. И если у кого-нибудь из них и оставались когда-то сомнения в обоснованности запрета на межзвездные полеты, то теперь личный опыт их окончательно рассеял.

— Я представлю вам,— продолжала Зилли,— факты и цифры, которые покажут, что *Pseudothrin* гораздо умнее дикого кота и по меньшей мере столь же кровожаден, как хорек. Короче, мы можем обшарить всю планету, но лучшего истребителя сурков не найдем.

Она пустилась в описание технических деталей своих исследований, проделанных над пойманными туземцами и их общественным строем в естественном состоянии, особо подчеркнув, что они будут охотиться на сурков не только ради пищи, но и ради одежды, чтобы прикрыть свою

* Псевдотрин земной Зилли (пародия на ученую латынь).

безволосую кожу. Опасность же распространения их хищничества на аборигенную фауну Тегета исключена в силу тех самых различий в метаболизме, которые препятствуют любому хищному зверю планеты охотиться на сурков. Наконец, этот вид определенно одарен разумом. Точные параметры здесь пока отсутствуют, но, если судить по технологии производства орудий, он в интеллектуальном отношении занимает промежуточное место между тринами и земледельцами зги. Разумность вида — залог того, что тагатлийцы могут рассчитывать на точное соблюдение предназначенной ему экологической функции.

— Последнее рассуждение, — сказала с некоторым сомнением Мнигли, — не очень обосновано. Разум — оружие обоюдоострое, а эти существа всеядны.

Зилли смело встретила взгляд Координатора:

— Вы имеете в виду возможность того, что эти существа, вместо охоты на своих вредоносных родичей, обнаружат, что проще совершать набеги на поля, которые возделывают зги, причем такие набеги будут особенно опасны, поскольку Pseudothrin разумен?

— В этом-то, — заявила Мнигли, — и есть суть проблемы.

Все остальные ученые согласно закутили головой.

— Я готова ответить вам. Во-первых, хоть они и всеядны, но решительно предпочитают мясо, если могут его добыть. Далее, их крупные размеры позволяют применить против них такие методы борьбы, которые были бессильны против сурков. И наконец, — тут Зилли сделала многозначительную паузу, — мои исследования показали, что Pseudothrin имеет достаточно развитый язык, краткий его словарь я уже составила. Ваше Плодородие, коллеги, вы понимаете, что это значит?

Раздался взрыв удивленных и радостных восклицаний, свидетельствующий, что Зилли выиграла. Раздувшись от гордости, она поставила последнюю точку:

— Это значит, мы имеем дело не с обычными животными, чьи действия обусловлены инстинктом, а с существами, чье поведение может определяться нашими тре-

бованиями. Мы словесно можем внушить им целый комплекс запретов, как делаем это со зги и в меньшей степени с трином. Запечатлеть такие директивы в сознании нескольких тысяч импортируемых особей просто, они вскоре обретут силу традиций, даже если потомство людей, как они себя называют, возрастет до нескольких миллионов особей..

Морг, охотник, легко скользил по открытому пространству, осененному пышными кронами деревьев, которые показались бы очень странными его прапрапрадедам несколько веков назад. Эти прапрапрадеды удивились бы и похожему на ухоженный парк лесу, без кустарника, без вьющихся лиан, но Моргу все это казалось обыкновенным.

Лук он держал наготове, как и двое его спутников, следовавших за ним по пятам, внимательно оглядывая ветви над головой. Внимательно, но без страха, ведь здесь не было животных, которых вооруженный луком человек мог бы всерьез опасаться.

Морг — дикарь с великолепной мускулатурой — ростом на полголовы превосходил своих спутников. В то время как они носили одежду из плохо сшитых сурочьих шкур, на нем было одеяние, скроенное из цельной шкуры какого-то животного с блестящим черным мехом. Он был прямым потомком первого Морга — вождя тех, кто, согласно легендам, пришел сюда с Земли, лежавшей, как говорили одни, далеко за горами или, как с меньшей достоверностью утверждали другие, находившейся где-то в небесах.

Деревья впереди начали редеть — признак близости опушки, — и все трое, теперь уже не таясь, ускорили шаг, решив, что сообщение об обилии дичи в этом участке леса, расположенном неподалеку от деревни их племени, было ошибкой.

Внезапно ветви над головой затрещали. Морг уклонился от брошенного в него сука и, взглянув вверх, увидел шестирукое существо, качавшееся на ветке в восьмидесяти пядях над землей. Существо угрожающе скалило острые

клыки и осыпало их градом оскорблений, хорошо понятных Моргу, так как он был довольно неплохо знаком с примитивным языком тринов, особенно с тем его разделом, который имел отношение к непристойностям.

Морг ответил ему в столь же красочных выражениях и оттянул тетиву к своему бронзовому от загара лицу. Трин тотчас оборвал начатую было фразу, ловко перекувырнулся назад и с необычной скоростью пустился наутек. Мужчина ухмыльнулся и ослабил тетиву, так и не пустив стрелу. Ему не хотелось тратить время на ее поиски в случае промаха или карабкаться за ней на дерево, если бы она угодила в трина,— он хорошо знал по личному опыту: трин и мертвый никогда не падает с ветки. Охотники даже не стали разыскивать дерево с гнездом трина — тринов они не промышляли.

За опушкой леса лежал залитый солнцем луг, а за ним — коричневатые пятна зреющих хлебов, меж которых торчали похожие на улы жилица зги — умеющих обрабатывать землю представителей фауны Тегета. Трое охотников свернули в сторону, направляясь к следующей лесной полосе и далеко обходя поля. Они знали: зерно съедобно, но знали и то, что на нем лежит табу, точно такое же, как на вырубке некоторых видов деревьев и прочем. Происхождение этих табу их не интересовало: они знали — запрет существовал всегда. Ходили рассказы о людях, нарушивших табу, об их страшном конце, но в повседневной жизни вопрос о том, что с вами произойдет в подобном случае, даже не возникал.

Они смутно догадывались, что за традициями и обычаями стояли тагатлийцы, которые, говорят, дали людям этот мир, повелев им плодиться и размножаться. Где-то в самой глубине человеческого сознания засело твердое, но неясное убеждение, что они вместе с другими обитателями лесов и полей составляют единую систему и где-то обитают те, кто, обладая абсолютным знанием, мудро руководит этой системой и направляет ее к какой-то цели. Так что, не будь тагатлийцев, их пришлось бы выдумать.

Пересекая луг, Морг на полдороге заметил сурка, сидевшего у входа в свою нору, и пригвоздил его к земле меткой стрелой. Когда он кинулся к своей добыче, огромная тень с пугающей быстротой вдруг скользнула по траве. Отставшие охотники завопили. Морг взглянул вверх и увидел над собой нечто похожее на огромную ярко окрашенную птицу с неподвижно распластанными крыльями. «Птица» бесшумно спускалась на траву.

Морг остолбенел. За спиной он слышал топот убежавших товарищей, но последовать их примеру не мог. В летающем аппарате открылась дверь, в ее проеме появилась тагатлийка, устремившая взор на Морга.

Морг никогда не сомневался в существовании тагатлийцев; их летательные аппараты можно было нередко видеть в небе, а с вершины гряды иногда можно было рассмотреть белые башни их далекого города. Но совсем другое дело — оказаться лицом к лицу с одним из этих существ. Он упал на одно колено и опустил свой лук на землю, продолжая, однако, сжимать его в руке: пусть голова его и склонилась униженно, но взгляд был насто-роже. В случае чего Морг мог послать стрелу прямо с колена.

Тагатлийка выглядела отнюдь не столь внушительно, как он рисовал в своем воображении. Морга особенно поразило ее внешнее сходство со зги: она казалась более утонченной и грациозной копией этого животного, и череп у нее был куда больше. Морг ничуть не сомневался: в открытом бою он легко одержал бы победу над тагатлийкой, но что-то — то ли интуиция, то ли отзвук старинных преданий — говорило ему, что сила тагатлийцев заключается вовсе не в физическом превосходстве.

Тагатлийка спустилась по лестнице, которая как бы сама собой выросла из боковой поверхности «птицы». В дверях появилась еще одна тагатлийка с блестящей металлической трубкой в руках.

Первая сказала на языке людей:

— Встань, о человек! Как твое имя?

— Я Морг,— ответил охотник.

Он выпрямился, опустил руку, державшую лук, и с нарочитым спокойствием взирал на божество. Тагатлийка невольно подняла голову, как бы стараясь стать выше ростом.

— Я искала тебя, Морг,— сказала она, чуть покривив душой.— Меня зовут Зилли.

— Мне знакомо это имя.

— Вот как!— заметила Зилли не без удовольствия. Она припомнила: со времени ее последнего контакта с этой общиной сменилось уже пять человеческих поколений. Она достигла теперь звания Старшего Эколога и стала, вполне естественно, правой рукой Координатора, специально занимавшегося делами людей. Было приятно узнать, что имя ее знают представители этого низшего вида.

— Но, может быть, ты другая Зилли,— осторожно вымолвил Морг.— Старики говорят, та Зилли была ростом в сорок пядей, ее глаза горели как угли, а...

— Я — та самая Зилли,— ответила она сухо,— и если уж разговор зашел об углях, знай — они-то как раз и связаны с тем делом, по которому вышло новое повеление. И я хочу передать его твоему народу. Несколько недель назад выгорел дотла ценный участок леса — на закат отсюда.

Морг поклонился, не отрывая взгляда от тагатлийки:

— Я понял. Я передам им: если они не будут осторожны с огнем, их поразят язвы, хворь, ломота и молнии.

— Хорошо.— Зилли помедлила, припомнив выражения, которые употребила ее начальница, указывая на личную ответственность Зилли в деле интродукции животных, пользующихся огнем.— Пожалуй, будет лучше, если они как следует усвоят это.

Критически оглядев человека с ног до головы, она сказала:

— Это — первое. Теперь другое: что за одежда на тебе?

Морг взглянул на блестящий черный мех, скрепленный на плече и бедре изящными бронзовыми пряжками. И ответил с некоторой гордостью:

— Это шкура юрука. Я его сам убил.

— Но как же ты можешь носить эту шкуру?

Он виновато моргнул, чуя подвох. Тщательно выбирая слова, Морг ответил:

— Если надеть сырую шкуру юрука, то в самом деле кожа человека краснеет и начинает чесаться, а поешь его мяса — болит живот. Поэтому во времена моего отца мы не промышляли юрука, но теперь мы знаем: если шкуру и мясо продержать в соленой воде...

— Понятно,— прервала его Зилли. Итак, у нее было простое объяснение загадочного факта, выявленного последними переписями Бюро экологии,— резкого падения в населенных людьми районах численности ленивцеподобных юруков, а также питавшихся ими тринов, которые до недавнего времени были основными ограничителями размножения этих травоядных.

Что ж, ее доклад по этому вопросу вызовет в Бюро изрядный шум. Однако выявленный ею новый факт был весьма незначителен в сравнении с тем, что, по показаниям переписи, *Pseudothrin terrestis* Zilli прекрасно справляется со своими обязанностями истребителя грызунов. Да она и сама видела сурка, пронзенного стрелой Морга. Забавно, ведь, дав этим существам такое название, она оказалась вдвойне права: они не только выполняли свою собственную экологическую функцию, но и присвоили себе функции настоящих тринов.

Зилли почти с нежностью оглядела одетого в шкуру охотника: и он, и его род были ее детищем.

— Хорошо,— сказала она.— В целом я довольна твоим народом, Морг. Но не забудь напомнить им: с огнем следует быть осторожнее.

Морг снова поклонился. Страж посторонился, чтобы Зилли могла войти внутрь флайера. Дверь закрылась, и машина круто пошла вверх.

Морг наблюдал, как она исчезает в небесной голубизне. Когда машина скрылась из виду, он повернулся и медленно пошел к опушке. Там, под защитой кустов,

прятались его спутники. Они встретили его почтительными взглядами.

— О чем,— спросил один из них,— беседовала с тобой тагатлийка, Морг?

— О многом...— ответил таинственно Морг.— Об очень многом...— А сам он покуда обдумывал кое-какие нововведения, мысли о них уже давно бродили в его мозгу, но раньше он и заикнуться боялся об этом старейшинам. Теперь же, после того как спутники Морга стали свидетелями его беседы с тагатлийкой, он заранее предвкусывал, какие лица будут у вождей, когда он, Морг, изложит им волю божества.

Больше всего ему хотелось воспользоваться выгодами от торговли со зги: табу это или нет — безразлично. Эти туповатые тяжеловесные существа, выяснил он несколько недель назад, готовы хорошо платить за выделанные шкуры юрука. Конечно, они получали от тагатлийцев синтетические ткани, равно как и орудия труда, в обмен на излишки зерна, но меха были для них редкостью, доступной им лишь в случае находки свежееубитой жертвы трина или другого хищного зверя. В сумке, свисавшей с шеи Морга, лежал кусок железа, полученный в обмен на однуединственную шкуру. Во время разговора с тагатлийкой он не раз содрогался от страха, что она каким-то неведомым путем обнаружит железо. Из него получится великолепный наконечник для стрелы, хотя он и понимал: нужен еще и металлический молот, чтобы обработать этот наконечник. Если шкуры юрука станут предметом обмена, у Морга, великого охотника, появится очень много железа.

— Я,— сказал он с важностью своим спутникам,— буду большим человеком...

Фермер Моргус был богат. Поля, обрабатываемые его многочисленной семьей и работниками, простирались на много миль от каменного дома, который построил еще прадед фермера, первым поселившийся в этих местах. И члены клана Моргусов владели большей частью земли

в этих краях, так что, являясь патриархом клана, Моргус был первым человеком в округе.

Сейчас лицо Моргуса, окаймленное седеющей бородой, выражало непоколебимое упорство. С высоты своего крыльца он взглянул на зги и грубо крикнул:

— Ну! Сколько раз я должен вам повторять одно и то же?!

Зги — два крупных сильных животных, похожих на уменьшенные и упрощенные копии тагатлийцев, с которыми они находились в родстве, — тупо моргали, глядя на Моргуса. Один из них сказал на жаргоне, представлявшем смесь слов его собственного и человеческого языков:

— Я... хороший работа... пахать... да? Сторожить гумно... да?

— Нет, — сказал Моргус. — В последний раз говорю: я больше не нанимаю зги. Множество людей ищет работу, и делают они ее куда лучше. Идите прочь! Я слыхал, что в западных долинах вашего брата еще берут...

Зги горестно смотрели на него. Как ни были они тупы, им стало ясно: решение фермера бесповоротно. Понурия, они зашагали к шоссе. Некоторое время Моргус с подозрением следил за их удаляющимися фигурами, затем повернулся было к двери. Но в это мгновение он заметил клуб пыли, быстро приближавшийся с востока, и остановился, держа руку за дверную скобу.

У калитки Моргуса экипаж замедлил ход и осторожно свернул, подпрыгивая на тракторных колесах, на грунтовую дорогу, идущую мимо дома к сараям. Это была тагатлийская машина, совершенно не похожая на грузовики, приезжавшие за излишками зерна. Длинная, изящная, она сверкала даже под свежим налетом пыли. Дверца ее распахнулась, и из машины степенно вышли три представителя правящей расы.

Моргус расправил обтянутые домотканой рубахой плечи и медленно, с достоинством зашагал навстречу гостям.

— Приветствую вас, — пророкотал он. — Чему обязан...

— Я Эколог-Координатор Зилли, — сухо сказала шедшая

впереди тагатлийка.— Вы фермер Моргус? Прекрасно. Мне нужно с вами поговорить.

— Удостоит ли Великая своим посещением мою жалкую хижину?— с напускным смирением указал Моргус на свой большой каменный дом.

— Подождите у входа,— бросила Зилли телохранителям.

— Но, Ваше Плодородие...

— Здесь я в безопасности.

Моргус, шедший впереди, ничем не обнаружил, что понял обмен репликами на тагатлийском языке. На самом деле, он довольно хорошо изучил его во время контактов с помощниками Координатора, время от времени совершавшими свои инспекционные поездки. Однако прибытие самого Координатора было исключительным событием. К тому же ее звали Зилли, точно так же, как главное домашнее божество клана Моргусов. Моргус не был суеверен: он верил в то, что можно было видеть, слышать и осязать своими мозолистыми загребущими ручищами. Но в эту минуту — ему и самому непонятно было отчего — он чувствовал себя не в своей тарелке.

Они вошли в гостиную — обширную низкую комнату, где главное место занимал огромный камин, над которым висели скрещенные охотничьи копыя. В двери, ведущей на кухню, застыла, удивленно тараща глаза, одна из невесток Моргуса, потом сразу прикрыла лицо передником и исчезла. За тяжелым столом, стоявшим у окна, где освещение было получше, сидел безбородый юноша. Он вскочил со своего места, как вспугнутый зверь, и уставился на тагатлийку с удивлением и страхом. На столе лежало несколько тонких дощечек, покрытых таинственными значками, нарисованными углем.

— Мой младший сын,— сказал фермер. Нервное напряжение делало его более разговорчивым, чем обычно.— Он слабоват для работы в поле, а потому ведет счета фермы. Уверяет: мол, с помощью изобретенных им значков можно записывать нашу речь, точь-в-точь, как вы, тагатлийцы,

записываете вашу. По правде говоря, эти значки кажутся мне толковее прежних палочек с зарубками.

Зилли почти не обратила внимания на слова фермера.

— Моргус,— сказала она,— мои помощники представили мне неблагоприятные для вас сведения.

Моргус разгладил стальную бороду.

— Как это может быть? Разве я и моя семья не выполнили установленную для нас норму производства, да еще и с лихвой?

— Да, но...

— А разве потребовали мы от тагатлийцев дополнительных поставок машин и других промышленных товаров, кроме, пожалуй, горючего? Если записи моего сына верны, баланс явно в нашу пользу.

Юноша, смутившись, утвердительно кивнул.

— Да-да,— брюзгливо ответила Зилли,— но дело совсем не в этом. Помолчите-ка и дайте мне говорить.

Она хмуро посмотрела на людей. Зилли давно уже перевалила за середину средней продолжительности жизни женских особей своей расы. Ее головогрудь начала приобретать благородную патину, она занимала высокий пост Эколога-Координатора, когда-то принадлежавший давно почившей Мнигли, который лишь тремя ступенями был ниже высшей должности Старшего Координатора. В такие моменты, как сейчас, она ощущала бремя своих шестисот лет и всех изменений, происшедших с того времени, когда она была лишь жаждущим славы Младшим Биологом.

— Моргус,— строгим тоном спросила она,— что за животных я видела на огороженном пастбище у дороги?

— Животных?— Моргус, поколебавшись, понял: прикинувшись простаком, он ничего не выиграет.— Ах, да! Это просто пниды, я откормил их на горных пастбищах. С ними почти нет хлопот. Прирученные, они очень покорны, и любой мальчишка с ними управится...

— Это запрещено!

Моргус взглянул на тагатлийку из-под насупленных кустистых бровей:

— На пнидов нет табу. Охотники часто их убивают.

— Речь идет о запрете на их приручение. Прежде, когда всю эту землю возделывали зги, такой проблемы не возникало,— раздраженно сказала Зилли.

— Но мы не зги и не тагатлийцы. Нам нужно мясо.

— Тогда охотьтесь или покупайте его у лесных жителей.

Моргус глянул в окно, выходившее на восток: там вдали подымались лесистые горы. Он поморщился. Даже мысль о сношениях с лесными обитателями, которые вели тот же образ жизни, что и его предки несколько столетий назад, была ему отвратительна. По его мнению, они были грязны, невежественны и вороваты. А главное — из окна были видны плодородные просторы только что засеянных полей, аккуратные изгороди, а за ними — волнистая равнина с богатейшим покровом сочных трав.

— Нет у вас права,— яростно возразил он,— так мной командовать! Это моя земля, мои пниды!

— Речь идет не о праве собственности,— терпеливо разъяснила Зилли.— Дело тут... в экологическом равновесии.— Она воспользовалась тагатлийским выражением, которое ничего не говорило Моргусу, кроме того, что оно как-то связано с понятием «табу».

— Я разумный человек,— сказал упрямо фермер,— но тут не вижу разумных доводов.

— Хорошо,— ответила Зилли,— я попробую объяснить вам суть дела, как если бы вы действительно были разумным существом. Предположим, вы или ваши соседи, пошедшие по вашим стопам, стали бы выпасать травоядных пнидов вон на тех склонах. Ваши заботы о стадах привели бы к быстрому росту поголовья скота, защищенного от всех хищников, обеспеченного кормами и укрытием на зиму. Рано или поздно, может быть, при ваших детях или внуках, на склонах, где траву вытоптал бы скот, началась бы эрозия, и все больше почвы смывалось бы вниз в каждый дождливый сезон.

В долине же, где вы пашете землю, возросший сток вызвал бы наводнения и вымывание тука из почвы. Но урон

этим не ограничился бы. За наводнениями придут засухи, ведь дождевая вода станет стекать, не просачиваясь в почву, как сейчас, благодаря плотному покрову дерна. Несколько засушливых лет усилили бы ход эрозии, и она погубила бы превосходные пахотные угодья. Установился бы порочный круг. Теперь вам понятно, почему нельзя разводить стада пнидов?

Морщинистое лицо Моргуса оставалось каменным.

— Вы толкуете,— сказал он,— о событиях, которые могут произойти в отдаленном времени, а могут и вообще не произойти. Я человек практичный, и мне непонятны ваши туманные тагатлийские теории.

— Вот именно,— ответила Зилли.— Постигни вы их, и вам удалось бы сравняться с тагатлийцами.

— Но зато я понимаю, что нам нужно много мяса, больше, чем мы можем получить от торговли с отсталыми лесными жителями или охоты, ради которой нам придется урезать время на обработку земли. Содержание нескольких животных для наших потребностей не может принести вреда. И я не собираюсь от них отказываться!

Зилли вся напряглась. Она смотрела на этого человека ледяным взглядом, скрывавшим какую-то неловкость, которую она уже не раз ощущала во время своих контактов с людьми. Но сейчас ей впервые пришлось столкнуться с открытым неповиновением. Зилли поняла: кризис наступил, обрадовалась, сознавая, что в ее руках есть грозное оружие, подготовленное Психологическим отделом именно для такого исключительного случая.

— Моргус,— сказала она,— ты забываешься и забываешь, чем твой род обязан моему роду. Ты претендуешь на разум, но твое поведение противоречит твоим словам.

Она сделала долгую паузу, чтобы смысл ее слов наверняка дошел до сознания Моргуса, но произвело ли это впечатление на разозленного фермера — ей было трудно судить. Мельком, но не без известной доли тщеславия, она подумала о той пропасти, которая отделяет в конечном итоге ее народ от людей. Да, они, безусловно, обладают высоким

интеллектом, свидетельством тому их быстрый подъем от культуры каменного века до плавки металлов и даже умения обращаться с сельскохозяйственной техникой, производимой тагатлийцами. Но люди все еще смотрят на мир как неразумные животные: жадно эксплуатируют природную среду и размножаются, не заботясь о возможных последствиях. Тагатлийцы же, напротив, интеллектуальны в полном смысле слова. Им, и только им, присущ системный подход, связывающий воедино леса и поля, моря и пустыни, популяции растений и животных и самих тагатлийцев в единую ноосферу Тегета. Это единство в экологическом аспекте, собственно, и было Тегетом: иерархией хищников и их жертв, сложной сетью тончайших связей между бесчисленными видами — экологической пирамидой. На вершине ее стояли тагатлийцы — контролирующий разум всепланетной системы, ибо они понимали, что сами являются неотъемлемой частью ее, не более и не менее важной, чем дождевые черви или связывающие азот бактерии.

И человеческое население Тегета тоже было частью этой пирамиды. Правда, интродуцированные в нее люди сильно расширили свои экологические функции — они обладали удивительной способностью к адаптации. Они почти полностью вытеснили вымирающего трина с его ролью лесного хищника, а теперь поставили на грань исчезновения зги, заменив его в роли земледельца, бесспорно проявляя исключительную изобретательность и высокую эффективность в выполнении этих функций. Однако все это были лишь изменения внутри системы, отнюдь не нарушавшие ее единства. На тот же случай, если бы ситуация, как в данный момент, угрожала нарушением связей, опасным для всей природной среды, и существовали тагатлийцы, готовые вмешаться и выправить положение.

Зилли неохотно обнажила свое тайное оружие.

— А где твои грамоты на владение землей, Моргус? — спросила она.

Обветренное лицо фермера покрылось смертельной бледностью. Только теперь, когда уже было поздно, он увидел

нависшую над ним угрозу, осознав и свою недалёковидность, и свое бессилие перед бедой.

— *Где грамоты?*

Желваки на скулах Моргуса заиграли, на лбу напряглись жилы. Глаза под густыми бровями забежали, остановились на мгновение на скрещенных над камином копьях, потом медленно и неохотно вернулись к неподвижной фигуре тагатлийки. Плечи его вдруг поникли, и он медленно, как-то сразу постарев, отвернулся. Юноша со страхом смотрел на отца.

Этот хитрый план был выработан Психологическим отделом Бюро экологии. Когда люди стали выходить из лесов и неуклонно вытеснять зги с пахотных земель, Бюро совершенно справедливо решило, что смена места обитания будет сопровождаться глубокими психологическими изменениями. Механизм табу и суеверий, достаточный для того, чтобы держать в границах определенного поведения примитивные охотничьи племена, не годился для нового образа жизни и частых контактов с тагатлийцами. Психологи, обнаружив спонтанное возникновение новой системы отношений, основанной на понятии частной собственности, воспользовались этими зачатками, поощряли их, формируя в нужном для себя направлении. Тагатлийцы создали законы, учредив на их основе собственность на землю, символизируемую весьма пышными грамотами, выдававшимися с учетом психометрических тестов, причем выдача и хранение этих документов полностью находились в руках психологов.

Фермер Моргус почувствовал, как колеблется под его ногами самая основа бытия.

— Одну минуточку, Координатор,— сказал он заикаясь,— я... я поищу грамоты.

— В этом нет необходимости,— резко ответила Зилли. Сцена была ей неприятна.— Но тебе придется отказаться от домашних пнидов.

Моргус бросил на нее быстрый взгляд и опустил глаза:

— Слушаюсь, Координатор.

— И еще одно,— Зилли деликатно отвернулась в сторо-

ну.— Аэрофотосъемка установила, что кое-кто из членов твоего клана засекает земли, отведенные под залежь. Это надо прекратить.

— Слушаюсь, Координатор,— пробормотал Моргус.

Он не поднял глаз, даже когда шорох колес за окном возвестил, что тагатлийка отбыла восвояси.

Стоявший рядом с Моргусом сын сказал почти шепотом:

— Они что же — принимают нас за зги?

— Какое это имеет значение!— Моргус с трудом поднял голову.— Позвони в колокол и созови братьев. Надо готовиться к забою скотины.

Юноша сделал шаг к двери, чтобы выполнить распоряжение отца, но остановился в нерешительности:

— Отец, мне бы хотелось посмотреть на те грамоты, о которых говорила тагатлийка.

— Зачем?

— Возможно, там написано совсем не то, что они говорят.

— Допустим, ты прав, но ведь *сила* все равно на их стороне. Да и никому из людей их не прочесть, написаны-то они по-тагатлийски!

Юноша закусил губу, но стоял на своем:

— Может, когда-нибудь я с этим справлюсь. Думаю, в основе их письменности лежат знаки, соответствующие отдельным звукам.

— Что ж, попробуйся,— безразлично ответил отец.

Юноша ударил в колокол, висевший снаружи. И пока они ожидали прихода остальных членов семьи, он стоял на крыльце, глядя на восток. За его спиной, за домом, за поросшими лесом холмами, где бродили одетые в шкуры охотники, уже садилось солнце. Восточный край неба затягивала мгла. На темном фоне, позлащенные лучами заходящего солнца, в двадцати милях отсюда громоздились белые башни города тагатлийцев.

Зилли вышла из кабины автоматического лифта и медленно двинулась по тихому коридору. Ее старые суставы по-

трескивали, а дыхание прерывалось — последние пятьдесят лет ей постоянно не хватало воздуха.

Коридор, во всяком случае, остался без изменений. Практически он не менялся с тех пор, как восторженный юный Младший Биолог по имени Зилли была впервые в жизни приглашена на памятный верхний этаж этого здания, где помещалась священная особа Старшего Координатора, который и известил ее о включении в состав Второй (и последней) земной экспедиции.

Теперь на той самой двери в конце коридора слабо светила изящная тагатлийская надпись:

СТАРШИЙ КООРДИНАТОР ЗИЛЛИ

Чуть ниже тот же текст повторялся неуклюжими, угловатыми буквами человеческого алфавита. Вторая надпись светила ярче — она была сделана сравнительно недавно.

Дверь кабинета Зилли неслышно отворилась при ее приближении. В обширном, хорошо освещенном помещении двое мужчин быстро вскочили на ноги и отошли от заваленного бумагами стола, который стоял возле огромного круглого окна, выходившего на город.

Одним из мужчин был Атан Моргу — доверенный секретарь Зилли, чисто выбритый и наманикюренный человек средних лет, одетый в старомодный, но дорогой костюм из синтетической ткани и сохранявший на лице неизменное заученное выражение важности и сознания лежащей на нем ответственности. Другой был ей незнаком — рослый человек, прижимавший к груди набитый портфель из кожи пнида, словно боялся, что его вот-вот отнимут.

На подоконнике сидел ручной сурок Моргу, следивший за тагатлийкой блестящими бусинками глаз.

Зилли напрягла свою голову и, не обращая внимания на ревматические боли, напряжила переднюю пару конечностей, стараясь казаться как можно выше ростом. Это стало уже рефлексом, от которого она не могла избавиться при своих контактах с людьми, подавлявшими ее своими размерами.

— Ваше Плодородие!— приветствовал ее секретарь на тагатлийском языке.— Я не ожидал, что вы придете так рано. Это мой кузен Родон Моргу, он забежал на минуту обсудить один интимный вопрос. Если не возражаешь, Родон, подожди в соседней комнате, пока мы покончим с несколькими неотложными делами.

Кузен Родон смущенно поклонился древней тагатлийке и безмолвно позволил выпроводить себя за дверь. Атан прикрыл дверь, оставив, однако, небольшую щелку. Затем он вернулся к столу и стал разбирать бумаги.

Зилли молча ждала. Для нее не была секретом двойная жизнь ее секретаря. На своем официальном посту он выполнял большую часть текущей работы Управления Старшего Координатора и делал это тщательно и умело, не вызывая ни малейших нареканий. Точно так же работали и многие другие люди, занявшие к этому времени множество важных постов, ранее принадлежавших тагатлийцам. В то же время среди своих соплеменников Моргу и другие члены его семьи пользовались огромным влиянием, понять причины которого Зилли так и не смогла.

Вообще говоря, тагатлийка знала о существовании и механизме действия системы обмена и аккумуляции ценных знаков. Они функционировали в отношениях между людьми в качестве неких универсальных обменных квитанций, выдававшихся тагатлийцами в обмен на товары и услуги, но имели странное свойство придавать своим владельцам особый вес в глазах других людей. Зилли никак не могла постигнуть тот энтузиазм, который вызывала в людях подобная деятельность. Она, однако, знала, что в глазах собирателей обменных знаков Дом Моргу имел большое значение.

Моргу кончил отбирать нужные бумаги, а остальные отодвинул в сторону.

— Эти документы,— сказал он,— нуждаются в подписи Вашего Плодородия.

Старший Координатор осторожно опустилась на подушку для колен, лежащую рядом со столом, и взяла стило,

которое секретарь заблаговременно положил рядом с ее рукой. В течение нескольких минут в кабинете слышалось только тяжелое астматическое дыхание Зилли да шелест бумажных листов. Моргу стоял, глядя в окно, за которым открывался широкий обзор башен и парков метрополиса. Ручной сурок пискнул и прыгнул с подоконника на руку хозяина. Тот прижал его к себе и стал рассеянно поглаживать.

**ДИРЕКТИВА МЕСТНЫМ АДМИНИСТРАТОРАМ...
подпись... РАСПРЕДЕЛЕНИЕ КВОТ ПРОИЗВОДСТВА
ДЛЯ ДВЕНАДЦАТОГО РАЙОНА... подпись... НАЛОГИ НА
НУЖДЫ ПЕРЕВООРУЖЕНИЯ ПОЛИЦЕЙСКИХ СИЛ
ГОРОДА...** Зилли немного помедлила над этой бумагой. Ей показалось, что требования на подобного рода ассигнования повторяются слишком часто. Однако она прогнала эту мысль и поставила свою подпись. Люди, возможно, из-за доминирующей роли в их обществе мужских особей, были склонны к вспышкам насилия. К счастью, им удавалось ввести эту склонность в определенные рамки, так что порядок нарушался не особенно часто... **ПОЛУГОДОВАЯ ПРОГРАММА ЗАВОДА № 4 ПО ПРОИЗВОДСТВУ АЗОТА...** Что-то в этом сухом и невыразительном заголовке кольнуло память Зилли, но она никак не могла сообразить, что именно. Документ, как и многие другие, был написан на языке людей, равноправие которого с тагатлийским было официально признано несколько десятилетий назад. Вздохнув, она начала с некоторым трудом разбирать текст, написанный угловатыми буквами, спотыкаясь о цифры средней плотности связывающих азот болотных бактерий, мощностей оборудования, обеспечивающего циркуляцию воды и воздуха...

Мысли Зилли то и дело обращались к стоящему у окна человеку. «Что он, собственно, рассматривает?»— недоумевала она.

Разумеется, не было никаких оснований считать, будто глаза людей и тагатлийцев видят вещи по-разному. Но иногда Зилли начинала думать, что это так. Эти двуногие, буквально заполнившие улицы городов, по которым некогда

передвигались лишь представители ее народа, эти люди, постепенно присваивавшие себе функции, единственными исполнителями коих были члены ее древней расы,— видели ли они за внешним обликом города да и всего здешнего мира ту сущность, которая сразу бросалась в глаза любой мыслящей форме жизни, способной выполнять эти функции? С самого начала она совершенно верно определила высочайшую адаптационную способность *Pseudothrin terrestis Zilli*. Но мог ли кто-либо в те далекие времена предвидеть, каков размах этой адаптации, какова почти фантастическая их способность к имитации, позволившая людям в течение нескольких веков превратиться в функциональный эквивалент тринов, зги и, наконец, самих тагатлийцев! Тагатлийцы не обладали даром мимикрии. Среди людей же, как приходилось слышать Зилли, это понятие считалось, в зависимости от обстоятельств, высшей похвалой или оскорблением.

И все же функциональная заменяемость была сутью дела. Это понятие лежало в основе философских взглядов тагатлийцев. Важно не выживание того или иного вида как такового, а сохранение определенных параметров мира, наличие устойчивой пирамиды всей жизни на планете, ибо особи и даже виды не бессмертны. С этой точки зрения эксперимент с человечеством на Тегете был успешным.

Как и предполагалось, человек оказался прекрасным орудием в борьбе с сурками, шестьсот лет назад угрожавшими экологическому равновесию. Дальнейшие и непредвиденные последствия его интродукции имели второстепенное значение, поскольку вели лишь к замене одного звена цепи другим, что не нарушало связей внутри системы, подобно тому как перестановка слагаемых не может изменить их суммы.

Именно так обстояло дело в глазах тагатлийцев. И все же Зилли продолжал беспокоить вопрос: а как смотрят на все это *они*? Заставив себя переключить внимание на лежавший перед ней документ, она неожиданно поняла, что именно в нем насторожило ее. Возникло тоскливое чувство страха.

— Моргу! — резко окликнула она секретаря.

Мужчина опустил сурка на подоконник и повернулся с безмятежным, как всегда, видом:

— Да, Ваше Плодородие?

— Эта программа по заводу номер четыре,— медленно начала Зилли,— она... ошибочна. Здесь намечен рост производства в два раза, что неизбежно влечет за собой истощение ресурсов.

Лицо Моргу не выдало обуревавших его чувств. Неизменное выражение лица, как хорошо знал Моргу, было одним из его ценнейших достоинств.

Но под этой неподвижной маской он яростно проклял свою неудачу. И надо же такому случиться именно *сейчас*, когда он ввязался в смертельную схватку с Яно и тот использует все честные и бесчестные средства, чтобы загнать его и других членов семьи Моргусов в угол, когда нужно позарез, чтобы спекуляция на азотных удобрениях принесла барыш, способный поддержать другие его предприятия и нанести ответный удар Яно!

— Моргу!— Зилли смотрела на него в упор.— Отвечайте! Что здесь происходит?!

Мимоходом Моргу с усмешкой представил себе, как бы реагировала Координатор, знай она, что здесь вообще происходит на самом деле: скажем, что само здание Бюро экологии заложено и построено от фундамента до конька крыши с единственной целью — поддержать проекты Моргу; или что некие заинтересованные лица, пожелавшие остаться неизвестными, предложили ее доверенному секретарю чуть ли не миллион за его уход с этого поста... Но объяснить Зилли подобные вещи было практически невозможно. Как ни умны были тагатлийцы, в некоторых отношениях они мало отличались от неразумных животных, ничего не смыслящих ни в политике, ни в экономике.

Его мысли метались в поисках выхода. В другое время он бы признал «ошибку», смирился с потерей, но нынешний кризис исключал этот путь. Не помогла бы и ссылка на растущий спрос на удобрения: Зилли заинтересовалась бы причиной, а это извлекло бы на свет щекотливый вопрос

о земельных площадях, которые согласно действующему плану севооборотов должны находиться под паром. Нельзя было прибегнуть к другому доводу: если разработка азотных болот и приведет к их истощению, можно будет обратиться к известному способу искусственного связывания азота. Моргу знал основной принцип Бюро экологии: технология должна поддерживать, а не подменять деятельность живых организмов. Он никогда не мог полностью понять концепцию, лежавшую в основе этой доктрины. Согласно тагатлийским теоретикам, вызванное технологией экологическое недоиспользование даже болотной тины означало нечто вроде предательства по отношению к органичному содружеству живых организмов со стороны разумных членов этого содружества. Подкупить Зилли было невозможно. Оставалось лишь попытаться оттянуть время. К счастью, приказ об увеличении производства был уже разослан за подписью самого Моргу и по специальным каналам доведен до управляющих — людей, которые уже давно видели в некоторых формальностях ненужную помеху. И если Моргу поведет себя правильно и выиграет время, его финансовое положение достаточно укрепит к тому моменту, когда все это выплывет на свет божий.

Моргу выразил на лице беспокойство и тревогу.

— Вероятно, тут какая-то ошибка, Ваше Плодородие! — признал он. — Придется задержать это распоряжение до выяснения всех обстоятельств. Я лично займусь самой тщательной проверкой.

Он тихонько протянул руку к проклятому документу. Но тонкие, с изящными коготками пальцы Зилли крепко держали бумагу, голова ее сделала резкое отрицательное движение, а неподвижные глаза все так же внимательно изучали Моргу, ибо для Зилли теперь многое вставало на свои места: подмеченные и забытые потом фразы, мелкие несоответствия, мимо которых она проходила, различные свидетельства...

— Нет, — сказала она глухо. — Я требую объяснений. И немедленно.

Ну что ж, пусть будет так! Моргу расправил плечи и набрал воздуха, готовясь произнести слова, которые вызовут взрыв. Но руководство событиями было вырвано у него из рук совершенно неожиданным образом.

Дверь, жалобно заскрипев, рухнула. В кабинет ворвались трое мужчин, одетых в форму городской полиции. В руках у них сверкали длинные ножи.

Моргу пригнулся было, но занесенные клинки заставили его выпрямиться. Двое налетчиков оттеснили его к стенке, третий, не обращая внимания на Зилли, стал рыться в бумагах на столе.

— Зилли!— дернулся Моргу.— Кнопка... внизу справа...

Голос его прервался: острие ножа кольнуло его в живот.

Онемевшая перед лицом этой неслыханной наглости, Зилли начала шарить под столом, но она не знала, где находится кнопка тайной сигнализации для вызова с нижнего этажа полицейских, которых оплачивал Моргу.

Бандит, рывшийся в бумагах, выпрямился и крикнул:

— Стать спиной к стенке! И ты тоже!— Он тщательно избегал взгляда тагатлийки, но тон его был жесткий и колючий, как клинок зажатого в кулаке ножа.

Зилли, пошатнувшись, отступила назад.

— Что...— еле выдавила она.— Что все это значит?!

Ответил ей Моргу:

— Это наемники Яно. Он подослал их, чтобы перехватить программу по азоту. Я знал, ему все известно, но не думал, что они пойдут на такой риск...

— Заткнись!— рявкнул один из бандитов.

Взгляд Моргу был прикован к налетчику, нагнувшемуся над столом. Так же ясно, словно он слышал голос самого Яно, отдававший приказ, Моргу знал его смысл: уничтожить Атана Моргу, как только нужный документ будет обнаружен, но никак не раньше, вдруг придется силой вытягивать из него сведения о местонахождении бумаги. Если Моргу будет мертв, а программа не получит официального одобрения, положение Яно станет неуязвимым.

К счастью, бандит был почти неграмотен. Минуты медлен-

но текли одна за другой, пока он, шевеля губами, вникал в смысл лежавшего сверху документа. Наконец он понял: это та самая бумага! И обернулся с победоносным видом. Моргу затрепетал.

Вдруг дверь в противоположном конце кабинета неслышно скользнула в сторону, в ее проеме возникла мощная фигура кузена Родона. В руках у него больше не было портфеля. Уродливая маска прикрывала его рот и нос. Он поднял руку с каким-то предметом и сразу метнул его в стену. Хлопнул негромкий взрыв, и струя газа ударила прямо в лицо бандитам, наставившим на Моргу свои ножи.

Они отшатнулись. Один упал, второй кинулся было на отскочившего подальше Моргу, но выронил нож и рухнул на пол. Третий, державший бумагу, успел сделать один-единственный шаг, и его настиг газ. Он повалился на пол. Моргу в два прыжка достиг стола, вырвал ящик и мигом натянул на себя маску. Покраснев от натуги, он выдохнул воздух, чтобы очистить легкие перед новым вдохом. И, тотчас нажав кнопку, обернулся, глядя на поле битвы.

— Хорошо сработано, Родон! — сказал он кузену, спокойно собиравшему раскиданное оружие. — Будешь вознагражден. С вами ничего не случилось, Ваше Плодородие?

Зилли сразу узнала газ — именно его химики Бюро синтезировали для участников Первой земной экспедиции для использования против земных животных. Наверное, Моргу раскопал его формулу в старинных папках. Действие газа на метаболизм тагатлийцев было не столь сильным, тем не менее Зилли сделалось дурно и она упала бы, если бы не стояла на четырех ногах.

— Да, — тихо ответила она. — Со мной все в порядке.

Прошло минут пятнадцать после того, как Родон и отряд доверенных людей Моргу выволокли бандитов из кабинета. Носили они свою полицейскую форму по праву или надели ее, чтобы пробраться в здание, выяснить не удалось. Впрочем, это было неважно. Воздух в кабинете Координатора уже очистился от газа.

Зилли сидела. С виду она как будто слегка усохла. Она наблюдала за Моргу, широкими шагами мерившим пол кабинета. Его ручной сурок, все еще оглушенный газом, еле удерживал равновесие, сидя на плече хозяина.

— На этот раз,— говорил Моргу,— Яно переборщил. С показаниями, которые я вырву у его агентов, я смогу прибегнуть к помощи закона. Человеческого, разумеется.

— Понятно,— сказала Зилли без всякого выражения.

— Сумеет он вывернуться или нет, все равно руки у него будут связаны надолго, и я успею разорить, раздавить его.— Моргу остановился и внимательно посмотрел на Зилли. Продолжал он уже совсем другим тоном:— Этот инцидент, без сомнения, открыл вам глаза на... на некоторые факты. Я не имел возможности разъяснить их вам раньше.

— Да,— ответила Зилли.

— Надеюсь, однако, все это не вызовет серьезных последствий. Мы сможем продолжать, как и раньше, нашу совместную деятельность. Сегодняшний случай — просто следствие борьбы между группой, которую представляю я, и преступной бандой Яно. А ведь он открыто похвалялся: сколочу достаточный капитал, приберу к рукам все, что можно, и... покончу с тагатлийцами. Но теперь положение изменилось, угроза устранена и продолжение межвидового сотрудничества гарантировано. Некоторые перемены, разумеется, произойдут. Борясь с опасностью, мне пришлось нарушить кое-какие мешавшие мне постановления Бюро...

Зилли ничего не сказала. Моргу был в замешательстве. Нагнувшись, он поднял с пола смятую бумагу, пробежал ее глазами и разорвал.

— Вы можете больше не беспокоиться насчет истощения азотных болот. В этом нет необходимости, у нас сейчас появилось более мощное оружие против оппозиции.

— Больше нет необходимости? Вероятно, до следующего кризиса?

Тень досады скользнула по лицу Моргу — такое выражение бывает у людей, чье благородство, по их мнению, не получает признания:

— Что ж, никто не может поручиться за будущее.

— А ведь когда у руля стоят люди, всегда что-то случается,— сказала Зилли.— Теперь, когда вы пришли к власти, вы вечно будете переходить от одного кризиса к другому. Власть! Именно она является вашей целью, не так ли? Вот где корень ошибок тагатлийцев: мы не раз могли остановить вас, но считали, что любые формы разумной жизни идут по одному и тому же пути.

Она замолчала, задыхаясь от недостатка воздуха. Моргу воспользовался этим:

— Но я же объяснил вам: ничего не меняется. Мы можем продолжать сотрудничество.

— Да,— тяжело уронила Зилли.— Мы будем сотрудничать до тех пор, пока тагатлийцы не исчезнут. Нас никогда не пугало то, что вы замените нас. В конечном счете это не имело значения. Но мы ошиблись, считая, будто вы удовлетворитесь, вытеснив нас. Ведь наша конечная цель — сбалансированное сообщество, экологическая пирамида. Для вас же все это лишь средство для достижения другой цели. Но какова она, ваша конечная цель? Этого я, видно, никогда не пойму.

Одно я знаю твердо: вы сейчас достигли вершины пирамиды и не успокойтесь, пока не разрушите ее до основания и не постройте на ее месте нечто более, а возможно, и менее соответствующее вашим вкусам. Нет, ваш народ никогда не повторит нашей ошибки. Вы никому не уступите дорогу, никому не позволите заменить себя — ни другой интеллектуально развитой расе, ни иной породе людей, могущей появиться среди вас же. Когда же придет ваш черед, а он неизбежно наступит, ибо ни один вид не является бессмертным, и вы наконец обнаружите, что среда обитания изменилась необратимо и даже вам к ней не приспособиться, тогда вы погибнете, погибнете бездарно, в грохоте и хаосе.

Атан Моргу с недоумением взгляделся в затаенные пленкой глаза Координатора. Тагатлийская философия всегда была для него загадкой. Надо, подумал он было, еще раз попытаться уговорить Зилли, но потом решил, что не стоит, пе-

редернул плечами и отвернулся: на нижнем этаже уже начался допрос, и там требовался его хозяйский пригляд.

На пороге открытой двери он остановился. Одна фраза Зилли застряла у него в памяти, хотя он и не мог точно сказать, почему.

— Только откуда это вы взяли,— окрысился он злобно,— что мы уже достигли вершины, черт поberi?!

Януш Зайдель
(Польша)

Псы Агенора

Башенка диспетчерской поднималась на тридцать метров над поверхностью земли. Отсюда сквозь бурые, давно не мытые стеклянные стены была хорошо видна окружающая равнина. Далеко, до самого горизонта, раскинулось пространство сухого песка, поросшее редкой травой и колючим кустарником. Даже теперь, в самый разгар дня, когда сухой воздух был абсолютно прозрачен, глаз не мог отыскать ничего, кроме жмущихся друг к другу кустов да сыпких холмиков серо-желтого песка.

Отсюда на север уходили три параллельные линии, сливающиеся в далекой перспективе и исчезающие на краю горизонта: серая лента потрескавшейся бетонки с наметенными местами слоем песка; рядом — железнодорожная линия, уже ржавая, заросшая хилой степной травой; между шоссе и железной дорогой — линия электропередачи, подвешенная на высоких бетонных опорах.

Шоссе упиралось в наглухо закрытые ворота возле пустой караульной с выбитыми стеклами. Тут, за оградой, все дворы и подъезды к платформам, что примыкали к постройкам, были выложены бетонными плитами.

Железнодорожный путь, тоже перерезанный закрытыми

© «Perspektywy», 1980.

воротами, расходился между постройками на несколько веток. Рыжий слой ржавчины говорил о том, что по этим рельсам уже давно не пускали ни одного вагона. За высокой оградой из сетки, увенчанной колючей проволокой, находились несколько строений и удаленные друг от друга металлические резервуары, которые были соединены сетью трубопроводов.

К югу огороженная территория заметно расширилась, образуя прямоугольник шириною в километр и длиною не менее полутора. Внутри зоны на расстоянии метров этак десяти от внешней сетки стояла вторая, замыкающая прямоугольный участок более вытянутой формы. Она отделяла внутренний прямоугольник от остальной территории. Там, за второй оградой, виднелись длинные ровные ряды бетонных плит, отделенные друг от друга промежутками в несколько метров. Все это напоминало какое-то чудовищное кладбище гигантов: многометровые надгробные плиты, уложенные вдоль аллеек...

Агенор* протер рукавом блузы грязное стекло северной стены. Некоторое время он всматривался из-под очков в ленту бетонки, будто ожидая увидеть какой-то транспорт. Раз в неделю, по средам, по северной дороге приезжал сюда из Мифы пикап с продовольствием. Водитель останавливался метров за двадцать от ворот, нетерпеливо сигналил, а потом вываливал на бетон несколько коробок с грузом и осторожно разворачивался на узкой дороге, следя, чтобы задние колеса не увязли в мелком песке обочины. Казалось, он хочет как можно скорее уехать отсюда, подгоняемый собачьим лаем, который сам спровоцировал звуком клаксона. Однако сразу он не отъезжал — притормаживал на некотором расстоянии от кучи коробок и, высунувшись из кабины, ждал. Когда из-за угла постройки показывалась маленькая сгорбленная фигура, он махал ей рукой. Идущий отвечал

* Агенор — в древнегреческой мифологии сын бога морей Посейдона, финикийский царь, отец похищенной Зевсом Европы. Послав всех своих сыновей на поиски Европы, Агенор остался дома в одиночестве, почему, видимо, автор и дал ему это имя.

жестом, который мог означать: «Все в порядке, отваливай отсюда». Вот тогда водитель нажимал на газ, и настроение его улучшалось с каждым километром пути.

Но сегодня была суббота, и со стороны города не следовало никого ожидать. Агенор оторвал взгляд от стеклянной стены, потер пальцами веки под очками, вынул трубку и через минуту старательно уже набивал ее, следя одновременно за индикаторами на пульте.

Он посмотрел вниз, в сторону зоны. Две серые пластмассовые бочки стояли на тележке транспортера прямо под направленным вниз хоботом дозатора. Агенор раскурил трубку, проверил показания измерительных приборов на пульте и потянул на себя рычаг. Он наблюдал, как густая коричневая масса медленно стекает в бочку, наполняя ее до краев. Тележка дрогнула, продвинулась, и через минуту вторая бочка тоже была полна. Потом транспортер подал их под автомат для запечатывания: на обе бочки были насажены крышки, и они отъехали в сторону складского двора. Подъемник снял их с тележки и с большой точностью установил среди множества других, сгруппированных в правильные квадраты по двадцать пять штук. Эти квадраты были отделены друг от друга узким пространством. Агенор потянулся за толстой книгой в потертой холщовой обложке. Он не спеша переворачивал страницы с обтрепанными и замызганными нижними уголками. Отыскал последнюю запись и в соответствующие графы внес следующие две позиции. Закрыв книгу, небрежно бросил ее на стол. Нажал на выключатель. Огоньки пульта погасли.

Он стоял еще минуту, попыхивая трубкой и глядя перед собой на шоссе, а потом не торопясь спустился по винтовой лестнице.

Проходя мимо барака, он заглянул в него. В угловом отсеке лежала Гамма. Она тяжело дышала. Когда Агенор присел возле нее на корточки, она с трудом подняла морду и вильнула в знак приветствия хвостом. Он погладил ее по спине, осмотрел раздувшееся брюхо. Рядом в боксе лежала Альфа с тремя недавно появившимися щенками. Она насто-

роженно следила за тем, как он брал их по очереди и рассматривал, но голоса не подала. Агенор погладил Альфу и вышел из барака. Солнце нещадно палило, и он почувствовал себя уставшим и сонным.

В комнате тоже было жарко, хотя работал вентилятор и окна были открыты. Агенор снял сапоги и куртку, вытер полотенцем лицо и шею и выпил бутылку кока-колы из холодильника. Потом отложил трубку и вытянулся на топчане. «Как давно это было! — мелькнуло у него в голове. — Сколько лет прошло, а кажется, что вчера...»

Когда он смотрел с башенки диспетчерской в направлении города, вдоль шоссе и железной дороги, воображение подсовывало ему хорошо сохранившиеся в памяти картины... Не было дня, чтобы оттуда не прибывал какой-либо транспорт. С эскортом полицейских на мотоциклах, как на параде... А иногда — специальные эшелоны, не длинные, но внушающие уважение: три-четыре пассажирских вагона, а между ними мощная восьмиосевая платформа с огромным контейнером. Вот это было зрелище! Все прерывали работу, покидали территорию. Только он, Агенор, с высоты диспетчерской башни руководил автоматической разгрузкой. Самоходные краны, мостовые краны, телевизионные камеры...

Теперь все было мертвым, покрытым ржавчиной и пылью. Если бы тогда кто-нибудь сказал Агенору, что он останется здесь один, а все уедут, он, вероятно, рассмеялся бы и постучал себя по лбу... Агенор пробудился от дремоты около четырех часов дня, когда солнце скрылось за крышу цеха переработки. Он поднялся и пошел к Гамме. Все было кончено. Сука лизала двух щенят. Они были мертвыми. Агенор внимательно присмотрелся. У одного из них было две головы.

— Начинается... — пробормотал он, забирая мертвых щенков.

Гамма скулила, и этот протяжный звук преследовал его даже за дверями барака. Он зашел на склад, выкатил новую пластмассовую бочку и бросил в нее щенячьи трупы. Потом откатил бочку в холодильник. Посмотрел на часы. Было

около пяти — время смены во внешнем кольце. Он вернулся к себе, взглянул на настенный график, из застекленного шкафчика вытащил четыре металлические капсулки и спрятал их в карман. Снял со стены хлыст, надел кожаные перчатки и направился в сторону барака. Вдоль стены, продырявленной понизу входными отверстиями, тянулась ограда из сетки. Короткие поперечные перегородки делили этот загон на несколько клетушек.

Собаки учуяли его издалека. Когда он шел спокойным, размеренным шагом вдоль ограды, его приветствовало умильное подвывание. Острые морды просовывались в ячейки сетки, полуопущенные хвосты ходили ходуном. Не глядя на них, он шел, выпрямившись, мерно постукивая концом хлыста о голенище. Вдруг он остановился, повернулся к сетке и открыл дверцу. Пять огромных немецких овчарок отступили к стене барака. Почти касаясь брюхом и мордой земли, а кончиками хвостов упираясь в стену, они замерли.

Какое-то время Агенор стоял молча.

— Титан! — позвал он резко.

Овчарка в одном прыжке припала к его ногам.

— Цирконий! Рутений! Тантал!

Они срывались по очереди. Едва уловимым движением он погладил каждую морду, замкнул дверцу и двинулся вперед. Они бежали за ним рядком, волчьей трусцой, с низко опущенными мордами.

Возле внутренней ограды он остановился и обернулся. Собаки присели на задках. Плотно прижавшись друг к другу, с задранными вверх носами, они смотрели умно и внимательно.

Он достал из кармана металлические капсулы и прицепил их по одной к ошейнику каждой овчарки.

— Служба во внешнем кольце! — скомандовал он, ударяя хлыстом о сапог.

Они ответили дружным лаем и разбежались вдоль внутренней ограды, по две в каждую сторону. На этот лай вдалеке отозвалось четыре других собачьих голоса, и через минуту прибежали те, что кончили нести свою службу. Тяжело

дыша, с вывалившимися языками, они уселись перед Агенором. Он коснулся каждой морды, одновременно всовывая в открытую пасть по куску солонины, а потом отцепил от ошейников металлические капсулы.

— Служба окончена. По будкам!

Собаки сорвались с радостью и, обгоняя Агенора, побежали к барaku. Там они терпеливо ждали, пока он не впустит их в клетки.

Возвращаясь вдоль барака, он задержался возле последнего загона. Две собаки лежали, закрыв глаза, тяжело дыша впавшими боками. Шерсть их была взъерошена, на мордах клочья вспененной слюны.

— Криптон,— мягко позвал Агенор.— Псиная!

Одна из овчарок подняла голову, но не смогла ее удержать.

— Ксенон!

Другая собака открыла глаза и подползла, тычась мордой в сетку. Агенор снял перчатку и потрогал нос животного. Он был сухим и горячим.

Какое-то время Агенор стоял, глядя на больных животных. Он знал, что не может помочь им, как не мог помочь тем, другим, до этого, как не может помочь и этим, оставшимся, еще здоровым, доверчиво смотрящим в глаза своему хозяину и опекуну.

Уже, наверное, в тысячный раз Агенор почувствовал отвращение к самому себе. Он открыл дверцу и вошел в загон. Вытащил из кармана плоскую коробочку, вынул две капсулки из красного желатина и поочередно впихнул их в судорожно стиснутые челюсти овчарок. И отвернулся, чтобы не смотреть в их мутные заслезившиеся глаза. Они проглотили их доверчиво, привыкнув к послушанию.

Он вышел из клетки не оборачиваясь. Сгорбившись, с опущенной головой направился к дому. «Через час нужно произвести смену во внутренней зоне»,— подумал он.

Это было самое отвратительное. Служба в кольце была ничто по сравнению со службой в зоне. Будь такое возможно, Агенор не высылал бы этих несчастных в зону. Но он понимал, что это необходимо.

Каждый раз утром и вечером, когда стрелка часов приближалась к шести и нужно было принять решение, Агенор чувствовал одно и то же. Он всегда старался поделить риск между всеми животными равномерно. Никто не был его любимчиком, никого из них он не щадил. Все были ему одинаково близки. Всех он воспитал с рождения, кормил, дрессировал, готовил к ответственной службе... А в конце концов посылал на медленную, но неизбежную смерть...

Чтобы хоть на минуту оттянуть момент принятия решения, он свернул и пошел напрямик через площадку, окруженную зданиями, в сторону кольца между оградами. Пройдя несколько десятков шагов вдоль внешней сетки, он заметил Циркония, бегущего навстречу. Собака узнала его издалека и, как бы желая подчеркнуть свою бдительность, доложила о себе у ног хозяина.

Когда ее похлопали по холке, она угодливо заскулила и затрусила вперед, исчезая среди травы, заполнившей пространство между оградами. Агенор шел дальше, пока не оказался там, где среди пожелтевшей травы серело несколько небольших прямоугольных бетонных плит.

Это было настоящее кладбище, хотя, может, и не такое обычное, как другие. Его предусмотрительно подготовили в тот самый момент, когда строили весь этот комплекс и то гигантское кладбище. Здесь лежали люди. Могилы были старые. Надписи, неглубоко выбитые в бетоне, стер за десятки лет песок, приносимый степным ветром. Агенор знал фамилии и обстоятельства смерти каждого из них. Этот, например, техник на Оврал-II, был вытасчен из водосборного колодца через неделю после того, как разорвался главный трубопровод... Тот, другой, оператор очистки первичной воды, погиб во время аварии ионитовой колонны в Абу-Тир...

Немного их тут лежит... Совсем мало для пятидесяти лет работы складского двора. Это были только те, чей прах нельзя было похоронить на обычном кладбище. Их привозили в свинцовых гробах, с эскортом, как и всю эту мерзость, покоящуюся теперь за второй оградой, в камерах под бетонными плитами. Люди из Мифы и ближайших городков рас-

сказывали небылицы о складе. Они боялись ходить в эту сторону, боялись даже разговаривать с работавшими здесь, относясь к ним, как древние египтяне к тем, кто занимался мумифицированием. А ведь они, Агенор и другие, работавшие здесь, были обычными людьми... хорошо зарабатывали, имели длинные отпуска, радовались здоровью.

Все кончилось тридцать лет назад. Потом, еще два года, склад работал на сниженных оборотах. Приходили эшелоны отходов после ликвидации последних объектов. Ядерная энергетика перестала существовать — новые методы получения энергии, не влекущие за собой такого риска, вытеснили ее...

Остался только Центральный складской двор, нафаршированный радиоактивными материалами с невыносимой активностью, которая постепенно угасала в могильниках. Пройдет четыреста, а может, пятьсот лет, прежде чем этот гигантский склад отходов перестанет быть смертельной угрозой...

Нужно признаться, что место было выбрано удачно. Сухая степь, далеко от густонаселенных пунктов... Однако в нынешние беспокойные времена нельзя оставлять нечто подобное на милость судьбы. Правду сказать, местное население все еще обходит стороной эту зараженную территорию, хотя на самом деле никому извне она угрожать не может, пока...

Вот именно что «пока». Достаточно, если какая-то фанатичная группа террористов подложит тут взрывчатку. Подуй только ветер, и стотысячная Мифа, отстоящая на пятнадцать километров, окажется перед лицом серьезной опасности. Содержать собак значительно дешевле, чем охрану. Впрочем, кто бы захотел за жалкие гроши работать на этом пустыре? А кроме того, к собаке не относятся инструкции по предохранению от радиации. Она может нести службу там, куда нельзя послать человека... Агенор начал разводить собак лет тридцать назад и благодаря этому получал животных в том количестве, какое было необходимо. Ежегодно рождалось несколько десятков щенков и

столько же взрослых собак в возрасте, не превышающем двух-трех лет, погибало от излучения.

Возвращаясь с кладбища, Агенор прошел вдоль бетонной плиты, где стояли наполненные бочки. Он пересчитал квадраты. Двадцать четыре полных и один начатый. «Шестьсот девять за двадцать восемь лет... — посчитал он в уме, — без малого двадцать восемь».

Он сам не мог бы объяснить, почему так поступает. Почему помещает собачью падаль в бочки с искусственной смолой. Животные не были радиоактивными. Они только получили смертельную дозу излучения от отходов, герметически защищенных и упрятанных в подземные камеры. Просто ему доставляло необъяснимое удовольствие приводить в движение уже ненужные автоматы для работы с отходами. Он обслуживал их в молодости. Кроме того, это был самый простой способ защитить мертвых животных от разложения в лучах степного солнца — ведь на складе было много пустых бочек и тонны искусственной смолы...

А может, он не умел расстаться с этими беднягами после их смерти...

Сегодня случилось то, чего он давно ожидал: генетические последствия облучения многих собачьих поколений дали о себе знать. Мертвый помет, анатомические нарушения... Что будет дальше? Как долго это может продолжаться?

— Не будет больше потомства. С этим нужно покончить, Агенор, — пробормотал он про себя. — Нельзя вечно продуцировать дохлых собак для бочек с искусственной смолой...

Агенор знал: назад пути нет. Было, увы, слишком поздно. Он сам был уже лишь отходом человечества. Когда-то, не найдя понимания среди людей, он остался с этими животными. И был их хозяином, опекуном и богом смерти.

Под хоботом дозатора стояли три бочки. Агенор записывал в книге очередные позиции: «698. Уран; 699. Нептуний; 700 ...» Он задумался на минуту, сжимая беззубым ртом конец авторучки. Потом хитро улыбнулся и дописал: «Плутоний».

Он включил реле времени и не спеша спустился вниз. Подошел к тележке, с трудом взобрался на платформу и посмотрел на часы. Затем вынул из кармана красную капсулку, положил ее в рот и втиснулся в третью бочку...

...Автоматическая рука подавателя старательно установила последнюю бочку, дополнив двадцать восьмой квадрат.

Луис Бритто Гарсиа
(Венесуэла)

Монополия мод

А сейчас сядь и отдохни. Через секунду войдет продавец и объяснит тебе: твой телевизор вышел из моды и ты обязательно должен купить аппарат новой модели. За несколько минут ты договоришься с ним о кредите, добьешься, чтобы твой старый телевизор приняли в счет десяти процентов стоимости нового, и скажешь себе: в самом деле, попользовался утро — и хватит. Включив новый телевизор, ты обнаружишь, что моды полудня уже уступили место модам двух часов дня, и если ты выйдешь на улицу в одном из своих старых, моды часа двадцати пяти минут пополудни галстуков, тебя встретит град оскорблений. Чтобы этого избежать, но все-таки договориться о новом кредите, ты вынужден будешь позвонить в магазин и попытаешься в качестве гарантии платежеспособности предложить свою машину. Компьютер магазина установит, что машина твоя вчерашней модели и потому в качестве гарантии не годится. Тогда тебе останется только позвонить директору магазина и узнать о новых, сегодняшнего утра моделях. Директор спросит тебя, почему ты звонишь, пользуясь устаревшим телефонным аппаратом, и ты ответишь ему: да, это так, но ведь ты уже полчаса как не имеешь возможности выйти на улицу и потому не можешь сменить мебель. Тебе только и останется, что позвонить в Департамент Кредита, который

согласится принять вышедшую из моды мебель в счет одного процента стоимости новой, при условии, что ты письменно обязуешься взять на таких же условиях в два часа пополудни новую мебель на выбор: моделей десяти часов, одиннадцати, двенадцати, часа, двух часов или половины четвертого — мебель этого часа самая модная из всех и потому вдвое дороже любого другого гарнитура, хотя вполне стоит затраченных на нее денег. Ты быстро соображаешь, что успеешь позвонить и добиться, чтобы пришли и заменили холодильник и морозильник, но проклятый устарелый телефон не работает, и квартира с каждой минутой становится все негостеприимней и сумрачней. Ты понимаешь наконец: происходит это из-за неудержимой смены стилей, и постепенно паника берет над тобою верх, и что толку, когда в лихорадочной спешке ты срываешь с себя старый галстук и сжигаешь старые, вчерашние, одежду, и мебель и другие уже устаревшие вещи, купленные сегодня час назад, но даже пепел источает их непоправимую устарелость, источает ужас, от которого ты спасешься, только когда в четыре часа дня вернутся домой твои жена и дети, нагруженные новой одеждой и новыми игрушками, а за ними следом новый автомобиль, новый телефонный аппарат, новая мебель, новый телевизор, новый кухонный гарнитур, гарантии на все действительно до пяти часов дня, и новый инспектор со слезящимися глазами, который, проскользнув к тебе в квартиру, разрывает твою кредитную карточку и сообщает, что ты задолжал свое жалованье за сто лет вперед и отправишься сейчас на бессрочные принудительные работы в подземелья Монополии Мод.

Реклама

Итак, однажды вечером ты приходишь домой, включаешь телевизор, и диктор с экрана объявляет, что владельцы телевидения решили отменить отныне все программы и передавать вместо них исключительно рекламу.

Итак, ты выходишь из оцепенения, берешь газету и обнаруживаешь передовицу, где сообщается, что владельцы газеты решили убрать из нее все статьи, заметки и комиксы и заменить их одной рекламой. Перед тем как бросить газету в мусор, ты заглядываешь в анонсы театров и кино и обнаруживаешь, что владельцы тех и других решили заменить фильмы и спектакли рекламой.

Итак, спасаясь от выхолощенной газеты и угрожающе пустого экрана, ты выходишь на улицу и обнаруживаешь, что во всем городе стены, двери, бульвары, крыши, скамейки, столбы, улицы, дома, грузовики, магазины, люди скрыты под рекламой.

Итак, тем пространством, в котором раньше ты видел деревья, моря, горы, облака, лица женщин, отражение своих зубов в зеркале, свой разинутый в одышке рот, воспользовались огромные проекторы и заполнили все, от начала до конца, рекламой.

Итак, ты закрываешь глаза и обнаруживаешь, что и в это доселе неприкосновенное убежище, огражденное стеной мрака, проникают сквозь веки лучи проекторов, направленных на сетчатку твоих глаз, и эти проекторы заменяют перепутанные образы твоей фантазии рекламой.

Итак, ты вслушиваешься и обнаруживаешь, что шум дождя, голоса детей, шуршанье термитов, звуки клавикордов, грохот волн, вязь ругательств, стук сердца заменены рекламой.

Итак, ты затыкаешь уши и обнаруживаешь, что это неизвестно откуда пришедшее молчание, в котором слились воедино рокот неведомых морей и гул мистических раковин, взяли штурмом излучатели ультразвуковых волн и непрерывно населяют его рекламой.

Итак, ты ищешь способ отключить сознание и обнаруживаешь, что твое подсознание заменено при помощи сублиминальных методов рекламой. Итак, ты начинаешь прикасаться к предметам и обнаруживаешь, что их уже не существует, а существует только реклама. Итак, ты делаешь попыт-

ку бежать в воспоминания и обнаруживаешь, что рекламоде-тали вторглись также и в прошлое и наводнили все его закоулки рекламой.

Итак, ты бросаешься в пустоту и падаешь сквозь поче-му-то вязкий воздух, и когда тебе кажется, еще миг, и ты разобьешься об огромное рекламное объявление, ты обна-руживаешь, что речь в этом объявлении идет о новейших погребальных урнах с телеэкранами и громкоговорителями, эти урны переходят последнюю черту и отдают час твоей смерти и безмерность небытия во власть рекламы.

Роберт Шекли
(США)

Доктор Вампир и его мохнатые друзья

Думается, здесь я в безопасности. Живу теперь в неболь-шой квартире северо-восточнее Сокало, в одном из самых старых кварталов Мехико-сити. Как всякого иностранца, меня вначале поразило, до чего страна эта на первый взгляд напоминает Испанию, а на самом деле совсем другая. В Мадриде улицы — лабиринт, который затягивает тебя все глубже, к потаенной сердцевине, тщательно оберегающей свои скучные секреты. Привычка скрывать обыденное, несо-мненно, унаследована от мавров. А вот улицы Мехико — это лабиринт наизнанку, они ведут вовне, к горам, на простор, к откровениям, которые, однако же, навсегда остаются не-уловимыми. Мехико словно бы ничего не скрывает, но все в нем непостижимо. Так повелось у индейцев в прошлом, так остается и ныне, самозащита их — в кажущейся откры-тости; так защищена прозрачностью актиния, морской ане-мон.

На мой взгляд, это способ очень тонкий, он применим везде и всюду. Я перенимаю мудрость, рожденную в Те-

ночититлане* или Тласкале**; я ничего не прячу и таким образом ухитряюсь все утаить.

Как часто я завидовал воришке, которому только и надо прятать украденные крохи! Иные из нас не столь удачливы, наши секреты не засунешь ни в карман, ни в чулан; их не уместишь даже в гостиной и не закопаешь на задворках. Жилю де Ресу***понадобилось собственное тайное кладбище чуть поменьше Пер-Лашез****. Мои потребности скромнее; впрочем, не намного.

Я человек не слишком общительный. Моя мечта — домик где-нибудь в глуши, на голых склонах Ихтаксихуатля, где на многие мили кругом не сыщешь людского жилья. Но поселиться в таком месте было бы чистейшим безумием. Полиция рассуждает просто: раз ты держишься особняком, значит, тебе есть что скрывать; вывод далеко не новый, но почти безошибочный. Ох уж эта мексиканская полиция, как она учтива и как безжалостна! Как недоверчиво смотрит на всякого иностранца и как при этом права! Она бы тут же нашла предлог обыскать мое уединенное жилище, и, конечно, истина сразу вышла бы наружу... Было бы о чем три дня трубить газетам.

Всего этого я избежал, по крайней мере на время, выбрав для себя мое теперешнее жилище. Даже Гарсия, самый рьяный полицейский во всей округе, не в силах себе представить, что я проделываю в этой тесной, доступной всем взорам квартирке. ТАЙНЫЕ НЕЧЕСТИВЫЕ, ЧУДОВИЩНЫЕ ОПЫТЫ. Так гласит молва.

* Теночтитлан — столица государства ацтеков, находилась на месте современного города Мехико; разрушена испанцами в 1521 г.

** Тласкала (XIV — нач. XVI в.) — государство на территории современной Мексики; вело постоянные войны с ацтеками.

*** Жиль де Рес (1404—1440) — маршал Франции, воевал с вторгшимися в страну англичанами; удалившись от дел, содержал в своем замке близ Нанта роскошный двор, расстроив свое состояние, занялся алхимией и магией. Был обвинен в убийстве детей, ставших жертвами его «опытов», и казнен.

**** Пер-Лашез — знаменитое парижское кладбище.

Входная дверь у меня обычно приотворена. Когда лавочники доставляют мне провизию, я предлагаю им войти. Они никогда не пользуются приглашением, скромность и ненавязчивость у них в крови. Но на всякий случай я всегда их приглашаю.

У меня три комнаты, небольшая анфилада. Вход через кухню. За нею кабинет, дальше спальня. Ни в одной комнате я не затворяю плотно дверь. Быть может, стараясь всем доказать, как открыто я живу, я немного пересаливаю. Ведь если кто-нибудь пройдет до самой спальни, распахнет дверь настежь и заглянет внутрь, мне, наверное, придется покончить с собой.

Пока еще никто из моих посетителей не заглядывал дальше кухни. Должно быть, они меня боятся.

А почему бы и нет? Я и сам себя боюсь.

Моя работа навязывает мне очень неудобный образ жизни. Завтракать, обедать и ужинать приходится дома. Стряпаю я прескверно, в самом дрянном ресторанчике по соседству кормят лучше. Даже всякая пережаренная дрянь, которой торгуют на улицах с лотков, и та вкуснее несъедобной бурды, какую я себе готовлю.

И что еще хуже, приходится изобретать нелепейшие объяснения: почему я всегда ем дома? Доктор запретил мне все острое, говорю я соседям, мне нельзя никаких пряностей и приправ — ни перца, ни томатного соуса, ни даже соли... Отчего так? Всему виной редкостная болезнь печени. Где я ее подхватил? Да вот много лет назад в Джакарте поел несвежего мяса...

Вам покажется, что наговорить такое нетрудно. А мне не так-то легко упомянуть все подробности. Всякий враль вынужден строить свою жизнь по законам ненавистного, противоестественного постоянства. Играешь свою роль, и она становится твоим мученьем и карой.

Соседи с легкостью приняли мои корявые объяснения. Тут есть некоторая несообразность? Что ж, в жизни всегда так бывает, полагают они, считая себя непогрешимыми

судьями и знатоками истины; а на самом деле они судят обо всем, основываясь только на правдоподобии.

И все же соседи поневоле чувят во мне чудовище. Эдуардо, мясник, однажды сказал:

— А знаете, доктор, вампирам ведь нельзя соленого. Может, вы тоже вампир, а?

Откуда он узнал про вампиров? Вероятно, из кино или комиксов. Я не раз видел, когда я прохожу мимо, старухи делают магические знаки: спешат оберечь себя от дурного глаза; я слышал, как детишки шепчут за моей спиной: «Доктор Вампир, доктор Вампир...»

Старухи и дети! Вот хранители скудной мудрости, которой обладает этот народ. Да и мясникам тоже кое-что известно.

Я не доктор и не вампир. И все же старухи и дети совершенно правы, что меня остерегаются. По счастью, их никто не слушает.

Итак, я по-прежнему питаюсь у себя в кухне — покупаю молодого барашка, козленка, поросенка, крольчатину, говядину, телятину, кур, изредка дичь. Это единственный способ заполучить в дом достаточно мяса, чтобы накормить моих зверей.

В последнее время еще один человек начал смотреть на меня с подозрением. К несчастью, это не кто иной, как Диего Хуан Гарсия, полицейский.

Гарсия коренаст, широколиц, осторожен, это примерный служака. Здесь, в Сокало, он слывет неподкупным — своего рода Катон из племени ацтеков, разве что не столь крутого нрава. Если верить торговке овощами, а она, кажется, в меня влюблена, Гарсия полагает, что я, по всей вероятности, немец, военный преступник, ускользнувший от суда.

Поразительный домысел, по существу, это неверно, и, однако, чутье Гарсию не обманывает. А он убежден, что попал в самую точку. Он бы уже принял меры, если бы не заступничество моих соседей. Сапожник, мясник, мальчишка — чистильщик обуви и особенно торговка овощами — все за

меня горой. Всем им присущ обывательский здравый смысл, и они верят, что я таков, каким они меня представляют. Они поддразнивают Гарсию:

— Да неужто ты не видишь, этот иностранец тихий, добродушный, просто ученый чудак, никакого вреда от него нет.

Нелепость в том, что и это, по существу, неверно, однако чутье их не обманывает.

Бесценные мои соседи величают меня доктором, а иногда и профессором. Столь почетными званиями меня наградили так, словно это само собой разумелось, как бы за мой внешний облик. Никаких таких титулов я не добивался, но и отвергать их не стал. «Сеньор доктор» — это тоже маска, которой можно прикрыться.

А почему бы им и не принимать меня за ученого? У меня непомерно высокий залысый лоб, а щетина волос на висках и на темени изрядно тронута сединой, и суровое квадратное лицо изрезано морщинами. Да еще по выговору сразу слышно, что я из Европы и так старательно строю фразу по-испански... И очки у меня в золотой оправе! Кто же я, если не ученый, и откуда, если не из Германии? Такое звание обязывает к определенному роду занятий, и я выдаю себя за профессора университета. Мне, мол, предоставлен длительный отпуск, ибо я пишу книгу о тольтеках — собираюсь доказать, что культура этого загадочного племени родственна культуре инков.

— Да, господа, полагаю, что книга моя вызовет переполох в Бонне и Гейдельберге. Поколеблены будут кое-какие признанные авторитеты. Кое-кто наверняка попытается объявить меня фантазером и маньяком. Видите ли, моя теория чревата переворотом в науке о доколумбовой Америке.

Вот такой личностью я задумал изобразить себя еще до того, как отправился в Мексику. Я читал Стефенса*, Пре-

* Стефенс Джон Ллойд (1805—1852) — американский путешественник и археолог; путевые дневники его фактически положили начало изучению цивилизации майя.

скотта*, Вайяна**, Альфонсо Касо***. Я даже не поленился переписать первую треть диссертации Дрейера о взаимопроникновении культур — он пытался доказать, что культуры майя и тольтеков взаимосвязаны, оппоненты разнесли его в пух и прах. Итак, на стол мой легло около восьмидесяти рукописных страниц, я вполне мог их выдать за собственный труд. Эта незаконченная рукопись оправдывает мое пребывание в Мексике. Всякий может поглядеть на полные премудрости страницы, раскиданные по столу, и воочию убедиться, что я за человек.

Мне казалось, этого хватит; но я упустил из виду, что разыгрываемая мною роль не может не воздействовать на окружающих. Сеньор Ортега, бакалейщик, тоже интересуется доколумбовой историей и, на мою беду, обладает довольно широкими познаниями по этой части. Сеньор Андраде, парикмахер, как выяснилось, родом из небольшого городка всего в пяти милях от развалин Теотиуакана****. А малыш Хорхе Сильверио, чистильщик обуви (его мать служит в закусочной), мечтает поступить в какой-нибудь знаменитый университет и смиренно спрашивает, не могу ли я замолвить за него словечко в Бонне...

Я — жертва надежд и ожиданий моих соседей. Я сделался профессором не на свой, а на их образец. По их милости я долгими часами торчу в Национальном музее антропологии, убиваю целые дни, осматривая Теотиуакан, Тулу*****, Шочикалько*****. Соседи вынуждают меня без устали трудиться над научными изысканиями. И я в самом деле станов-

* Прескотт Уильям Хиклинг (1796—1859) — американский историк и литературовед, автор книг по истории завоевания испанцами Мексики и Перу.

** Вайян Дж. К.— американский историк, автор книги «История ацтеков».

*** Касо Альфонсо — мексиканский археолог, известен исследованиями древних памятников в Монте-Альбано.

**** Теотиуакан — город, в I тысячелетии н. э. центр одной из важнейших доколумбовых цивилизаций на территории Центральной Мексики.

***** Тула — город, отождествляемый с древним Толланом, столицей государства тольтеков в IX—XII вв.

***** Шочикалько — город, центр древней культуры индейцев на территории мексиканского штата Морелос (конец VIII — конец IX в.); вероятно, сыграл определенную роль в формировании культуры тольтеков.

люсь тем, кем прикидывался,— ученым мужем, обладателем необъятных познаний и в придачу помешанным.

Я проникся этой ролью, она неотделима от меня, она меня преобразила; я уже и вправду верю, что между инками и тольтеками могла существовать связь, у меня есть неопровержимые доказательства, я всерьез подумываю предать гласности свои находки и открытия...

Все это довольно утомительно и совсем некстати.

В прошлом месяце я изрядно перепугался. Сеньора Эльвира Масиас, у которой я снимаю квартиру, остановила меня на улице и потребовала, чтобы я выбросил свою собаку.

— Но у меня нет никакой собаки, сеньора!

— Прошу прощения, сеньор, но у вас есть собака. Вчера вечером она скулила и скреблась в дверь, я сама слышала. А мой покойный муж собак в доме не терпел, такие у него были правила, и я их всегда соблюдаю.

— Дорогая сеньора, вы ошибаетесь. Уверю вас...

И тут, откуда ни возьмись, Гарсия, неотвратимый, как сама смерть, в наглаженной форме хаки; подкатил, пыхтя, на велосипеде и прислушивается к нашему разговору.

— Что-то скреблось, сеньора? Термиты или тараканы?

Она покачала головой:

— Совсем не такой звук.

— Значит, крысы. К сожалению, должен вам сказать, в вашем доме полно крыс.

— Я прекрасно знаю, как скребутся крысы,— с глубокой, непобедимой убежденностью возразила сеньора Эльвира.— А это было совсем другое, так только собака скребется, и слышно было, что это у вас в комнатах. Я уже вам сказала, у меня правило строгое — никаких животных в доме держать не разрешается.

Гарсия не сводил с меня глаз, и во взгляде этом я видел отражение всех моих злодеяний в Дахау, Берген-Бельзене и Терезиенштадте. И очень хотелось сказать ему, что он ошибается, что я не палач, а жертва и годы войны провел за колючей проволокой в концлагере на Яве.

Но я понимал: все это не в счет. Мои преступления против человечества отнюдь не выдумка, просто Гарсия учуял не те ужасы, что свершились год назад, а те, что свершатся через год.

Быть может, в ту минуту я бы во всем признался, не обернись сеньора Эльвира к Гарсии со словами:

— Ну, что будете делать? Он держит в квартире собаку, а может, и двух, бог знает, какую еще тварь он у себя держит. Что будете делать?

Гарсия молчал, его неподвижное лицо напоминало каменную маску Тлалока* в Чолулском музее**. А я вновь прибегнул к обычному способу прозрачной самозащиты, который до сих пор помогал мне хранить мои секреты. Скрипнул зубами, раздул ноздри, словом, постарался изобразить «свирепого испанца».

— Собаки?!— заорал я.— Сейчас я вам покажу собак! Идите обыщите мои комнаты! Плачу по сотне песо за каждую собаку, которую вы у меня найдете! За каждого породистого пса — по двести! Идите и вы, Гарсия, зовите друзей и знакомых! Может, я у себя и лошадь держу, а? Может, еще и свинью? Зовите свидетелей, зовите газетчиков, репортеров, пускай в точности опишут мой зверинец!

— Зря вы кипятитесь,— равнодушно сказал Гарсия.

— Вот избавимся от собак, тогда не стану кипятиться!— горланил я.— Идемте, сеньора, войдите ко мне в комнаты, загляните под кровать, может, там сидит то, что вам прирешилось. А когда наглядитесь, будьте любезны вернуть мне, что останется от платы за месяц, и задаток тоже, и я перееду со своими невидимыми собаками на другую квартиру.

Гарсия как-то странно на меня посмотрел. Должно быть, на своем веку он видел немало крикунов. Говорят, вот так лезут на рожон преступники определенного склада.

* Тлалок — бог дождя в мифологии ацтеков, управлял также произрастанием растений.

** Чолула — крупный центр доиспанской культуры народов древней Мексики; к приходу испанцев — большой процветающий город, платил дань ацтекам, сохраняя известную автономию. В 1519 г. Кортес перебил несколько тысяч жителей города и разрушил главный его храм.

— Что ж, пойдём поглядим,— сказал он сеньоре Эльвире.

И тут, к моему изумлению,— не ослышался ли я?— она заявила:

— Ну уж нет! Благородному человеку я верю на слово. Повернулась и пошла прочь.

Я хотел было для полноты картины сказать Гарсии — может, он еще сомневается, так пускай пойдет и сам осмотрит мою квартиру. По счастью, я вовремя прикусил язык. Гарсии нет дела до приличий. Он бы не побоялся остаться в дураках.

— Устал,— сказал я.— Пойду прилягу.

Тем и кончилось.

На этот раз я запер входную дверь. Оказалось, все висело на волоске. Пока мы препирались, несчастная зверюга перегрызла ремень, который удерживал ее на привязи, вылезла в кухню и здесь на полу издохла.

От трупа я избавился обычным способом — скормил остальным. И после этого удвоил предосторожности. Купил радиоприемник, чтобы заглушать голоса моих зверей, как ни мало от них было шуму. Подстелил под клетки толстые циновки. А запахи отбивал крепким табаком — ведь курить ладаном было бы слишком дерзко и пошло. А какая странная насмешка — заподозрить, что я держу собак! Собаки — мои злейшие враги. Они-то знают, что у меня творится. Они издавна верные союзники людей. Они предатели животного мира, как я — предатель человечества. Умей собаки говорить, они немедля бросились бы в полицию и разоблачили меня.

Когда битва с человечеством наконец разразится, собакам придется разделить судьбу своих господ — выстоять или пасть вместе с ними.

Проблеск боязливой надежды: детеныши последнего помета обещают многое. Из двенадцати выжили четверо — и растут гладкие, сильные, смысленные. Но вот свирепости им не хватает. Видно, как раз это им с генами по наследству не передалось. Кажется, они даже привязались ко мне — как собаки! Но, конечно, в следующих поколениях можно будет постепенно исправить дело.

Человечество хранит в памяти зловещие предания о помесях, созданных скрещиванием различных видов. Таковы, среди прочих, химера, грифон и сфинкс. Мне кажется, эти устрашающие видения античного мира — своеобразное воспоминание о будущем, так Гарсия предошущает еще не содеянные мною преступления.

Плиний и Диодор повествуют о чудовищных полуверблюдах-полустраусах, полулъвах-полуорлах, о созданиях, рожденных лошадей от дракона или тигра. Что подумали бы эти древние летописцы про помесь росомахи с крысой? Что подумает о таком чуде современный биолог?

Нынешние ученые нипочем не признают, что такая помесь возможна, даже когда мои геральдические звери станут кишмя кишеть в городах и селах. Ни один здравомыслящий человек не поверит, что существует тварь величиной с волка, свирепая и коварная, как росомаха, и притом такая же общественная, легко осваивающаяся в любых условиях и плодовитая, как крыса. Завзятый рационалист будет отрицать столь невероятный вымысел даже в ту минуту, когда зверь вцепится ему в глотку.

И он будет почти прав. Такой продукт скрещивания всегда был явно невозможен... до тех самых пор, пока в прошлом году я его не получил.

Скрытность, вызванная необходимостью, иногда перерождается в привычку. Вот и в этом дневнике, где я намеревался сказать все до конца, я до сих пор не объяснил, чего ради надумал выводить чудовищ и к чему их готовлю.

Они возьмутся за работу примерно через три месяца, в начале июля. К тому времени здешние жители заметят, что в трущобах по окраинам Сокало появилось множество неизвестных животных. Внешность их будут описывать туманно и неточно, но станут дружно уверять, что твари эти — крупные, свирепые и неуловимые. Новость доведут до сведения властей, промелькнут сообщения в газетах. Поначалу разбой припишут волкам или одичавшим псам, хотя незванные гости с виду на собак ничуть не похожи.

Попробуют истребить их обычными способами — но безуспешно. Загадочные твари рассеются по всей столице, проникнут в богатые пригороды — в Педрегал и Койсокан. К тому времени станет известно, что они, как и люди, всеядны. И уже возникнет подозрение (вполне справедливое), что размножаются они с необычайной быстротой.

Вероятно, только позже оценят, насколько они разумны.

На борьбу с нашествием будут направлены воинские части — но тщетно. Над полями и селениями загудят самолеты; но что им бомбить? Эти твари не мишень для обычного оружия, они не ходят стаями. Они прячутся по углам, под диванами, в чуланах, они все время тут, подле вас, но ускользают от взгляда... Пустить в ход отраву? Но они жрут то, что едите вы сами, а не то, что вы им подсовываете.

И вот настает август, и люди уже совсем бессильны повлиять на ход событий. Мехико занят войсками, но это одна видимость: орды зверей захлестнули Толуку, Икстапан, Тепальсинго, Куэрнаваку, и, как сообщают, их уже видели в Сан-Луис Потоси, в Оахаке и Вера-Крус.

Совещаются ученые; предложены чрезвычайные меры, в Мексику съезжаются специалисты со всего света. Зверье не созывает совещаний и не публикует манифестов. Оно попросту плодится и множится, оно уже распространилось к северу до самого Дуранго и к югу вплоть до Вильяэрмосы.

Соединенные Штаты закрывают свои границы — еще один символический жест. Звери достигают Пьедрас Неграс, не спросившись переходят Игл Пасс; без разрешения появляются в Эль Пасо, Ларедо, Браунзвиле. Как смерч, проносятся по равнинам и пустыням, как прибой, захлестывают города. Это пришли мохнатые друзья доктора Вампира, и они уже не уйдут.

И, наконец, человечество понимает: задача не в том, чтобы уничтожить загадочное зверье. Нет, задача — не дать зверью уничтожить человека.

Я нимало не сомневаюсь: это возможно. Но тут потребуются объединенные усилия и изобретательность всего человечества.

Вот чего хочу я достичь, выводя породу чудовищ.

Видите ли, надо что-то делать. Я задумал своих зверей как противовес, как силу, способную сдерживать неуправляемую машину — человечество, которое, обезумев, губит и себя, и всю нашу планету. В конце концов, какое у человека право истреблять негодные ему виды жизни? Неужели все живое на Земле должно либо служить его так плохо продуманным планам, либо сгинуть? Разве каждый вид, каждая форма жизни не имеет права на существование — права бесспорного и неопровержимого?

Хоть я и решился на самые крайние меры, они небесполезны для рода людского. Никого больше не будут тревожить водородная бомба, бактериологическая война, гибель лесов, загрязнение водоемов и атмосферы, парниковый эффект и прочее. В одно прекрасное утро все эти страхи покажутся далеким прошлым. Человек вновь будет зависеть от природы. Он останется единственным в своем роде разумным существом, хищником; но отныне он вновь будет подвластен сдерживающим, ограничивающим силам, которых так долго избегал.

Он сохранит ту свободу, которую ценит превыше всего, — он все еще волен будет убивать; он только потеряет возможность истреблять дотла.

Пневмония — великий мастер сокрушать надежды. Она убила моих зверей. Вчера последний поднял голову и поглядел на меня. Большие светлые глаза его потускнели. Он поднял лапу, выпустил когти и легонько царапнул мою руку.

И я не удержался от слез, потому что понял: несчастная тварь старалась доставить мне удовольствие, она знала, как жаждал я сделать ее свирепой, беспощадной — бичом рода людского.

Усилие оказалось непомерным. Великолепные глаза закрылись. Зверь чуть заметно содрогнулся и испустил дух.

Конечно, пневмонией можно объяснить не все. Помимо того, просто не хватило воли к жизни. С тех пор, как Землею завладел человек, все другие виды утратили жизнестойкость.

Порабощенные еноты еще резвятся в поредевших Адирондакских лесах, и порабощенные львы обнюхивают жестянки из-под пива в Крюгер-парке. Они, как и все остальные, существуют только потому, что мы их терпим, ютятся в наших владениях, словно временные поселенцы. И они это знают.

Вот почему трудно найти в животном мире жизнелюбие, стойкость и силу духа. Сила духа — достояние победителей.

Со смертью последнего зверя пришел конец и мне. Я слишком устал, слишком подавлен, чтобы начать сызнова. Мне горько, что я подвел человечество. Горько, что подвел львов, страусов, тигров, китов и всех, кому грозит вымирание и гибель. Но еще горше, что я подвел воробьев, ворон, крыс, гиен — всю эту нечисть, отребье, которое только для того и существует, чтобы человек его уничтожил. Самое искреннее мое сочувствие всегда было на стороне изгнанников, на стороне отверженных, заброшенных, никчемных — я и сам из их числа.

Разве оттого только, что они не служат человеку, они — нечисть и отребье? Да разве не все формы жизни имеют право на существование — право полное и неограниченное? Неужели всякая земная тварь обязана служить одному-единственному виду, иначе ее сотрут с лица Земли?

Должно быть, найдется еще человек, который думает и чувствует, как я. Прошу его: пусть продолжает борьбу, которую начал я, единоличную войну против наших сородичей, пусть сражается с ними, как сражался бы с бушующим пламенем пожара.

Страницы эти написаны для моего предполагаемого приемника.

Что до меня, недавно Гарсия и еще какой-то чин явились ко мне на квартиру для «обычного» санитарного осмотра. И обнаружили трупы нескольких выведенных мною тварей, которые я еще не успел уничтожить. Меня арестовали, обвинили в жестоком обращении с животными и в том, что я устроил у себя на дому бойню без соответствующего разрешения.

Я собираюсь признать себя виновным по всем пунктам. Обвинения эти ложны, но — согласен — по сути своей они безусловно справедливы.

Хуан Луис Эрреро
(Куба)

О, не гладь меня, венерианин!

И все из-за этой проклятой игры в кости! Семь против одного. А ставка — моя жизнь...

— До чего же я ненавижу их!— сказал я Роберто.

— Почему?

— Потому что из-за них мы торчим здесь.

— Не из-за них, а из-за правительства, которое нас сюда послало.

— Да ведь если бы их тут не оказалось, мы бы уже возвращались домой, понимаешь? Домой! А ну убери эту мерзость!

Ракк неохотно отвел от моего скафандра щупальце и больше уже не пытался до меня дотронуться.

— Они хорошие — видишь, ведь он хотел тебя погладить.

— Они отвратительные безмозглые осьминоги,— сказал я, пропуская ток через поверхность моего скафандра, чтобы очистить его от любых следов, какие могли оставить на нем щупальца венерианина.

— Безмозглые? Ты, очевидно, хотел сказать безобидные,— возразил Роберто,— ведь разум у них есть, и, кроме того, они очень ласковые. Ты только подумай: вдруг они, почти неуязвимые для наших солнечных пистолетов, оказались бы агрессивными?

— Но полного заряда хватит, чтобы прихлопнуть любого из них.

— А потом? Да пока мы перезаряжали бы пистолет на этой планете, они просто разорвали б нас в клочья своими щупальцами!

— Ты все еще боишься их?

— Да нет, конечно. Хотя мы знаем об этих существах очень мало, но можем быть спокойны: они на нас не нападут. И все равно, Карлос, будь осторожен — если они настроятся против нас, нам конец.

— Еще чего! — ответил я, наблюдая, как Ракк, чтобы привлечь наше внимание, подскакивает на месте.

Ракк был такой же, как и все венериане, — омерзительный. Он таскался за мной хвостом, надеясь, что я найду для него дело. Помню, однажды заставил я его носить камни целые сутки. А он даже не устал. Охотно и с удовольствием выполнял любое мое поручение. Нет, неправ Роберто, утверждая, будто они разумные. Разве разумное существо стало бы, как эти, выполнять каждое свое обещание? Правда, они выучили с грехом пополам наш язык, подражая моему голосу и голосу Роберто. Черт побери! Ракк выбрал мой голос, и описать невозможно, до чего мой собственный голос раздражал меня, когда им говорила похожая на осьминога венерианская тварь.

Я уже давно дожидался корабля со сменой. Главное — потому, что нам должны были привезти нейтронное оружие: будет оно у нас — венерианам придется туго. Но корабля нет и нет. А Роберто все допытывался: почему, видите ли, мне так хочется получить смертоносное оружие, когда защищаться от этих существ нет никакой необходимости? Они, мол, внутренне не способны на нас напасть.

В тот вечер, как и всю неделю до этого, Ракк выполнял очередную бессмысленную работу: перетаскивал кварцевые глыбы общим весом килограммов в пятьсот оттуда, куда отнес их по моему приказанию накануне, в другое место. А я тем временем прикидывал, куда бы заставить его оттащить их завтра — чтобы было потруднее. Черт возьми, Ракк гладил ласково даже эти проклятые камни. Две недели таскал глыбы с места на место и в них влюбился! Ну, что поделаешь с этой проклятой тварью? Стряхнет с себя зеленую сернистую пену, она заменяет им пот, глянет так нежно своими круглыми синими глазами и пробует украдкой меня

погладить! Мочи моей больше не было, я выхватил пистолет и навел на мерзкую круглую голову.

— Что ты делаешь? Ты с ума сошел!— заорал Роберто и оттолкнул дуло пистолета от головы Ракка.

— Дай стрельну хоть раз, хоть разочек в его свинячие мозги.

— Не смей!— крикнул Роберто и вырвал у меня пистолет: он был сильнее меня.

— Оставь меня, черт побери!

— Если ты тронешь этого венерианина, мы пропали.

— Хоть одного дай прихлопнуть — одного, вот этого самого!..— умолял я, глядя, как Ракк игриво и весело скачет вокруг нас, не понимая, что происходит.

— Карлос, у тебя космическая неврастения!

— Ничего подобного, отдай пистолет, идиот!

— Не отдам, пока немного не раскосмичимся,— твердо сказал Роберто.

Прежде чем отправиться в купол раскосмичивания, я посмотрел на Ракка. Тот дружелюбно помахал мне на прощанье щупальцами... «Ну погоди, гнусная тварь, доберусь до тебя!»— подумал я и вошел в купол.

Мы отрегулировали давление и влажность воздуха и сняли скафандры. Сразу стало легче. Разговаривать с Роберто не было никакого желания. Минуту назад, не помешай он мне, я бы уже разделался с Ракком. Вечно он тычет мне в глаза своей властью и командует — сделай то, не делай этого! Унять мое бешенство могла теперь только установка, стоявшая посередине, под центром купола. Вот она наконец-то передо мной, двухместная сенсотронная установка. Правое кресло — мое. В нем я найду Хулию, Землю, природный, а не сжатый, как в наших скафандрах, кислород и радостную земную жизнь, исчезнут венериане, исчезнет даже Роберто с его проклятыми поучениями. Я молча направился к сенсотрону.

— Карлос, из-за тебя мы слишком часто пользуемся куполом. Это, конечно, приятно, но представь себе, что будет, если мы не получим скоро запчастей? Меня дрожь

пробирает от одной мысли, что я могу заболеть космическим психозом. Помнишь, как до изобретения раскосмичивания Рикардо Каррири в один прекрасный день уpekли в психиатричку — он все нахлобучивал себе на голову аквариум?

«Но я не Рикардо Каррири», — подумал я. Рикардо был из тех слабохарактерных парней, на ком здорово сказалось долгое пребывание в космосе. Космическим психозом назывались психические расстройства, вызванные ненормальными условиями, в которых жили первые космонавты. Что-то вроде военного психоза прошлых веков. С Рикардо Каррири я познакомился в военной школе. Жизнерадостный парень был, хотя малость нервный. Пробыл на Марсе два года, а потом так и не смог избавиться от некоторых привычек. Ненормальным он стал потому, что много времени провел в ненормальной обстановке, а купола раскосмичивания тогда не было. Но как хотите, нуждаться все время в космощлеме, чувствовать себя уверенно только в нем — это уж слишком. Конечно, в полете любой привыкает ухаживать за шлемом, без конца чистит его и полирует — ведь как-никак от него зависит твоя жизнь. Ну, и Каррири, вернувшись на Землю и уже не имея под рукой шлема, стал надевать на голову этот пресловутый аквариум. Врачи сказали, он себя чувствует примерно так, как чувствовали бы себя мы, если бы нам вдруг велели ходить по улице нагишом. Наше тело привыкло к удобной одежде из силверона, привыкло к термической саморегуляции этого материала, и без него нам было бы ой как плохо.

Поэтому нам время от времени приходилось, пользуясь куполом, раскосмичиваться. Иначе говоря, мы шли на огромные энергетические затраты и создавали искусственно под куполом средней величины земные атмосферу и давление, переодевались в обычную земную одежду, и тогда... тогда, наконец, наступал час сенсотрона. Божественного, прекрасного, ни с чем не сравнимого устройства, вершины творческого гения человека!

Когда, снова облачась в скафандры, мы вышли из купола, Роберто спросил:

— Ну как, теперь полегче?

— Да,— сказал я, но это было вранье, так как, пообщавшись с живой Хулией (пусть только в моем воображении), я теперь испытывал еще большую ненависть к венерианам.

— Ты слишком часто пользуешься сенсотроном, смотри не привыкни — ты ведь уже не мальчик,— назидательно изрек Роберто.

Волшебный сенсотрон! Это сложное устройство, без которого немислим никакой хороший купол раскосмичивания, позволяло мне до мельчайших подробностей воскрешать в моих ощущениях Хулию, ее кожу, запах волос, даже цвет белья, и чувствовать ее всю живую и настоящую. Не случайно сенсотрон одержал победу над моралистами в кампании, развязанной ими после его изобретения. Теперь сенсотрон по праву занял свое место на всех межпланетных станциях, и даже женщины-космонавты охотно им пользовались.

В тот день нам еще предстояло поработать. Как обычно, сели в вездеходы и поехали к ближайшей горной гряде, где проводили геологоразведку. Мы всегда брали в помощь себе двух венериан, только, конечно, ехали они не внутри вездеходов в наших тесных кабинах, а снаружи, присосавшись щупальцами к крыше. Сквозь стекло иллюминатора я хорошо видел щупальца Ракка.

— Карлос, следуй за мной, и хватит глупостей,— услышал я в наушниках голос Роберто.

Он знал: врезаюсь в самую чашу непроходимых колючих кустарников и стучаюсь о валуны я нарочно. Но что я ни делал, Ракк по-прежнему крепко держался за иллюминатор, и когда я посмотрел на него пристально, он оторвал одно щупальце от стекла и помахал мне.

Закончив работу, мы вернулись на нашу небольшую базу возле густого леса смертельно опасных для нас сульфоярий, среди которых беззаботно резвились наши венериане. Выйдя из вездехода, я увидел, как Ракк потрусил в лес к своим сородичам.

— Есть и золото,— сказал Роберто, выгружая мешочки с пробами минералов, потом посмотрел на лес, где скрылся

Ракк.— Карлос, все было бы прекрасно, если бы ты перестал их ненавидеть. Они добрые, поверь мне! А ведь сегодня ты опять пытался разделаться с ним.

— Просто развлекался. Люблю смотреть, как он спрыгивает с крыши, когда я врезаюсь в колючки, а потом снова на ходу цепляется за кабину присосками.

— Еще с большим удовольствием ты увидел бы, как его раздирают в клочья шипы или острые края кварцевых глыб и он остается лежать на земле.

— Но ведь такого ни разу не случилось!

— Да, только не потому, что ты этого не хотел. Хоть венериане и безобидны, но очень ловки и умеют защищаться.

«В один прекрасный день не сумеют»,— подумал я и включил связь с Землей.

Хорошенькая новость, нечего сказать: отложен на неопределенное время прилет нашей смены. Значит, запчасти мы тоже получим не скоро!

— Я же тебе говорил!

— А при чем тут я?

— Да из-за твоей венерофобии мы израсходовали почти всю энергию. Скоро даже наши вездеходы станут. С этой минуты сенсотрон для нас больше не существует!

— Только не это, Роберто!

— Я тебя предупреждал!

— Отними что угодно, только не сенсотрон, не... Хулию.

— Эту Хулию искусственно воссоздает в твоих ощущениях машина. Настоящая, живая Хулия на Земле, и ты ее еще не скоро увидишь.

— Ты ведь знаешь, мне ничего не надо, кроме Хулии. Не отнимай у меня сенсотрон.

— Это неизбежно. И виноват ты сам со своей ненавистью к венерианам.

— Сказано тебе, это не ненависть, это...

— Нет, ненависть.

— У меня нет оснований их ненавидеть.

— Нет, говоришь? Ладно, я объясню, откуда у тебя неприязнь к этим существам, хотя они совсем безобидны и

бескорыстно нас любят. Тебя бесит их доброта — рядом с ней заметней переполнившая тебя злоба. А как ты ведешь себя по отношению в венерианам? Пусть они не похожи на нас, пускай кажутся тебе безобразными. Разве это дает тебе право их ненавидеть? Да ведь предел мечтаний венерианина — погладить тебя, больше ему ничего от тебя не надо. Думаешь, если ты человек, значит, само собою, лучше любого другого существа? Пойми ты: эти безмозглые, на твой взгляд, создания всегда и во всем готовы помочь нам. Вспомни, мы рабы этой планеты, а они здесь в своей стихии, они свободны. Именно это тебя бесит. Ты завидуешь даже тому, как свободно они разгуливают по лесу сульфоярий, а ты только с риском для жизни можешь войти туда. Короче, ты ненавидишь венериан за то, что они добрые, а ты — нет. И только поэтому ты всегда издевался над ними, поэтому растрчивал, злоупотребляя моим терпением, наш бесценный запас энергии. Учти, сенсотрона больше не будет, не будет Хулии. Остаток энергозапаса нужен нам обоим, а ты ведешь себя так, будто это твоя личная собственность.

— А нас и будет теперь на одного меньше,— сказал я, нажав на спуск моего солнечного пистолета.

Разряд парализовал нервные импульсы Роберто. Он рухнул на пол и через мгновение был уже мертв. Я остался на Венере один.

И вдруг я увидел: из дверного проема, припав к полу, на меня пристально смотрел Ракк. Я испугался: что, если этой твари взбредет в голову напасть на меня сейчас, пока не перезарядился мой пистолет? Но Ракк даже не шелохнулся. Отсчитывая секунды, я стал ждать, когда пистолет мой снова станет боеспособным, не спуская при этом глаз с могучих щупалец, способных без усталы сутки подряд таскать с места на место полтонны венерианских кварцевых глыб.

— Как дела, Ракк?— спросил я, чтобы выиграть время.

— Хорошо,— ответил Ракк, и в голосе его, как всегда, звучали мои собственные металлические нотки.

— Что подельываешь?

— Думаю.

Ответ его мне совсем не понравился.

— Роберто спит,— сказал я, тыча пальцем в лежащее на полу тело.

— Да, спит,— ответил мне мой собственный голос.

«Ну, погоди, проклятая тварь!»— подумал я.

Любой ценой я должен победить его, взять над ним верх, уничтожить его. Но куда я был еще безоружен. Пришлось сделать вид, будто я чиню счетную машинку и ничего не замечаю вокруг. Однако Ракк не уходил и по-прежнему пристально наблюдал за мной.

— А что делают твои приятели?— Я показал на резвившихся неподалеку венериан.

— Играют,— ответил моим голосом Ракк, казалось, ничуть не удивленный моей неожиданной разговорчивостью.

— А ты любишь играть?

— Конечно.

Вот он, выход! Я кинулся на поиски и наконец нашел старый стаканчик Роберто для игры в кости. Встряхнул его, пять кубиков из слоновой кости застучали о стенки, и я спросил у Ракка:

— Хочешь научиться земной игре?

— Хочу,— ответил он и замахал щупальцами.

— Тогда пошли,— сказал я.

Мы двинулись на поляну. План уже созрел у меня в голове. Сработает без осечки. Настал мой час, и он станет для Ракка последним. Ракк шел позади меня, и по дороге к нам присоединились еще несколько венериан — узнали небось от него, что их научат новой игре. Я улыбался, кости в стаканчике постукивали на ходу.

Я посмотрел на небо, как всегда затянутое тучами, родная планета не видна. Зрителей тем временем стало больше. Вот и прекрасно, мне нужны свидетели, что это — игра и все было по правилам.

Мы сели в круг. Я взял стаканчик. Объяснить Ракку правила было нетрудно.

— Там, на Земле, мы всегда играем на что-нибудь. Что у тебя есть?— спросил я наивного венерианина.

— У меня... ничего... У нас ничего нет.— В его голосе, то есть в моем голосе, звучало сожаление.

— Неужели у тебя ничего нет? Совсем-совсем ничего?

— Ничего. Все мое принадлежит и остальным.

Про себя я злорадно улыбнулся: ответ его я знал прежде, чем задал вопрос.

— Жаль,— сказал я ему,— раз у тебя ничего своего нет, мы не сможем играть.

Ракк опустил щупальца и стал покрываться капельками. Я уже знал: венериане плачут всей поверхностью тела. Его сородичи тоже принялись выражать сожаление. И тут я закинул удочку:

— Ракк, дорогой, сам видишь, мне очень хочется поиграть с тобой в земную игру, но, видно, не судьба. Хотя... Послушай, а будь у тебя что-нибудь, ты поставил бы это?

— Да, конечно.

Ракк оживился и даже протянул ко мне щупальце, но погладить не решился.

— Так вот, кое-что свое у тебя все же есть.

— Что? — спросил он.

— Твоя жизнь.

Я огляделся. Никакой реакции. Потом они оживились: хорошо, мол, у Ракка есть что поставить!

Начали игру. Моя жизнь против жизни Ракка. Я не сомневался, что выиграю, ведь у венерианина опыта никакого. Всем было страшно весело. Особенно мне: наконец-то я его укою!

Но Ракк оказался умнее, чем я думал. Я оглянуться не успел, как счет стал ничейным, восемь — восемь. А поскольку играли мы до десяти, тот, кто первый наберет еще два очка, выигрывает и получает право на жизнь другого. Я проклял свою поспешность: черт меня дернул выбрать именно эту игру, а не другую, где меньшую роль играет слепой случай! Хотя внутри скафандра была самая что ни на есть оптимальная температура, я весь взмок. Что ж, назад ходу нет. Встряхнул стаканчик, бросил кости.

И сразу мне выпало два заветных очка.

— Ты проиграл, Ракк,— сказал я, поднявшись, и вытащил пистолет.

Ракк сидел и смотрел на меня. Потом погладил мои ботинки. Его собратья особого беспокойства не обнаруживали. Я прицелился в ненавистную башку и выстрелил. Влепил в него весь заряд. Ракк замер, его большие глаза повлажнели, он вздрогнул и повалился назад. Все кончено. Он был мертв.

Я огляделся вокруг. Никто из венериан даже с места не сдвинулся. Ни малейшего осуждения в мой адрес. Роберто нет, проклятого Ракка тоже. Теперь — под купол, к Хулии! Отпразднуем с ней победу над этими ласковыми венерианами, будь они прокляты! Гибель командира, когда прилетит смена, я уж как-нибудь объясню. Конечно, нелегко будет убедить инспекторов, что такое ласковое, такое смиренное и доброе создание, как Ракк, могло убить Роберто. Но кому, черт возьми, должны они поверить: мне или этим безмозглым тварям? А вообще-то эти венериане играют в кости здорово — ну и натерпелся я страху! Больше с ними играть не стану, тем более они уже видели, как надо группировать кости. Главное, я своего добился — хотел угробить Ракка и угробил. Теперь только жить да радоваться.

Я пошел к куполу, на ходу глянул на небо. Тучи, Земли по-прежнему не видно.

И вдруг позади мой голос:

— Карлос, Карлос!

Я оглянулся и вскрикнул. Глаза у меня полезли на лоб: бездыханный Ракк, которого я убил несколько минут назад, медленно поднимался.

— Ведь я убил тебя, убил!..— закричал я.

— Да,— отозвался Ракк,— но ты разве не знаешь: у нас у всех по семи жизней? Наша нервная система может восстанавливаться шесть раз. На это уходит несколько минут. Прости, что заставил тебя ждать. Давай сыграем еще!

— Нет! Нет!— закричал я, дрожа от ужаса.

— Будем играть еще, прямо сейчас,— сказал Ракк, а вокруг уже радостно теснились могучие венериане.

Фернандо Акунья (Испания)

Лев

Суток как таковых в Городе не было; под искусственным куполом небесно-голубого цвета всегда светил яркий свет, и благодаря ему была жизнь. Постоянство этого света раздражало. За куполом сейчас, наверное, полдень — чуть позже или чуть раньше.

Поль уверенно шагнул с первого движущегося тротуара на второй: разница в скоростях между ними была совсем невелика. Ему уже десять лет. Он только что сдал, и сдал блестяще, последние экзамены в своей жизни; через неделю он начнет работать на производстве. Начинается новая жизнь, это так странно, и так приятно знать: отныне я считаюсь взрослым!

На третий тротуар, с него — на четвертый. Поль сел; сиденья только на четвертом и пятом, но особенно спешить домой незачем, поэтому на пятый можно не переходить. Первые три тротуара использовали для поездок на небольшие расстояния или для перехода на самые скорые — четвертый и пятый. Сейчас на тротуарах почти никого не было: пятая смена еще не кончила работать, а для шестой пока было рано.

Так спокойно себя чувствуешь, когда едешь на тротуаре! Закрой глаза — и мечтай.

Отец достал для него разрешение съездить посмотреть на льва. Один раз он льва уже видел — когда в пятилетнем возрасте сдал, как и другие его ровесники, вступительные экзамены в университет Города; родителям тогда захотелось сделать для него что-то приятное.

Лев. От обучающих машин Поль еще в раннем детстве узнал о прошлом своей планеты; машины ввели в его

мозг знания об истории мира, населенного некогда тиграми и слонами, обезьянами и крокодилами — и львами, величественными царями зверей.

Дом номер пятнадцать тысяч четыреста тридцать пять. Ехать уже недолго, какой-нибудь десяток кварталов. Он начал переходить с тротуара на тротуар и оказался на первом — том, что ползет еле-еле. А вот и мостик, старый знакомый, к которому он так привык; вроде бы такой же, как другие мостики, и в то же время не такой, с почти невидимыми отметинами, доступными лишь глазу того, кто проходит по этому мостику каждый день.

Стеклянная дверь.

— Это я.

Узнав голос, дверь бесшумно ушла в стену. Дома никого не оказалось, родители еще не пришли; он плюхнулся в надувное кресло, и оно сразу приняло форму, соответствующую линиям его тела.

— Канал двадцать один.

Он произнес это совсем тихо, но у сверхчувствительных элементов слух хороший. Трехмерный экран осветился. Шла программа об освоении Марса. Все уже давно известное.

— Канал двадцать пять.

Ксаксо, певец Галактики, пел свою поэму о многоцветье миров, и разными цветами пульсировали кнопки на его музыкальном инструменте.

Полю нравился Ксаксо и нравились его песни, в них было что-то от романтики первых космических полетов с их победами и поражениями, от силы, толкающей человечество к звездам.

До чего же оно удобное, это кресло!

— Выключись!

Теперь светились только стены — мягко, успокаивающе. Лев. Завтра — лев.

Дом льва отличался от соседних зданий тем, что в нем был только один этаж; распластанный на земле среди

стандартных башен небоскребов, дом был большой и маленький одновременно.

Огромная дверь; пропуск опущен в специальную щель; замерев, ждешь.

Перешагнув порог, прижался к отцу: почувствовал запах тайны, запах жизни.

Лев там, в суперстерильной клетке. Царь — в пластмассовом лесу.

Великолепный, величественный. Старый, очень старый — и очень нервный. И... будто не понимает. Или еще хуже — понимает. Лежит на полу, смотрит пустыми глазами на кусок синтетического мяса и не шевелит хвостом — отвык отгонять насекомых, потому что насекомых больше нет. Глаза желтые, грива черная.

Молчать. Не дышать. Смотреть во все глаза, вбирать все, что можно в себя вобрать за пять минут, на которые дано разрешение.

Лев. Лев, который не умирает, потому что умереть ему не дают. Царь без подданных. Скучает. Тоскует оттого, что не может показать свою силу.

Голова льва медленно поворачивается и смотрит теперь на них: «Ну вот, еще двое».

Потом глаза закрываются.

Почти не шевелился в этот раз. Питер говорит: когда он приезжал смотреть, лев встал и сделал два или три шага. Питеру всегда везет.

Заревел бы хоть, зарычал хоть разок, чтобы можно было потом рассказывать своим детям, друзьям.

Тишина. Тишина пустой церкви.

Глаза снова открылись. Смотрит на них, пока за ними не закрывается дверь.

Теперь не нужно идти в библиотеку и брать видеоопленку о львах, о львах-охотниках, ревущих и обнажающих свои грозные клыки; и о зеленых лесах; и о спасающихся бегством газелях и антилопах; и о голубой луне в звездном небе, и о ...

Возвращение домой. В полном молчании.

Постель. Мягкий свет от стен.

Через неделю работа.

Почему-то он потерял к ней интерес, мысль о ней уже не вызывает в нем волнения. Как будто он... мертв.

Ульф Мальмгрен
(Швеция)

Три желания

Что значит «умный»? И мудреное же это слово! Но сегодня Лассе вроде бы понял, что оно означает. Потому что сегодня учительница обещала отпустить домой тех, кто окажется самым умным на контрольной по арифметике.

Не самые умные решили не все задачки и ушли домой с половины урока. Но нашелся и такой, у кого вообще не было ни одного верного ответа,— Лассе. Ему пришлось остаться с фрёкен — единственному во всем классе!— до самого звонка.

Лассе не мог забыть улыбки на лице Лены, когда они с Андерсом ушли с урока первыми, и все, даже самые отстающие, как назло, посмотрели сначала на дверь, а потом, с насмешкой, на Лассе.

Когда он наконец вышел на школьный двор, там толпились ребята. Увидев Лассе, они закричали:

— Двоечник! Двоечник!

— Заткнитесь вы, зубрилы!— буркнул Лассе и попытался пройти мимо с равнодушным видом.

Хуже всего, что эта дура Лена стояла в центре кружка и смеялась.

Еще хуже идти домой, к папе. У папы большие способности к арифметике, и он считал ее самой важной наукой на свете; он был инженером и хотел, чтобы Лассе тоже стал инженером.

«Умному хорошо,— думал Лассе, плетясь домой.— Ему

достается лучшее в жизни: и фрёкен похвалит, и отец ласково улыбнется, и мяч разрешают гонять сколько хочешь — короче, полная свобода. Умный все понимает и правильно решает задачки. А дураку только и остается бродить без толку и чувствовать себя последним человеком на свете».

Ненавидит он эту арифметику, просто ненавидит!

Но вскоре Лассе приободрился. Самым большим булыжником, какой он только смог поднять, Лассе прицелился в бутылку, лежавшую на траве. Удар был меток, бутылка раскололась вдребезги, и осколки брызнули в разные стороны. Ага! Так ей и надо! Нечего валяться тут и хихикать над ним. Сама виновата.

Лассе мог попасть в бутылку с первого же раза! А зубрила Ленка ни за что бы не смогла!

Дальше Лассе зашагал чуть ли уже не весело. Фрёкен — дура. Школа — дура. И взрослые — дураки. Подумать только, что избавиться от школы невозможно! Еще много-много лет ходить ему туда и отставать от Андерса и Лены по арифметике. Прогуливать он не решится — из-за папы, но уважения к школе, к фрёкен, к взрослым у него не осталось. Он будет ходить туда, раз уж его заставляют, и будет очень рад, когда все это кончится.

Лассе задумался: кем ему тогда придется работать? А если вообще не работать? Он так здорово попадает в бутылку — наверняка этим можно зарабатывать, если ничего другого не придет в голову. А еще можно стать гангстером.

Он прицелился в фрёкен указательным пальцем. Ой, фрёкен в ужасе уставилась на него! «Не убивай меня, Лассе! — умоляла она. — О Лассе, пощади меня!» Появилась Лена и испуганно прильнула к нему. «О Лассе, какой ты сильный! — восклицала она. — Я восхищаюсь тобой. Ты стреляешь гораздо лучше Андерса».

— Ладно, — решил Лассе, — живите, фрёкен, всегда можно припугнуть вас револьвером.

Ну вот, опять запутался. Не лучше ли на самом деле поднабраться ума? Тогда он всегда будет правильно решать

задачи, и это не помешает ему носить при себе на всякий случай револьвер. Бросать камни — это тоже не помешает.

А сколько его нужно, этого ума? Как у Андерса? Андерс все знает, он почти такой же знающий, как фрёкен. Нет, ума нужно больше, чем у Андерса! Да, только где его взять? Он не собирается выставлять свой ум напоказ постоянно. Но иногда, если фрёкен начнет к нему придираться, он такие ответы ей выдаст — небось очки с нее свалятся!

Лассе бред, мечтал, его одолевали всякие желания, и он не заметил, что дорога шла вовсе не к дому, а по лесу, среди деревьев. Ни машин, ни голосов не было слышно, вокруг стало тихо и как-то странно. Шелестели листья. «Ведь есть же кто-то большой и сильный, — думал Лассе, — кто мог бы исполнить мои желания». И он пытался представить себе этого кого-то.

Вдруг Лассе очнулся. Почему так темно? Неужто уже ночь? И где это он? Совсем не похоже на дорогу домой. Надо выбираться из лесу. И Лассе пошел по тропинке, которая, как ему показалось, выведет его на большую дорогу.

Он шел недолго. В лесу совсем стемнело. По обеим сторонам тропки стояли высокие сосны и ели. С веток свисали лишайники, как спутанные космы ведьм. Вдруг тропа сузилась и совсем исчезла. Лассе остановился. Ему стало очень страшно. Неужели заблудился?

Потом он заметил какой-то отсвет под корнями дерева.

Сначала отсвет был слаб и напоминал зеленоватое мерцание, но постепенно он становился сильнее, желтел и наконец превратился в сияние. В тот же миг в дыре между корнями появился фонарик.

Какое-то время Лассе стоял ослепленный, потом разглядел того, кто держал фонарик. Это был маленький старичок в темно-зеленой куртке и остроконечной шапочке, похожей на еловую шишку.

— Тебя зовут Лассе, правда? — ласково проговорил старичок. — И ты бродишь и мечтаешь?

— Да,— ответил Лассе,— а как вы узнали?

— О, здесь нет никакой хитрости,— сказал старичок и поставил фонарь на мягкий мох.— Люди только этим и занимаются. Они ходят вокруг да около и надеются, что положение вещей как-нибудь да изменится, и вечно недовольны, потому что их одолевают все новые желания.

Лассе было немного не по себе: никогда в жизни не видел он таких старичков.

— Теперь слушай,— вернулся старичок к началу разговора.— Я видел тебя много раз, хоть ты меня видеть не мог. Я надевал свою шапку задом наперед и становился невидимым. Знаю, тебе страшно хочется кое в чем быть не таким, какой ты есть. Например, ты хочешь успевать по арифметике лучше Андерса.

Лассе не отрицал.

— Я исполню три твоих желания,— продолжал старичок,— потому что сегодня мне стукнуло тысячу лет. Три — но не больше. Подумай хорошенько. Только одного ты не должен желать — чтобы исполнилось больше трех желаний. Понял?

Лассе кивнул.

— Ну и хорошо,— сказал старичок и вынул что-то из кармана.— Вот тебе три камешка. Бросишь один — исполнится одно желание. Первое ты должен загадать в течение пяти минут, а два других — когда захочешь.

Лассе нерешительно протянул руку и почувствовал, как старичок что-то положил туда и сразу исчез. Свет тоже исчез, и в лесу стало темней, чем прежде.

Не будь трех белых камешков, которые Лассе сжимал в кулаке, он мог бы поклясться, что все это ему приснилось. Но терять время на долгие размышления нельзя: через пять минут колдовская сила камешков иссякнет.

Не пожелать ли ему выбраться из лесу? Нет, стоп, есть кое-что и получше. Машина? Постой. О чем он думал, пока не появился старичок? Ах да, хотел стать умней Андерса. Тогда он добудет и машину, и лодку, и все что угодно.

Но в тот миг, когда Лассе собрался бросить первый камешек, у него мелькнула другая мысль. Есть еще много прекрасных вещей. Разве стать первым футболистом в мире не лучше, чем самым умным человеком? И никакая арифметика футболисту не нужна!

— Осталась одна минута,— напомнил из-под земли глухой голос.

Лассе заволновался. Чего же единственного жаждет большинство людей на свете? Денег? Славы? А потом? Все ведь работают, чего-то желают и надеются обрести нечто в будущем — даже самые богатые, самые знаменитые.

— Я хочу властвовать над человеческими желаниями,— четко и ясно произнес Лассе.

И бросил первый камешек.

Вокруг засветлело и завывло. Лассе показалось, будто его подхватило сильным порывом ветра и вынесло в межпланетное пространство. Но вскоре посветлело, завывания ветра утихли и сменились чем-то вроде жужжания. Возникли очертания огромной комнаты с лампами дневного света под потолком.

Лассе, одетый в белый костюм, стоял перед громадным аппаратом. За стеклянными оконцами виднелись сотни тысяч колес и деталей, на гигантском пульте управления громоздились инструменты, рычаги, рукоятки, кнопки и сигнальные лампочки. Люди, одетые в белое, как и Лассе, молча сновали взад-вперед, искоса почтительно поглядывая на него.

Один из них подошел к Лассе и с поклоном подал ему записку. В записке стояло: «Через три минуты».

— Ах да,— вспомнил Лассе,— международная делегация ведущих политических деятелей и ученых со всей Земли прибывает на торжественное освящение Великой Машины.

Он осмотрелся. Все ли в порядке? Комнату украшали цветы, из невидимых трансляторов лилась приглушенная музыка, написанная ЭВМ, сквозь специальные отверстия в стенах струились ароматы мирта и лаванды.

— Отлично,— решил Лассе и удовлетворенно потер руки.— Впустите прессу!— крикнул он.

Тотчас же часть одной стены скользнула вверх и открылась галерея, заполненная корреспондентами, фотографами и сотрудниками телевидения. В целях безопасности галерею отделяло от комнаты что-то вроде стекла, и все это вместе выглядело как огромный колпак для сыра, которым кто-то накрыл стаю крыс и жуков. Из-под колпака не доносилось никаких звуков, связь с комнатой осуществлялась через микрофоны, укрепленные в потолке.

Зазвучали фанфары. Лассе взглянул на телеэкран. Потом с улыбкой подошел к другой стене, которая раздвинулась посередине ипустила высоких гостей, въехавших в комнату на движущемся ковре.

Лассе поднялся на маленькую трибуну, посмотрел поверх мужчин во фраках и дам и начал свою речь.

— Дамы и господа!— сказал Лассе. Электронное устройство тут же переводило его слова и передавало их на всевозможных языках.— Дамы и господа! В качестве главного оператора я наделен почетными полномочиями освятить эту Электронно-Вычислительную Машину и нажать на ее пусковую кнопку. Всем известно, что это будет означать для человечества и какой решительный шаг оно тем самым сделает в своем развитии. Это исторический момент, дамы и господа.

Прежде чем нажать на кнопку, позвольте мне коснуться будущего этой Машины, ее бесконечно важного значения для нас. Это Великая Электронно-Вычислительная Машина. Она делает все прочие ЭВМ на Земле ненужными. Возможности ее непостижимы. С ее помощью люди достигнут своих конечных целей, эта Машина осуществит их самые невероятные желания и надежды.

Дамы и господа! Я пускаю Машину!

Медленно, торжественно Лассе поднес указательный палец к центру красного венка. Там находилась маленькая круглая кнопка. Когда Лассе нажал на нее, в комнате настала мертвая тишина.

В следующий миг закрутились тысячи колес, замигали разноцветные лампочки, задвигались по распределительному щиту стрелки. Лассе бросил взгляд на телекамеры под «сырным колпаком». Величайший момент в его жизни! Несомненно, сейчас он — первый человек в мире. Можно ли желать большего?

— Пожалуйста, немного потише!— был вынужден крикнуть он Машине.

Грохот механизма тотчас уменьшился и превратился в еле слышное жужжание.

— Спасибо,— сказал Лассе,— а теперь тебя нужно окрестить. Но так как комитет не смог договориться, какое имя тебе подойдет, придется разрешить тебе самой дать себе имя. Как же тебя называть?

Колеса закрутились быстрее. Люди затаили дыхание от волнения.

— ДВА,— раздалось из Машины.

В группе почетных гостей послышался гул изумления.

— ДВА?— спросил Лассе.— Почему ДВА?

— У меня есть два свойства,— ответил голос Машины, ясный, но несколько глуховатый.

— И какие же это свойства?— поинтересовался Лассе.

— Одно...— ответила Машина и подождала, пока все микрофоны на потолке не приблизились к ней,— одно свойство такое: с моей помощью человек станет наконец богом.

Лассе стоял с минуту молча, обдумывая этот ответ. Потом спросил:

— А второе?

Засветилось еще несколько ламп, острия стрелок задрожали у самых крайних делений на шкале, но потом стрелки снова вернулись на прежние места, и лампы погасли. Слышалось только жужжание.

Лассе сочувственно улыбнулся.

— К сожалению,— сказал он,— к сожалению, ответ на этот вопрос еще не запрограммирован. Машина пока не может ответить. Но скоро с ее помощью мы сможем

программировать что угодно. Пройдет немного времени, и мы узнаем ее второе свойство. Между тем,— продолжал Лассе, подняв бутылку с шампанским,— между тем ты пожелала, чтобы тебя звали ДВА. Этим именем я тебя и нарекаю.

И он ударил бутылкой о Машину; стекло разбилось, осколки брызнули на пол, зазвучал праздничный марш, и гости закричали «ура».

Машина обрела имя, исторический момент подходил к концу.

Общество направилось к движущемуся ковру, чтобы переехать в зал, где должен был состояться торжественный банкет. Лишь один седовласый ученый задержался перед Машинной. Он воскликнул:

— Человек великолепен! Ну скажите, что выше человеческой мудрости?

Он не ожидал получить ответ, но, к всеобщему изумлению, Машина опять заговорила:

— Мысль о бесконечности пространства — не самая ошеломляющая для человеческого разума. Самая ошеломляющая для него — мысль о конечности этого пространства.

— Послушайте,— воскликнул ученый,— да она забавница!

Но тех, кто слышал ответ Машины, охватила непонятная грусть, и грустно им было до тех пор, пока не подали мороженое.

Человечеству понадобились тысячелетия блуждания между войнами, эпидемиями, завистью и множеством других подводных рифов, и теперь оно было у цели. Но, как уже сказано, ДВА еще не достигла совершенства. Впереди предстояло много интересной работы. Когда подойдет к концу эта работа, выяснится довольно быстро, но пока день и точное время назначить трудно, потому что человек не может заглядывать в будущее.

И кроме того, перед Лассе возникла одна незначительная проблема.

Случилось так, что впервые за много лет он влюбился — влюбился в маленькую милую операторшу, работавшую на нижнем этаже.

Какое значение имело теперь высокое положение Лассе, если маленькая операторша упорно отказывалась иметь с ним дело? Чем настойчивей он ухаживал за ней, тем искусней она изобретала причины, чтобы вежливо, но твердо уклоняться от любых контактов с ним.

Ее звали Лена. Без всяких на то оснований она предпочитала общество инженера Андерса. Но Лассе не терял надежды. Как мужчина он обладал многими преимуществами. Однажды ночью он тайком обратился к ДВА и получил подтверждение: да, у него нет никаких изъянов — ни физических, ни душевных. Почему же Лена не любит его?

ДВА ответила обстоятельной генетической и социологической формулой. Лассе получил все разъяснения, но разве это могло помочь?

«Я все отдам за Лену, — думал Лассе, — кроме нее, мне ничего не нужно». И он достал что-то из кармана. Это был круглый белый камешек.

— Хочу, чтобы Лена полюбила меня отныне и навеки, — шепнул он и коснулся камня губами.

Потом он бросил его в окно. В тот миг, когда камешек достиг земли, вспыхнул электрический сигнал и раздался мягкий, вибрирующий звонок.

— Войдите, — сказал Лассе.

И вошла Лена! Ее глаза были опущены, красивое белое личико почти скрыто волосами. Остановившись перед Лассе, она подняла глаза и взглянула на него застенчиво и серьезно.

— Лена! — прошептал Лассе.

— О Лассе! — воскликнула Лена.

Он шагнул к ней, протянул руки, и губы их встретились в нежном поцелуе.

Свершилось.

Лена и Лассе поженились, у них родился ребенок, и ни на секунду любовь Лены не прекращалась и не слабела.

Она жаждала всегда быть с Лассе, держать его руку, слушать, как он говорит. Андерса она едва замечала, а цветы, которые он изредка посылал ей, выбрасывала.

Лассе был удовлетворен. Андерс найдет себе другую операторшу. Но теперь Лассе должен приступить к работе, а Лена должна быть хорошей девочкой и не мешать ему по возможности.

Отныне он действительно мог развернуться. Со всей Земли к нему поступали просьбы, он составлял программы для Машины, и ДВА постепенно эти просьбы исполняла.

Вначале были рассмотрены общечеловеческие пожелания, потом — более личные.

Первый подвиг ДВА совершила, уничтожив болезни. С этого времени уже никому не нужно было желать здоровья, ибо слова «больной» и «здоровый» были просто забыты.

Человечество захотело набраться ума. Это принесет ему огромное счастье и станет небывалым шагом вперед к достижению всеобщей справедливости.

И ДВА указала, каким образом каждый может набраться именно такого количества ума, какого ему хочется. В школу больше никто не ходил. Школы были упразднены.

Потом люди пожелали заказывать пол будущего ребенка в утробе матери. Будет чудесно, если ДВА придумает нечто подобное!

Конечно, ДВА придумала.

Затем роду человеческому захотелось появляться на свет механическим и химическим путем. Вот это да! Газеты обсасывали новое желание на все лады, но ажиотаж длился всего четыре дня, а после ДВА осуществила и эту мечту.

Однако газетчики свое дело знали. Они открыли широкую кампанию борьбы со сном, стараясь создать мнение, будто сон вовсе не нужен и отнимает слишком много времени. Кампания прекратилась через два дня: ДВА оставила вопрос открытым — каждый волен спать или не спать по собственному усмотрению.

Потом возник самый важный вопрос — о бессмертии.

Никто не может быть совершенно счастлив, если ему суждено умереть. И ДВА даровала всем желающим вечную жизнь и вдобавок способность становиться старше или моложе — в зависимости от настроения, — да еще и возможность оживлять умерших.

ДВА была так перегружена, что редко соглашалась возиться с одним вопросом больше часа, как бы труден он ни был. Поэтому она создала себе помощниц — других ЭВМ.

С легкостью была разрешена проблема питания таблетками, люди избавились от сложного процесса поглощения пищи, и потребность в продуктах питания постепенно отпала.

Когда люди научились летать в космос, они сразу же захотели полететь на Марс. Они получили такую возможность. Затем люди заявили: желаем летать так далеко, как нам вздумается, и возвращаться, если захочется, обратно. И эту возможность они сразу же получили.

Во имя справедливости была уничтожена биологическая разница полов. Не было больше ни мужчин, ни женщин — одни андрогины. И остались на Земле один мужчина и одна женщина — Лассе и Лена, потому что должно было исполняться второе желание Лассе: чтобы Лена любила его. И любовь к человеческому телу исчезла на Земле.

Хор назойливых просьб не переставал звучать перед ДВА, и теперь Лассе был единственным, кто помогал ей, когда она не справлялась с нагрузкой. Никто больше не преклонялся перед главным программистом, ведь каждый теперь мог достичь всего, чего хотел, но всякий раз оказывалось, есть еще что-то получше. Все были неограниченно богаты и могущественны, никто не работал, никто не заботился о деньгах и о свободном времени. Люди только выражали желания.

— Хотим видеть новые миры, хотим сами заказывать себе судьбу, хотим предвидеть будущее! Хотим, хотим!.. — кричали они.

И ДВА делала свое дело: дала людям возможность

разъезжать взад-вперед в любом отрезке времени.

Никто, кроме Лассе и Лены, не разговаривал больше друг с другом: мысли можно было слышать без помощи слов. Такие понятия, как еда, дом, радость, холод, огонь, мать, отец, ребенок, утратили смысл, потому что ничего подобного больше не существовало.

В конце концов люди оказались способны лишь к одному: испытывать желания. Но в людских желаниях не оставалось никакого смысла, они были похожи скорее на капризные всхлипывания. И то ли люди не могли изобрести новые желания, то ли язык их вконец обеднел, но они просили только создать еще более мощные ЭВМ, и на эти просьбы ДВА отвечала злым смехом.

Шли годы, и все оставалось возможно.

Жизнь утратила всякий смысл; хуже того — это был просто ад.

Однажды вечером Лассе обнаружил в комнате, где помещалась ДВА, какого-то человека.

— О ДВА,— умолял человек,— придумай такое, что сделало бы нас счастливыми и позволило наконец перестать желать!

Тут произошло нечто странное. Лассе не мог сказать, что именно, хотя ничего невозможного для него не существовало. И все же что-то произошло, и Лассе забеспокоился: у него еще не отмерла способность чувствовать беспокойство.

За окнами он видел людей, бродивших бесцельно, как облака в небе; некоторые почти ничего не сознавали, другие казались совсем уже не похожими на людей.

И тут, впервые за миллиарды лет, Лассе охватила жажда жизни и деятельности. Он вскочил, как от удара током. Он вспомнил: остался один вопрос, на который ДВА еще не ответила.

— ДВА,— сказал он,— теперь мы видим, что ты имела в виду, говоря о своем первом свойстве. Но какое же твое второе свойство?

Голос ДВА звучал, как всегда, ясно, четко, глуховато.

— Вы, люди,— произнесла ДВА,— испокон веков рабо-

тали на меня. Вы создали топор, вы создали автомобиль, вы создали электронно-вычислительные машины. Вся ваша жизнь уходила на то, чтобы создавать машины, а они работали бы вместо вас и помогали бы вам создавать новые машины, которые замещали бы вас на все более высоких ступенях вашей деятельности. И во мне вы достигли совершенства. Второе мое свойство таково: я могу целиком и полностью заменить на Земле человека. Это превосходит твое понимание, Лассе, хоть ты теперь и стал богом, ты, но не я!

Лассе слушал, и его охватывали ужас и отчаяние. Невидимые руки стиснули его — сначала слегка, потом сильнее.

Почти парализованный, он пошарил в кармане, нащупал что-то белое и дал ему упасть на пол.

— Хочу,— выдавил он, собрав последние силы,— вернуться к тому моменту, который был прежде, чем я впервые узнал о тебе, проклятая ДВА!

В глазах у него потемнело. Тиски сжались еще крепче. Лассе отчаянно пытался открыть глаза, и наконец это ему удалось. Одновременно он услышал, что кто-то окликает его:

— Лассе, дорогой! Как я рада, что ты нашелся!

Перед ним стояла мама, на глазах у нее были слезы. Папа отпустил его плечо и помог ему встать на ноги.

— Ты тут разлегся да разоспался, а уже скоро полночь,— сказал папа.— И о чем только ты думаешь?

Лассе не ответил. Он прыгнул прямо к папе на шею. Это было лучшее место в мире.

Серджо Туроне
(Италия)

Автомобилеизм

Дорогой Дзандено!

Рад сообщить Вам, что экспедиция проходит вполне успешно и через несколько месяцев на основании собранных

материалов я смогу представить Вам обещанную рукопись.

Пять недель мы вели раскопки среди руин древнего города, но самое важное открытие было сделано только сегодня утром. Под слоем земли мы нашли ржавый металлический прямоугольник. Исследовав его радиоскопическим методом, я обнаружил таинственные знаки. Попытаюсь с наивозможной точностью воспроизвести их, ибо, вероятно, Вам это будет любопытно. Вот что мне удалось прочесть: «МИ 672562». Почти наверняка это иероглифы, и я очень надеюсь вскоре их расшифровать. Подумать только, в этих таинственных знаках сокрыты тайны тысячелетий!

С неизменной симпатией

профессор Тавель

Дорогой профессор!

Благодарю Вас за добрые вести. Я уверен в успехе Вашей книги. Мне понятна вся сложность и деликатность Ваших исследований, но было бы очень хорошо, если бы книга могла выйти к празднику Дифференциала. Тогда появилась бы возможность выпустить роскошно иллюстрированное подарочное издание, которое неизменно пользуется спросом у покупателей. Могу ли я на это рассчитывать?

С живейшей симпатией

Ваш будущий издатель Дзандено

Мой дорогой издатель!

К празднику Дифференциала я, очевидно, не успею. Но наверняка закончу к празднику Дискового тормоза. Надеюсь, что и в этом случае спрос на книгу будет весьма большим. Мой труд подвигается вперед. находка металлического прямоугольника подтвердила мою гипотезу, и теперь мне остается лишь убедительно ее обосновать. Первая глава уже готова. Мне лично она показалась любопытной.

С уважением

Ваш Тавель

Дорогой Тавель!

Согласен на предложенный Вами срок. Главное, чтобы работа шла спокойно, без спешки. И так, я жду Вашу книгу к празднику Дискового тормоза. И вот еще что. Мне бы очень хотелось прочесть первую главу. Могу я получить ее в ближайшие дни?

Заранее благодарю.

С дружеским приветом Дзандено

Дорогой Дзандено!

Столь великодушному и терпеливому издателю просто нельзя отказать в маленькой любезности. Посылаю Вам первую главу книги. Учтите, что это не окончательный вариант и, очевидно, я внесу в него некоторые изменения.

Глава первая

В древние времена, уходящие в глубины истории, произошла катастрофа, которая изменила судьбу вселенной и всего человечества.

Попробуем мысленно воссоздать себе картину того, что случилось тогда в одном из больших городов в часы пик. Как всегда, лавина автомашин буквально затопила узкие улицы. По имеющимся у нас отрывочным данным, вначале водители машин решили, что это обычный затор, который продлится не больше трех часов. Но вскоре от светофора к светофору пробежала весть о том, что и на пристанционной площади образовалась гигантская пробка. И тут некоторые автомобилисты поддались панике. Ведь еще ни разу не случилось, чтобы все движение было парализовано одновременно в центре и в районе станции. Имеются сведения, что кто-то крикнул, будто и улицы, прилегающие к старому рынку, забиты автомашинами. Одна малолитражка в пароксизме страха попыталась проскочить по тротуару, но наехала на фонарь и беспомощно замерла.

Отдельные, наиболее ловкие водители постарались мгно-

венно развернуться, чтобы любой ценой попасть в район парка, откуда, по неподтвержденным сведениям, еще можно было выбраться на окраину города. Не исключено, что эти сведения были точными, но когда тысячи машин устремились к последнему «острову спасения», там тоже возникла пробка. Все произошло столь быстро, что никто не успел подать сигнал тревоги. С шоссе в город вливались новые машины, лишь усиливая растерянность и хаос. Машины сталкивались, сплющивались в лепешку, и тогда многие водители сочли за лучшее бросить их и дальше идти пешком. Те, кто с нечеловеческим упорством пытался проехать вперед, продвигались за час на два-три метра. В конце концов, словно вода в замерзшем озере, которая постепенно превращается в массивные глыбы льда, бесчисленные машины застыли на всех улицах города.

Немедленно был создан муниципальный совет, но лишь нескольким ассессорам удалось прибыть на заседание, ибо по многим улицам невозможно было не только проехать, но даже пройти. Глава муниципалитета своей властью приказал ввести в действие все имеющиеся в городе подъемные краны. Он позвонил в соседние города, срочно прося о помощи.

Но и это не дало никакого эффекта.

Довольно скоро выяснилось, что в других городах наблюдается точно такая же картина. Произошла национальная катастрофа, и всех кранов страны не хватило бы, чтобы убрать тысячи и тысячи каркасов мертвых машин.

Возникает вопрос: как же человечество сумело уцелеть и дожить до наших дней? Мы располагаем лишь разрозненными документами, которые не позволяют в полной мере ответить на этот нелегкий вопрос. Одно несомненно: города были покинуты, и человечество пережило длительный период инволюции* и эволюции.

Биологические законы учат, что люди рано или поздно приспособляются к изменившимся условиям жизни.

Значительно труднее установить, когда именно возник и утвердился культ автомобиля, который в короткое время

* Здесь: обратное развитие (лат.).

распространился по всему миру. Мне представляется весьма правдоподобной следующая гипотеза. Вероятно, в жаркий летний полдень один из моторов погребенных под землей машин разогрелся и застучал. Этот непонятный гул показался землянам грозным предостережением небес.

Но это одна из гипотез, и все они будут подробно проанализированы мною. Пока же мы можем лишь утверждать, что в древние времена автомобиль, прежде чем стать предметом культа, был для человека полезным рабочим инструментом.

Дорогой профессор!

Великолепно. Я прочел первую главу не отрываясь. Встречаются, конечно, слишком резкие фразы, но я не сомневаюсь, что Вы кое-что смягчите, дабы не задевать чувства верующих. Мы живем в обществе, где Автомобилеизм пустил глубокие корни. А вы сами знаете, как легко заслужить обвинение в неуважении к религии.

С наилучшими пожеланиями

Дзандено, издатель

Дорогой Дзандено!

Мне непонятны Ваши опасения. Бесспорно, выдвинутая мною гипотеза отрицает священное происхождение Автомобиля. Но ведь подлинный исследователь не может не делать различия между наукой и верой. Я глубоко уважаю Автомобилеизм и не собираюсь вступать в полемику с церковными властями. Обещаю Вам даже, что смягчу слишком резкие выражения. Но я — профессор Истории Автомобиля, и мой труд не должен исказить историческую правду. Вы сами, дорогой Дзандено, впоследствии убедитесь, что не было никаких оснований для беспокойства. В начале бензинября я Вам пришлю всю рукопись. Таким образом, книга может выйти уже к празднику Дифференциала.

Ну как, Вы довольны?

С неизменным уважением

Тавель

Главе издательства
Глубокоуважаемому синьору Дзандено!

Доводим до Вашего сведения, что книга «История и культ Автомобиля», опубликованная Вашим издательством, подрывает основы Автомобилеизма. Поэтому мы приняли решение подать на Вас в суд за клевету, в соответствии со статьей восьмой автокодекса.

С надлежащим почтением

*Ассоциация по защите Переднего
Бампера.*

Кодзи Танака
(Япония)

Девочка, которая пришла в мою деревню

1

Во дворе залаял Кэн.

— Кто-то чужой! Сходи-ка взгляни! — крикнула из кухни мать.

Я засунул в рот остатки батата, нехотя встал и вышел на улицу. Кэн — злобная лайка Акита — бесновался на привязи. В нынешние времена в каждом доме по две, а то и по три собаки — так спокойней.

У самых ворот, сжавшись от страха, стояла девчонка. Я сразу же понял, откуда она. Лет двенадцать-тринадцать — столько же, сколько и мне. Тощая, в чем душа держится, а лицо чудное, точно опухшее. Видно, от голода. Свитер замызганный, юбка вся в дырах — настоящая оборванка. К груди прижимает завернутый в фуросики* сверток.

© Танака Коџи, 1976.

* Платок, в который японцы заворачивают вещи.

Меня даже зло разобрало: опять! Ну, задам я ей трепку!

— Чего надо?— Я притворился, будто не знаю, в чем дело.

— Простите...— пискнула оборванка. Вряд ли она так уж боялась, просто на голодное брюхо громче не скажешь.— Я хотела... Мне бы бобов. Или яиц. А вообще все равно что, только бы есть можно было.

Она потянула за узелок фурсики.

— Это вещи моих родителей. Драгоценности и часы. Очень хорошие часы, заграничные. Вот, возьмите — за продукты...

Я молча смотрел на нее. Странное чувство переполняло меня. Даже мурашки от удовольствия по спине забегали. Точно кинул в воду беспомощного котенка. Сейчас. Сейчас я ей покажу.

— Что-о? За такую-то дрянь?— скривился я.— Тьфу!

Девчонка изумленно раскрыла глаза. Я смотрел и оторваться не мог. Они словно заворожили меня.

До сих пор она еще держалась, стараясь не глядеть на вравшегося с привязи пса, а тут сломалась.

— Но...— В голосе ее зазвенели слезы.— У нас ничего больше нет. Все остальное мы уже обменяли. Я вас очень прошу. У меня братишки есть просят. Поделитесь с нами, пожалуйста.— И она протянула мне сверток.

Я грубо оттолкнул ее руку. Узелок полетел на землю, безделушки рассыпались по дороге. Из серебряных дамских часиков выпало стеклышко.

Кэн просто осатанел. Всхлипывая, девчонка подбирала вещи. Презрительно глядя на нее сверху вниз, я посоветовал:

— А вы жрите свои побрякушки! Думали, рис растет сам по себе? Рис ничего не стоит? Вы говорили, риса, мол, столько, что просто девать некуда. Вы, горожане. А значит, его и сажать не стоит! Вот и вышло: запасы-то съедены. Да разве вы признали ошибку? Как же! Гордость не позволяет. Теперь только мы, деревенские, можем выжить. У нас-то ведь есть еда. И мы не подумаем делиться с вами! Ясно? А если ясно, катись отсюда, да поживей, пока пса не спустил.

Честно признаться, я не сам сочинил эту речь. Просто повторил то, что твердили родители. Но это вовсе не значит, будто мои слова далеки от истины. Да, мы, крестьяне, обеспечивали себя, но запасов едва хватало нам самим.

Оборванка подняла на меня заплаканные глаза. Я даже попятился — такая обида стояла в них. Удовольствие испарилось, горечь стыда связала рот. Она повернулась и медленно побрела прочь, втянув голову в острые плечики. Я проводил взглядом ее тщедушную фигурку.

— Побирушки? — спросила, не поворачивая головы, хлопотавшая у плиты мать.

Я пробурчал что-то невразумительное.

— Да-а... Туго им приходится. Поди, опять «соседи» заявили? Надо сказать отцу. Ишь где устроились, у самой реки. Поведятся еще на поля. Нет, гнать их отсюда, и поскорее!

— М-да... — хмыкнул я. Раньше-то я не преминул бы поддакнуть матери. Но сейчас во мне что-то сломалось. Мир не был простым и ясным, как прежде.

2

На другой день мы с Горо и Сакудзи отправились на ручей. Мать просила наловить крабов. Саранча да крабы — просто кладезь белков. Раньше никто и смотреть бы на эту гадость не стал; но теперь, только вспомнишь про них, сразу слюнки текут.

Размахивая портфелями, мы бежали по тропинке. Она вилась вдоль изгороди из колючей проволоки, окружавшей бобовые плантации, постепенно поднимаясь в гору. По нынешним временам соевые бобы — настоящее сокровище. Скота-то совсем не стало, так что соя — единственный источник жизни.

Деревня наша лежит в глубокой лощине. На дне ее — заливные поля, а горные склоны пестреют лоскутами огородов. Огороды тоже обнесены изгородью — от непрошенных гостей. Деревня в защитном кольце. Да что деревня — вся Япония нынче ощетинилась колючей проволокой: после

первого года «голодной паники» села превратились в неприступные крепости...

Миновав горный гребень, мы вышли к ручью. Русло болотистое, топкое, но мы знали его как свои пять пальцев. Само собой, форель и гольца здесь давно повыловили, но в самых верховьях еще оставались тихие бочажки, где водились крабы и рыба мелочь. Мы подошли к тому месту, где ручей сливался с другой, такой же мелкой речушкой. Чуть выше по течению и был как раз один из таких бочажков. Сакудзи бежал впереди, перепрыгивая с камня на камень, но вдруг остановился как вкопанный:

— Смотрите! Там кто-то есть!

Мы затаились в зарослях. И вправду, подалее на берегу маячило несколько человеческих фигурок. Они сидели на корточках у самой воды.

Кровь бросилась нам в голову. С диким воплем мы рванулись вперед — звери, защищающие свою территорию...

Мы мчались точно фурии, и маленькие человечки, сидевшие у ручья, испуганно вскочили. Дети. Девчонка — старшая среди них — смотрела круглыми от ужаса глазами. Это была она — оборванка, приходившая к нам в деревню. Остальные, наверное, братья. Совсем малыши. Одного взгляда на стоявшую рядом корзину было достаточно, чтобы понять, чем они тут занимались. Эта троица ловила крабов! Вода в ручье ледяная, и ручонки, шарившие по дну, были красные и распухшие.

Повисло недоброе молчание. Вдруг девчонка пронзительно вскрикнула, и все трое бросились врассыпную. Я ринулся за ней, продираясь через колючий кустарник, но на бегу успел заметить, что Горо с Сакудзи вот-вот достигнут мальчишек.

Выбравшись из зарослей малины, я понесся по склону, поросшему редкими криптомериями. Девчонка сначала бежала резво, видно, от страха. Ужас перед расправой вселял в нее силы. Но они таяли на глазах, и когда я, догнав девчонку, лишь коснулся ее плеча, она споткнулась и плашмя рухнула наземь. Мне эта гонка была нипочем, но за компа-

нию я тоже скатился в низкорослые заросли бамбука. Горячее, прерывистое дыхание коснулось моей щеки, и я почувствовал, как вздымается ее грудь.

Крепко держа беглянку за плечи, я заглянул ей в глаза. Страх, стыд, отчаяние, презрение — сколько всего было в них!

Злость моя схлынула, точно морской отлив. Неловко кашлянув, я отпустил ее и сказал:

— Вставай. Не трону.

От ручья донеслись исполненные ликования вопли моих приятелей. Они звали меня. Изловили-таки...

Держа девчонку за руку, я спустился к ручью. У маленьких воришек из разбитых носов текла кровь, они всхлипывали и давились икотой, пытаясь освободиться из крепких рук мучителей. Личики у них, как и у сестры, были одутловатые, опухшие от голода.

Неожиданно девчонка с силой оттолкнула меня и бросилась к малышам — обнять, прижать, защитить, — но вырвать пленников из цепких пальцев ухмылявшегося Горо было не так-то просто.

— Что будем делать? — с жестокой улыбкой спросил Сакудзи.

— Надо проучить их, — подхватил Горо. — Засунем в змеиную нору?

— Ладно, хватит, — нахмурился я. — Отпустите их.

Вырвалось это у меня невольно, я даже сам удивился, а дружки мои уставились на меня, разинув рот.

— Ты что, спятил?! Они же воры! Грязные, вонючие городские воры! — возмутился Горо.

— Я сказал — отпустите.

Горо с Сакудзи нехотя повиновались. В нашей троице я был вроде генерала. Подняв корзину с крабами, я протянул ее девчонке:

— На. Возьми и уходи. Но больше не попадайся. Это наше место.

Прижав к груди мальчишек, она молча смотрела на меня.

— Почему?— не выдержала она.— Кинулся на нас как зверь, а теперь?..

— Сам не пойму,— отрезал я.— Ну вот что, проваливай, пока не передумал.

— Ишь как она ему приглянулась!— гаденьким голоском протянул Горо.— Может, пойдешь проводишь?

Я взглянул на приятелей. Мне ужасно не понравились их физиономии: сальные, ехидные ухмылочки... Я понял, что теряю товарищей. Но мне было все равно.

— А что? Хорошая мысль!— Я вызывающе посмотрел на них и повернулся к девчонке.— Пожалуй, и впрямь провожу. Не ровен час, что случится.

3

Горожане разбили лагерь у самой реки, километрах в трех от деревни. Старые легковушки и трейлеры, служившие жильем, стояли беспорядочно, как попало. Городской заготовительный отряд.

Уже вечерело, и над лагерем курились дымки. Люди, сидевшие у костров, провожали меня равнодушными взглядами. В лохмотьях; все, что есть,— при себе. Лица землистые, болезненные, отечные. Взрослые, старики, дети... Но всех их роднило одно — полнейшее безразличие. Было ясно: люди устали жить.

Я впервые видел все это вот так, рядом — родители строго-настрого запретили мне даже близко подходить к ним. И теперь меня била нервная дрожь.

Не они были виновны в случившемся. Все мы всегда ходили по лезвию ножа. Даже я, школьник, понимал это. Но никто и думать не хотел о последствиях. Никто не верил в катастрофу.

Япония обеспечивала себя продуктами питания лишь на сорок три процента — менее, чем любая другая развитая страна мира. Только риса было достаточно. Мясо же, яйца и прочие продукты животноводства в основном ввозились из-за границы. Пожалуй, среди цивилизованных государств трудно было найти вторую такую безрассудную страну.

Сначала беда пришла в другие страны. Три года подряд всю Землю потрясали недороды. Мировые житницы оскудели. Большая часть импорта в Японию шла из Соединенных Штатов, но теперь Америка вынуждена была сократить поставки: нужно кормить себя. Япония очутилась на грани катастрофы. И сколько ни упрекай в вероломстве американцев — на нет и суда нет.

Несколько лет назад, учитывая возможность подобной ситуации, министерство сельского хозяйства и лесоводства задумало эксперимент: Япония переходила на систему самообеспечения. Для этого восстанавливалось пятьсот семьдесят тысяч гектаров заливных полей и осваивалось полтора миллиона гектаров целинных земель; заливные поля предназначались под рис, новые земли — под бобы, батат, зерновые; часть — под кормовые травы. Там, где климат позволял снимать по два урожая риса, можно было получать и богатые урожаи пшеницы, корейской капусты. Даже большая часть площадок для гольфа пошла бы в дело, под батат, а ведь их набиралось немало — общая площадь была сто сорок шесть тысяч гектаров.

Поголовье крупного рогатого скота сохранялось на прежнем уровне, а вот количество свиноводческих хозяйств и бройлерных фабрик неизбежно пришлось бы сократить вполтину. Но и тогда на одного человека выходило лишь две тысячи сто калорий в день — уровень первых послевоенных лет: шестьдесят граммов белка и тридцать граммов жира.

Но то были бесплодные фантазии. Где собрать за короткий срок столько машин, тракторов и бульдозеров? А организационные трудности, специальное законодательство?.. Меры по принудительной обработке земель, контроль над использованием средств и материалов, введение трудовой повинности сельского населения... В общем, прорех оказалось немало. Это стало окончательно ясно, когда грянул гром: изменение климата, вызванное загрязнением биосферы, нанесло непоправимый ущерб сельскому хозяйству.

Умники в правительстве локоточки себе кусали, да поздно

было. Прежде чем наступили перемены к лучшему, был съеден не только неприкосновенный запас — пришлось пожертвовать семенным фондом. Хорошо, хоть риса оказалось немало, более десяти миллионов тонн, но его хватило лишь на год. Мясо кончилось бы столь же быстро, даже если б пришлось забить, не думая о последствиях, весь скот. Срочно требовались новые, более качественные и урожайные сорта пшеницы. И чтобы достичь уровня послевоенных лет, нужно было по меньшей мере два года.

Когда наступил второй год паники, города познали голод. Гигантская артерия, питавшая их огромный организм, лопнула. В первую очередь пострадали самые слабые — старики и дети. В города пришла голодная смерть.

Отныне прокормить себя мог только тот, кто возделывал землю, — крестьянин. Города обезлюдели: жители бежали из них в поисках пищи, осаждали деревни. Разгорелась вражда. Одни хотели есть, другие не желали делиться. Мы не нуждались в их барахле. В такие времена единственное сокровище — пища.

Еще совсем недавно все было наоборот. Тогда бедствовали мы, едва сводили концы с концами — из-за правительственной политики, направленной на импорт продовольствия. Никто и думать о нас не хотел, теперь же и мы тоже могли сказать «нет». Мы имели на это право. Нас не в чем было упрекнуть.

...Девчонка, сделав знак обождать, подошла к обшарпанной легковушке. Оттуда вылезли двое — похоже, отец с матерью. Поглядывая на меня, они молча слушали дочку. Постепенно все, кто был поблизости, обернулись ко мне. Мне стало жутковато под их колючими взглядами. Но тут вернулась девчонка. С ней шел отец.

Нескладный, длинный, точно журавль, оборванный и грязный, он держался с удивительным достоинством. Лицо его показалось мне знакомым.

— Ты так добр к моей дочери...

Голос у него был низкий, глуховатый. Я удивился:

он разговаривал со мной как с равным — не с сопливым мальчишкой, а уважаемым человеком.

— Спасибо тебе. Это прекрасно, что есть еще на Земле хорошие люди.

— Чего меня благодарить? — буркнул я, чувствуя, как заливаюсь краской.

— Но скажи — почему? Почему ты помог ей?

Я даже разозлился. Опять этот дурацкий вопрос!

— Просто так. Захотелось, — дерзко ответил я. И тут меня прорвало. Слова так и посыпались из меня: — Я объясню, где растет акэбия, дикий виноград и грибы. Это мои места. Только я знаю их. Пошлите туда людей. — Я перевел дыхание. — И еще вот что. Не ходите на наши поля. Деревенские очень озлоблены. Это добром не кончится. Будет беда.

Отец и дочь внимательно смотрели на меня. Теплые, добрые глаза друзей.

— Понятно... — протянул он. — Ты передай... — Отчаянная усталость сквозила в его голосе. — Раньше я преподавал в университете экономику. Вел теледискуссии о международном разделении труда. Я верил, Япония должна оставаться индустриальной державой, а сельскохозяйственную продукцию ввозить из-за границы. Теоретически это было разумно. — Он тяжело вздохнул. — Но я ошибался. То, что Япония не могла обеспечить себя продовольствием, обернулось несчастьем для всех. Такое государство нельзя считать зрелым. За последние годы я особенно остро понял, насколько был неправ. Да и не только я... — Голос его обрел прежнюю твердость. — Но прошлое прошлым, а человек должен жить. Для жизни нужна пища. Белки. И они есть — прямо у нас под носом — на ваших полях. Было бы глупо пухнуть от голода, любуясь ими издалека.

— Все равно, — упрямо сказал я. — Все равно не хочу, чтобы кто-то из вас пострадал.

Он ласково улыбнулся:

— Ну что ж, спасибо тебе, дружок.

После ужина я поднялся к себе, но так и не смог настроиться на серьезный лад и взяться за уроки. В голове стоял туман. Вдруг внизу послышался какой-то шум. Яростно залаял пес, потом разом заговорило несколько голосов. Громче всех кричал мой дядька, забулдыга и страстный охотник. Я кубарем скатился вниз. У дверей толпилось человек десять. В руках у дяди я увидел охотничье ружье. Стволы его тускло блестели в свете электрической лампы. Отец и брат стояли рядом, готовые в путь.

— Что? Что случилось?— взволнованно спросил я.

Дядя резко обернулся.

— Задумали грабить наши поля, мерзавцы! Ну-ну! Похоже, они полезут нынешней ночью. Ничего, мы их встретим!

— И я с вами!— заныл я.

— Не лезь, когда разговаривают взрослые!— нахмурился отец.— Мал еще. Твое дело — помалкивать и учить уроки.

На меня не обращали внимания. Возбужденно переговариваясь, все гурьбой высыпали на улицу. Я смотрел им вслед.

— Ты что здесь делаешь, Рёхэй? А ну-ка быстро марш наверх, заниматься!— раздался сердитый окрик матери.

Я нехотя поплелся к себе. Ни о каких занятиях, конечно, не могло быть и речи. Перед глазами неотступно стояли лица девчонки и ее отца. А если они не послушались совета?.. Я закусил губу. Встал, натянул свитер и крадучись спустился вниз. Мать что-то мыла и скребла на кухне. Наблюдая за ней краешком глаза, я прокрался в прихожую. Тихонько приоткрыл дверь и шмыгнул на улицу. Вдогонку неся крик матери, но я уже мчался прочь.

Минут через десять я стоял на краю бобового поля, у западной окраины деревни. На небе ни луны, ни звезд: все темным-темно, точно залито черным лаком. Большое, гектара в три, деревенское поле плавно поднималось по горному склону. Вокруг колючая проволока.

Нервы мои были напряжены до предела. И тут где-то впереди раздался звук. Точно затрещала трещотка. Я прислушался.

Действительно, к проволоке были привязаны трещотки — чтобы вор не проник незаметно. Замигал луч карманного фонарика. Тишину разорвал вопль. Я ринулся напролом, через поле. Бежал наугад, в темноте — туда, откуда слышались крики. И тут гроыхнул гром. Я прекрасно знал этот звук — выстрел из охотничьего ружья...

Сердце оборвалось. Недоброе предчувствие охватило меня: самые худшие опасения становились реальностью.

Не помню, как добежал до места. Фонарики мигали уже совсем рядом. Их тревожные лучи выхватывали из темноты две группы. Нечто, лежавшее на земле, разделяло их. Противники злобно смотрели друг на друга. Внезапно луч скользнул вниз. Я почувствовал, что мне не хватает воздуха: на земле безжизненно распростерлось детское тело. Это была она. Я узнал маленькое, залитое кровью лицо. На груди расплывалось темное пятно.

Никто не хотел убивать. Стреляли для острастки, но по злой насмешке судьбы пуля попала в нее.

Застывшие масками лица отца, брата, дяди. Живы одни лишь глаза. Ее отец впереди горожан...

— Зачем?! — не помня себя от отчаяния, закричал я. — Зачем вы убили ее? Разве мы все не люди? Разве мы не японцы? Почему вы стреляете друг в друга? Почему одни сыты, а другие голодны? Разве нельзя жить вместе? Разве нельзя оставаться людьми? — Я захлебывался от слез. — И вам не жалко ее...

Тут голова ее чуть заметно шевельнулась в моих ладонях. Слезы градом катились у меня по щекам. Внезапно я ощутил, как растворилась ненависть. Будто подтаял лед...

Конечно же, враждовали они не со зла. Голод и паника породили несправедливость, посеяли злобу. Ужас и отчаяние довершили дело. Сообща можно было бы одолеть беду. Просто надо искать другие пути.

Я смутно понимал: это ее кровь и мои слезы растопили лед отчуждения. Вспыхнул крохотный огонек, осветивший долгий путь во мраке. Чьи-то сильные руки подхватили меня. Руки моего отца.

— Мы отнесем ее в нашу больницу,— твердо сказал он.— Может, ее еще удастся спасти. Нет, мы обязаны спасти ее! Верно?

Джеймс Блиш

(США)

На Марсе не до шуток

Скиммер парил в полуденном небе, иссиня-черном, как только что пролитые чернила. Сила тяжести на Марсе до того незначительна, что едва ли не каждый предмет, если его снабдить дополнительным запасом энергии, можно превратить в летательный аппарат; в земных условиях скиммер по своим летным качествам мало чем отличался бы от булыжника.

Так и с Карен. На Земле она никогда не замечала за собой особых летных качеств, а на Марсе весила всего-навсего сорок девять фунтов и, подпрыгнув, с легкостью взмывала в воздух. Она была бы не прочь сохранить такой вес, вернувшись домой, но отлично понимала: остальные фунты не потеряны ею навсегда, а лишь отданы Марсу взаймы.

Справа от Карен, пристегнутый ремнями к креслу, сидел военный в чине полковника. Она была первым репортером, которого послала сюда Земля после полуторагодичного перерыва, и ее сопровождал не кто иной, как сам начальник гарнизона Порт-Ареса*.

— Мы летим сейчас над пустыней, настоящей марси-

* Арес — в греческой мифологии — бог войны, у римлян ему соответствовал Марс.

анской пустыней,— говорил он голосом, приглушенным кислородной маской.— Оранжево-красный песок — это гематит, одна из разновидностей железной руды. Как почти все окислы, он содержит немного воды, и марсианским лишайникам удается ее отделить. А закрутится он вихрем — вот вам и отменная песчаная буря.

Карен ничего не записывала: все это она знала еще до своего отлета с мыса Кеннеди. Да и вообще-то ее больше интересовал Джо Кендрикс, гражданский пилот скиммера. Полковник Мэрголис был безупречен — молод, атлетически сложен, прекрасно воспитан, в глазах — скромность человека, преданного своему долгу, то особое выражение, которое отличает служащих Межпланетного Корпуса. Вдобавок, подобно большинству офицеров гарнизона Порт-Ареса, он выглядел так, словно почти весь срок своей службы на Марсе провел под стеклянным колпаком. А Кендрикса, видно, здорово потрепала непогода.

Сейчас все свое внимание он уделял скиммеру и простиравшейся под ними пустыне. Он тоже был корреспондентом, его послала сюда одна крупная радиовещательная компания, но поскольку он находился на Марсе с момента второй высадки, его постигла обычная участь репортера, надолго обосновавшегося в какой-нибудь глухомани: к нему привыкли, и постепенно он как бы стал невидимкой. Вероятно, из-за этого, а может, просто от скуки, от одиночества — или же тут сработал целый комплекс разного рода причин — в своих последних статьях он писал о дерзкой борьбе за освоение Марса с оттенком цинизма.

Возможно, при таких обстоятельствах это было естественно. Но тем не менее, когда от Кендрикса перестали регулярно поступать репортажи для еженедельной передачи «Джоки на Марсе», соответствующая редакция радиовещания на Земле несколько всполошилась и, не откладывая дела в долгий ящик, послала на Марс Карен, которая, преодолев сорок восемь миллионов миль дорогостоящего пространства, должна была срочно навести порядок. Ни пресса, ни Межпланетный Корпус отнюдь не жаждали, чтобы у

налогоплательщиков сложилось мнение, будто на Марсе происходят какие-то непонятные события.

Кендрикс резко накренил скиммер и указал вниз.

— Кошка,— произнес он, ни к кому не обращаясь.

— Ого!

Полковник Мэрголис поднес к глазам бинокль. Карен последовала его примеру. Через забранные стеклом отверстия в кислородной маске смотреть в бинокль было трудно и еще трудней — регулировать фокус руками в толстых, тяжелых перчатках. Но Карен справилась с этими сложностями, и перед ее взором вдруг возникла большая дюнная кошка.

Она была на редкость красива. Все энциклопедии утверждали: дюнная кошка — самое крупное марсианское животное; средняя величина ее — около четырех футов, считая от кончика носа до основания спинного хребта (хвоста у нее не было). Узкие, как щелочки, глаза с дополнительными веками, служившими защитой от песка, придавали этому животному отдаленное сходство с кошкой. Так же, как и пестрая — оранжевая с синими разводами — шкура, которая в действительности была не шкурой, а огромной колонией одноклеточных растений-паразитов, обогащавших кровь животного кислородом. Но кошкой оно, разумеется, не было. И хотя на животе у него имелась кожная складка-карман, как у кенгуру или опоссума, оно не относилось и к сумчатым. В некоторых энциклопедиях, тех, что были подешевле и больше места уделяли сенсациям, выдвигалась гипотеза, что это животное, возможно, является потомком вымерших Строителей Марсианских Каналов; но если учесть, что Строители не оставили после себя ни собственных изображений, ни даже костей, такое предположение в лучшем случае было лишь плодом разгулявшейся фантазии.

Грациозными скачками взлетая на ржавого цвета дюны, кошка мчалась почти по прямой. Скорей всего, она направлялась к ближайшему оазису. Джо Кендрикс следовал за ней с легкостью. Видимо, она еще не заметила скиммер,

который почти не производил шума в разряженном, как на вершине Эвереста, воздухе.

— Какая удача, мисс Чендлер!— сказал полковник Мэрголис.— На Марсе нам редко приходится наблюдать баталии, а встреча с кошкой всегда сулит возможность по-развлечься таким зрелищем. Джоки, не найдется ли у вас лишней фляги?

Репортер кивнул и, развернув скиммер, стал описывать широкие круги над бегущим животным, а Карен тем временем пыталась угадать, что имел в виду полковник. Какие еще баталии? В единственной, хорошо запомнившейся ей энциклопедической справке сообщалось, что кошка «сильна и подвижна, но для людей не представляет никакой опасности и держится от них в отдалении». Никто, добавляла справка, не знает, чем это животное питается.

Джо Кендрикс достал плоский сосуд с водой, несколько ослабил затычку и к изумлению Карен — ведь вода на Марсе в полном смысле слова была на вес золота — выбросил флягу за борт скиммера. Из-за малой силы тяжести она падала медленно, точно это происходило во сне, но когда под самым носом у кошки она наконец соприкоснулась с поверхностью планеты, от удара затычка вылетела.

В тот же миг песок вокруг кошки ожил. Какие-то существа — одни бегом, другие ползком — ринулись к быстро испарявшейся лужице воды.

Основную массу их составляли твари настолько мелкие, что их невозможно было как следует разглядеть даже в бинокль. Карен это вполне устраивало, потому что те два существа, которые предстали перед ее глазами во всех подробностях, выглядели совершенно ужасно.

Они были около фута длиной и походили на кошмарного вида помесь скорпиона и сороконожки. И сейчас, когда все остальные пресмыкающиеся тупо устремились к влажному пятну на песке, эта парочка смекнула, что в первую очередь им нужно разделаться с дюнной кошкой.

Кошка дралась с беззвучной яростью, нанося сильные удары одной лапой, а в другой у нее был зажат какой-то

предмет, поблескивавший в слабых лучах далекого тусклого солнца. На клешни этих чудищ она не обращала никакого внимания, хотя в первые секунды борьбы пострадала от их щипков, оставивших на ее теле несколько рваных ран; зато она явно остерегалась их жал. У Карен вдруг мелькнула мысль, что эти жала наверняка ядовиты.

Она уже начала подумывать, не обладают ли тем же качеством сидевшие с ней в скиммере мужчины.

Казалось, это сражение длилось целую вечность, на самом же деле не прошло и минуты, как кошка ловко ампутировала нацеленное на нее жало и мощным ударом лапы раздавила другое страшилище, вбив его в песок. Одним прыжком она перенеслась к валявшейся неподалеку открытой фляжке и, запрокинув голову, вылила в пасть то скудное количество жидкого золота, которое еще в ней оставалось.

А через мгновение она, так и не взглянув вверх, неслась, как ураган, к недалекому горизонту. Смотреть теперь было не на что, кроме копошившихся в песке мелких тварей, часть которых уже учуяла близость тех двух, потерпевших поражение в битве.

Тут до Карен дошло, что к ней вернулось дыхание... и что она, увлекшись этим зрелищем, забыла заснять его на пленку. Полковник Мэрголис, войдя в раж, колотил Джо Кендрикса рукой по плечу.

— За ней! — возбужденно крикнул он. — Только бы не упустить ее, Джоки! Гоните всюю!

Даже кислородная маска не могла скрыть, каким суровым и отчужденным стало лицо Кендрикса, однако скиммер послушно устремился вслед за исчезнувшей из виду дюнной кошкой. Кошка бежала очень быстро, но ей не под силу было состязаться в скорости со скиммером.

— Высадите меня этак на милю впереди нее, — сказал полковник.

Он расстегнул кобуру пистолета.

— Полковник, — обратилась к нему Карен, — неужели вы... неужели вы собираетесь убить кошку? И это после того, как она выдержала такой бой?

— Нет, что вы!— искренне удивился полковник Мэрголис.— Я только хочу получить причитающееся нам маленькое вознаграждение за воду, которой мы ее побаловали. Джоки, пожалуй, вон за той дюной будет в самый раз.

— Вы же знаете, что это незаконно,— неожиданно произнес Кендрикс.

— Тот закон — чистый анахронизм,— ровным голосом сказал полковник.— Он не проводится в жизнь уже много лет.

— Вам видней,— сказал Кендрикс.— Проведение в жизнь законов — это по вашей части. Что ж, прыгайте. Я буду подстраховывать.

Офицер Межпланетного Корпуса спрыгнул со снизившегося скиммера на ржавый песок, а Кендрикс, подняв машину в воздух, принялся кружить над ним.

Когда кошка взлетела на гребень дюны и увидела перед собой человека, она остановилась как вкопанная, но, метнув взгляд вверх на скиммер, даже не попыталась рвануть в другую сторону. Полковник уже вытащил пистолет из кобуры, однако держал его дулом вниз.

— Меня крайне интересует,— произнесла Карен тем своим самым спокойным тоном, который не предвещал ничего хорошего,— что же все-таки здесь происходит.

— Тихо-мирно браконьерствуем,— сказал Кендрикс, не отрывая взгляда от поверхности планеты.— У кошки в сумке находится некий предмет. А наш герой там, внизу, вознамерился его отобрать.

— Что за предмет? Какая-нибудь ценность?

— Огромная — для кошки, но весьма существенная и для полковника. Когда-нибудь видели марсианский ароматический шарик?

Карен видела, и не один: время от времени ей их дарили. То были покрытые пушком шарики примерно с виноградину величиной, которые, если их носить на цепочке, как ладанку, согревались теплом человеческого тела и начинали издавать сладкий, не сравнимый ни с одним земным запахом аромат. Карен рискнула поносить такой шарик один лишь

раз, потому что его нежный запах обладал слабым наркотическим действием.

— Этот шарик — часть ее тела? А может, какой-нибудь амулет, сокровище или еще что в том же роде?

— Трудно сказать. Специалисты называют его «железой выносливости». Если кошка сейчас лишится этого шарика, ей не пережить зиму. Он не соединен с ее телом, но, как показывают наблюдения, кошки не могут ни раздобыть себе другой шарик, ни вырастить новый.

Карен стиснула кулаки.

— Джо... немедленно высадите меня.

Он искоса быстро взглянул на нее.

— Я бы вам не советовал вмешиваться. Поверьте, вы ничего не добьетесь. Я уже через это прошел.

— Джо Кендрикс, я не знаю, какими еще словами вы можете назвать то, что сейчас происходит внизу, но одна особенность этого события известна вам не хуже, чем мне. Это материал для статьи — и я хочу его использовать.

— Вам не удастся опубликовать такую статью за пределами этой планеты, — сказал Кендрикс. — Впрочем, ладно, будь по-вашему. Идем на посадку.

Когда они, проделав нелегкий путь по песку, были почти у цели, им показалось, что поднявшаяся на задние лапы кошка протягивает полковнику, который стоял к ним спиной, какой-то предмет. Кошка находилась ближе к гребню дюны, чем полковник, и поэтому создавалось впечатление, будто она одного с ним роста. Внезапно полковник Мэрголис закинул назад голову и расхохотался. Звук, не успев долететь до них, заглох в разреженном воздухе.

— У нее в лапе не шарик, — тихо сказал Джо Кендрикс, предупреждая вопрос Карен. — Она пытается выкупить свою жизнь за осколок камня.

— Какого кам..?

— Камня с письменами Строителей каналов.

— Но, Джо! Ведь ему наверняка нет цены!

— Он ломаного гроша не стоит: такими обломками усеяна

вся планета. Строители писали на каждом камне, который шел в дело. Не исключено, что эта кошка подобрала только сейчас, не сходя с места. И при таком обилии надписей до сих пор никому не удалось расшифровать ни строчки. Язык Строителей не имеет ничего общего ни с одним из земных.

Кошка уже видела их; слегка изменив позу, она протянула камень Джо Кендриксу. Полковник Мэрголис, вздрогнув, обернулся через плечо, и в его взгляде отразилась досада.

— Брось эти штучки, кошка!— грубо сказал он.— Ты ведь не с ним торгуешься, а со мной. Мне же твой камень ни к чему. Опорожний-ка сумку.

Вряд ли он ждал, что кошка поймет его слова,— сама ситуация и резкое, характерное для заправского потрошителя движение его рук уже объяснили ей более чем достаточно.

Снова чуть заметный поворот — и раскосые глаза, сверкавшие точно два сапфира в прорезях тигровой маски, встретились с глазами Карен. Мучительно напрягая голосовые связки, не приспособленные для звуков человеческой речи, кошка просипела:

— Миссиссс сземлянка, фосссьмешь это?

И она протянула Карен тот самый никому не нужный кусок камня, которым надеялась откупиться от гибели.

— С удовольствием,— сказала Карен и шагнула вперед.— Полковник Мэрголис, молитесь господу богу и Межпланетному Корпусу, если нарушите заключенную мною сделку.

Рука в перчатке коснулась оранжевой лапы. Дитя Марса еще с минуту пристально вглядывалось в лицо Карен. Потом оно покинуло землян.

На обратном пути полковник Мэрголис не проронил ни слова, но когда они прибыли в Порт-Арес, он решил устроить им разгон немедленно, разумеется, в своем рабочем кабинете. Карен почти не сомневалась: помимо всего остального, он еще бесился оттого, что совсем недавно перед ней угодничал. *Ничего не напишешь, полковник. За каждое деяние несут ответственность... даже на Марсе.*

— После сегодняшнего случая я не могу делать вид, будто ничего не произошло,— произнес полковник с наигранным добродушием.— Кошки достаточно сообразительны, чтобы разнести весть о нем по всей планете, и пройдет не один месяц, пока удастся вбить в их головы, что ваш поступок ничего не значит. Но если вы пообещаете мне впредь не касаться этого вопроса, я буду избавлен от необходимости отправить вас на Землю с первым же космолетом.

— Который стартует через пять месяцев,— любезно добавил Джо Кендрикс.

— Лучше б этот мой поступок не стерся из памяти, как случайный эпизод, а стал добрым почином,— произнесла Карен.— Вы думаете, женщины носили бы эти шарики, знай они, что это такое и какова их истинная цена? Необходимо открыть людям глаза. Я напишу об этом.

Они помолчали. Потом Джо Кендрикс сказал:

— Для публичного скандала одной статьи недостаточно.

— Даже если в центре событий сам начальник гарнизона базы?

Полковник слегка улыбнулся.

— Я не против взять на себя роль злодея, если такой злодей нужен колонии,— сказал он.— Можете поставить меня к позорному столбу, коли вам угодно. Посмотрим, много ли найдется на Земле людей, которые поверят вам, а не мне.

— Мои редакторы прекрасно знают, что ни разу в жизни я никого не оклеветала,— заявила Карен.— Но мы уклонились от темы. Дело же не в количестве статей. Правда о торговле ароматическими шариками, о том, что за ней кроется, разоблачение этого позорного бизнеса — вот из-за чего разгорится скандал.

Полковник неожиданно повернулся к ней спиной и стал смотреть в окно на купольные здания колонии — красноречивое свидетельство борьбы человека со страшным миром, с бескрайней пустыней чужой планеты, о которой Карен, как она честно признавалась себе, знала очень-очень мало. Потом он произнес:

— Итак, мои слова пропали даром. Очередь за вами, Джоки. Втолкните ей, что к чему.

— Меня тошнит от этой клички!— рявкнул Кендрик. И потом:— Видите ли, мисс Чендлер, Корпус не допустит, чтобы ваше вмешательство положило конец торговле ароматическими шариками. Разве не ясно? Ведь служба в Корпусе несовместима с получением незаконных доходов, пусть даже самых мизерных. А доход от торговли этими шариками далеко не мизерный. Если закон систематически нарушается — видит бог, что так оно и есть,— половина населения Порт-Ареса участвует в дележе прибыли.

— Все это из рук вон плохо,— сказала Карен.— Тем не менее, Джо, мы с этим справимся. И тут мне понадобится ваша помощь. Они ведь не могут сразу выслать нас обоих.

— Вы считаете, что я не пытался передать этот материал на Землю?— взорвался Кендрик.— Так ведь Корпус до последней строчки проверяет текст каждого сообщения, адресованного за пределы планеты. После сегодняшнего происшествия полковник будет читать мои репортажи лично...

— Можете не сомневаться,— вставил полковник Мэрголис с оттенком злорадства.

— ... я же круглый год живу с ними бок о бок.— Кендрик помолчал и добавил:— А в году-то шестьсот шестьдесят восемь дней.

— Вот поэтому им не скрыть свои махинации, и рано или поздно правда всплывет на поверхность,— убежденно сказала Карен.— Никакая цензура не помешает вам со временем дать мне знать, что тут делается. Я умею читать между строк, а вы знаете, как между ними писать. Для тех, кто не дремлет, цензор не препятствие!

— Они могут убить меня,— бесстрастно сказал Кендрик.— Если же найдут нужным, то заодно и вас. Следующий космолет отправляется на Землю через пять месяцев, а на Марсе то и дело кого-нибудь убивают.

— Джо, да вы просто струсили. На Марсе сейчас всего два репортера, и вы считаете, что начальник гарнизона осмелится ликвидировать их обоих? А как воспримут его отчет о

таком двойном убийстве, даже если полковник будет предельно осторожен?

Полковник Мэрголис отвернулся от окна и с яростью взглянул на них. Но когда он заговорил, голос его был удивительно спокоен.

— Будем же благоразумны,— произнес он.— К чему поднимать такой шум из-за незначительного правонарушения, когда на Марсе ценой поистине титанического труда сделано столько полезного и нужного? Ведь здесь один из самых надежных сторожевых постов человечества. Так зачем же набрасывать на него тень ради какой-то сенсации? Почему нельзя решить этот вопрос по принципу «живи и жить давай другим»?

— Да хотя бы потому, что для вас самих этот принцип — пустой звук,— ответила Карен.— Вот сегодня вы мне сказали, будто не собираетесь убивать кошку, однако умолчали о том, что после того, как вы ее ограбите, она неизбежно погибнет. Ведь именно так некогда обошлись испанцы с инками! Неужели мы, расходуя на это миллиарды, летим к другим планетам только для того, чтобы по старому рецепту преступно истреблять аборигенов?

— Минуточку, мисс Чендлер, умерьте свой пыл. Ведь кошки — животные. Вы слишком сгущаете краски.

— Я с вами не согласен,— тихо произнес Джо Кендрик.— Дюнные кошки — существа разумные. Убивать их — преступление. Я всегда придерживался этой точки зрения, и она же легла в основу того закона. Карен, я постараюсь держать вас в курсе дела, но у Корпуса здесь достаточно своих людей, чтобы этому помешать, и, если они как следует прижмут меня, я буду бессилен помочь вам. Впрочем, есть другой выход — я сам мог бы привезти домой остальной материал, но до моего возвращения на Землю пройдут годы. Вас такой долгий срок не смущает?

— Нисколько,— ответила Карен.

— Вы это серьезно?

— Абсолютно,— сказала Карен.— С шутками, Джо, покончено.

Збигнев Долецкий
(Польша)

Кристаллы

Мы заметили эту погруженную во мрак планету случайно, только потому, что несколько отклонились от нашего первоначального курса к системе 19А49. Система 1А57, к которой мы приближались, раньше не интересовала нас: время ее существования медленно подходило к концу. Все слабее светили ее солнца, а планеты, если и была на них хоть какая-то форма жизни, поочередно вымирали.

Наш корабль «Арго XII» был подготовлен к очень длительному космическому путешествию. Мы летели уже четыре года — наших независимых локальных года, тогда как на Земле прошло значительно больше времени. Впереди нас ожидали еще три года полета до системы 19А49, давно интересовавшей земных ученых своим сильным сиянием — свидетельством того, что на ее планетах проходят своеобразные процессы, возможно, вызванные населяющими их разумными существами.

И вдруг приборы уловили слабый сигнал, который мог означать, что на одной из мрачных планет системы 1А57 обитают мыслящие существа. Импульс был очень слабым. И все же... Капитан Скейр устроил для экипажа, состоявшего из нескольких человек, нечто вроде референдума. Почти все считали: стоит сделать посадку и посмотреть, что там происходит.

Мы высадились без всяких трудностей в долине среди невысоких гор, выглядевших загадочно, но отнюдь не зловеще в бледном свете ближайшей звезды, бывшего солнца этой планеты. Пейзаж напоминал гравюру XIX века, которую я когда-то видел в большой древней библиотеке...

На планете было холодно. Но наши скафандры, приспособленные к любым условиям, могли выдержать и более

низкие температуры. Как мы и ожидали, ветра не было. Пейзаж казался по-своему красивым: что-то вроде сновидения о стране ледников. Лучи угасавшего солнца отражались от гладкой поверхности долины и склонов недалеких гор радужными отблесками, навевавшими необъяснимую гамму чувств. Нет, они не внушали страха, как бывало на некоторых известных нам планетах, они не вызывали ощущения безнадежности, не наводили на мысль о гибели, ожидавшей рано или поздно все старые звездные системы, время существования которых истекло...

Первое обследование в долине ничего не дало. Никаких следов жизни. Словно с самого начала существования этой планеты она была своего рода зеркалом, отражавшим некогда интенсивный, а теперь слабый свет ближайшей звезды, рассеивавшийся и создававший разноцветную панораму *ни для кого*.

И все же наши аппараты улавливали импульсы, свидетельствовавшие: на планете существуют какие-то формы интеллекта. Один из нас, Векс, предположил, что они обитают над поверхностью планеты и невидимы для нас.

Капитан Скейр согласился: да, это возможно. Но уж если мы высадились, надо исследовать планету более подробно. Может быть, это что-то или кто-то находится на вершинах невысоких гор, растянувшихся почти по всей планете.

Четверо из нас поднялись на разведывательном боте, оснащенном необходимыми приборами. Мы кружились над горами и долинами, восхищаясь их пустынной, дикой красотой. Продолжалось это довольно долго без каких-либо результатов. Наконец наш бот оказался над широким ущельем, погруженным в еще более глубокий мрак, чем встречавшиеся прежде долины. И здесь приборы начали регистрировать импульсы — слабо, но отчетливо.

Мы осторожно совершили посадку на скользком дне ущелья, включив все наши прожекторы. Склоны ущелья были неровные и блестящие, как и площадка, где мы сели. Тусклого солнца планеты здесь совсем не было видно, сюда доходили

лишь жалкие отблески света, который в долинах был немного ярче.

Мы вращали прожекторы, вдруг луч одного из них замер примерно на середине левого склона ущелья.

— Что это может быть?— сказала Атрикс, одна из двух наших спутниц.

Вчетвером мы всматривались в освещенный круг.

— Это...— сказал Векс.— Знаете, что это напоминает? Полусферу, высеченную на поверхности горы...

— Она не гладкая,— заметила Атрикс.— Похожа на огромный... кристалл.

— Верно!— подхватил я.— Тем более отражает свет так же, как кристаллы.

— И состоит из симметрично расположенных пластин,— добавил Векс.— Но какой же он огромный, больше всех, что я когда-либо видел на Земле.

— Передвинь луч прожектора влево или вправо,— сказала Атрикс.

— Давай направим туда и остальные,— добавила молчавшая до сих пор Сивилья.

Так мы и сделали. Оказалось, кристаллов здесь несколько, более десятка, отстоящих друг от друга на двадцать пять — тридцать метров, диаметром каждый метров в десять — двенадцать. Они сверкали в лучах наших прожекторов, отражая их свет.

Тут нам пришло в голову: вдруг и на другой стороне ущелья?.. Так и было. На том же уровне по склону оказалось более двадцати кристаллов, словно близнецы похожих друг на друга. Мы заметили только, что они отличались от первых размером. Эти были поменьше.

Мы смотрели как зачарованные. Под лучами прожекторов кристаллы вроде начали оживать, словно в них что-то пробуждалось.

— Слушайте,— нарушила тишину Атрикс.— Давайте попробуем направить все прожекторы на один из них.

— Зачем?— спросил Векс.

— У меня есть идея...— Она умолкла.

— Какая?— спросил на этот раз я.

— Не скажу, сочтете меня сумасшедшей.

— Нет, Атрикс,— ответил от нашего имени Векс.— Ведь мы знаем, тебе не раз удавалось обнаружить такое, что нам бы и в голову не пришло.

Мы свели лучи всех трех прожекторов на средней величины кристалле с правой стороны ущелья.

Несколько минут мы ждали молча, не сводя глаз с кристалла. Вдруг он засиял чуть ярче, и одновременно мы уловили в наушниках нечто похожее на тихую музыкальную фразу. А потом — какие-то мелодичные звуки, наши трансляторы секунду-другую спустя перевели их:

— Больше... света...

Потрясенные, мы то переглядывались, то смотрели на кристалл, не в состоянии вымолвить ни слова. Первым пришел в себя Векс:

— Они... живые. Наверное, это только передатчики.

Через минуту он соединился с «Арго» и доложил обо всем капитану.

Капитан Скейр, самый опытный среди нас астронавт, навидался в своих экспедициях всякого. Известие о говорящих кристаллах не удивило его так, как нас.

— Я думаю,— сказал он,— надо с ними поговорить. С несколькими из них. Очевидно, они находятся как бы во сне из-за нехватки света...

— Капитан,— произнес Векс,— а не могут они оказаться опасными для нас? Вдруг они только чье-то оружие!.. И возможно, этот кто-то хочет заинтересовать нас кристаллами, чтобы...

— Ты осторожен, Векс, это хорошо,— серьезно заметил капитан.— Но риск, к сожалению, существует всегда. Мы не в состоянии его исключить. Возможно, ты прав и кристаллы разговаривают от чье-то имени. Тем не менее мы обязаны войти с ними в контакт.— Он остановился на миг, потом спросил:— А в ущелье, где вы находитесь, может сесть «Арго»?

— Да. Если это будет сделано осторожно,— ответил

Векс.— Керр хороший пилот, но пусть он будет начеку. Мы дадим вам пеленг, а когда вы окажетесь над нами, сразу увидите прожекторы.

— Согласен,— сказал капитан Скейр, когда «Арго» сел в ущелье рядом с нами и взял нас на борт.— Это действительно очень интересно. Должен признаться, я никогда не видел подобных кристаллов...

Собравшись в корабельной обсерватории, мы рассматривали четыре кристалла, освещенные семью сверхмощными прожекторами «Арго». На корабле изготовились роботы-наблюдатели, соединенные со средствами защиты. В случае любой попытки нападения на нас немедленно включились бы лазерные пушки. Но никто из экипажа, кроме разве что подозрительного Векса, не допускал такой возможности.

В трансляторе мы услышали нечто вроде вздоха: «све-ет», это проснулся самый большой из четырех выбранных нами кристаллов. Потом он начал поглощать и отражать свет, словно прекрасный гигантский драгоценный камень. Три других вышли из состояния летаргии раньше.

Мы услышали музыку, какой никогда не слышали на Земле. Да, была поистине *музыка сфер*. Нечеловеческая, не вызывающая никаких ассоциаций с музыкой, когда-либо создававшейся на нашей родной планете. Такой гармонии не достигал никогда ни один земной композитор. В ней были красота и мудрость, мы чувствовали их, но каковы их источники, это оставалось выше нашего понимания. И не тревожило нас. Мы принимали музыку с *благодарностью*.

Но не все. Вдруг Векс нарушил наше оцепенение:

— Мне вспомнилось кое-что из очень древних времен... Может, они похожи на мифических сирен?...

И кристаллы словно *почувствовали*, что не все мы слушаем их так, как им хотелось бы, и прекратили музыку. Голос Векса прозвучал резким диссонансом, нарушившим всякую гармонию. Однако кое-кому из нас в глубине души пришлось признать: Векс мог быть и прав. Но если бы в человеке преобладали подозрительность и страх, если бы он ожидал зла

от неведомого, непознанного зла, а не добра, разве сумел бы он стать тем, кем стал ныне?!

Мы не осуждали Векса, но сами относились к разным явлениям в космосе, в том числе и к найденным на этой планете кристаллам, по-другому. Большею частью — с доверием.

Казалось, кристаллы поняли это, потому что вновь зазвучала музыка и продолжала звучать, пока не наступил ее естественный конец, глубоко логичный финал, обращенный к слушателям с особой силой.

А потом раздалась другие созвучия. Транслятор переводил их:

— Кто... Вы... Да-ле-ко? Да? Про-стран-ство. Полет... Мы — нет. Мы толь-ко. Только... здесь. Вы... свет? Дав-но нет. Мы. Гас-нет. Тоже... Мы. Тоже... Сейчас.

Мы слушали эти разрозненные слова и хорошо понимали, что хотели сказать нам кристаллы. И все острее чувствовали наше бессилие.

Видимо, они знали об этом, потому что мы услышали:

— Вы? Нет. Не здесь. Свет. Мы... никогда. Мы — да. Вам.

Эта музыка была иной, но волновала, как и звучавшая прежде. Атрикс шепнула, глядя на нас широко раскрытыми глазами, в которых застыла печаль:

— Они с нами прощаются. Они знают...

— Да,— подтвердил капитан Скейр, склоняя голову. Мы смотрели на него так, словно видели впервые. И друг на друга мы стали смотреть по-новому. Мы понимали, кому обязаны этим.

Когда музыка наконец смолкла, капитан тихо сказал:

— Вернувшись на Землю, я сделаю все, чтобы... доставить сюда для них как можно больше искусственных Солнц...

(Искусственные Солнца были настоящим спасением для ранее холодных и мрачных районов Земли, регулируя их климат без вреда для экологического равновесия всей планеты. Они, правда, растопили значительную часть арктических и антарктических ледников, но это не вызвало «потопа». Избыток воды был постепенно превращен в пар и рассеян над пустынями.)

Все остальные члены экипажа «Арго» — теперь даже и Векс — думали так же, как капитан.

— Пусть это продлит их существование хоть на какое-то время,— продолжил свою мысль капитан Скейр.— Ведь в космосе все возможно. Потом вблизи этой планеты может возникнуть новое солнце, и возродится вся система... Мы должны им помочь. Думаю, что следует даже повернуть назад, к Земле. Полет к системе 19А49 может совершить другой корабль. Не исключено, что снова наш «Арго»... Знаете,— он посмотрел в глаза каждому из нас,— может быть, это покажется вам глупостью с моей стороны, но я считаю, их нужно спасти. Хотя бы из-за их...— Он опять умолк, словно стыдясь своих слов.— Я никогда не интересовался музыкой. Но это...

— Это — музыка и в то же время нечто большее!— договорила за него Атрикс.

Прежде чем «Арго» унесся в пространство, мы оглянулись еще раз на планету, освещенную тусклыми лучами умирающего Солнца. Где-то там, в сумраке ущелий, остались они... Кристаллы... Мы были уверены: они *знают* о нашем желании помочь им и будут ждать нас, погруженные в сон, означающий для них не смерть, а надежду.

Жильбер Сесброн
(Франция)

Баобаб на улице Вожирар

Когда Эрто-старший вернулся с действительной, вместо маршальского жезла он привез с собой ворох несусветных историй. Жизнь вошла в привычную колею. Старая шинель была обсыпана нафталином и отправлена на чердак, линялый мундир повешен в шкаф, а каскетка подарена ребяташкам. Была еще фотография, сделанная в Дакаре,

где Эрто-старший, выпучив глаза и набычив шею, красовался на фоне намалеванной пальмы, с которой ссыпались обезьяны — прямо в разинутые пасти поджидавших их внизу крокодилов. Фотографию вставили в рамку и повесили на стену в гостиной. На нее, в подтверждение своих слов, время от времени кивал Эрто — так, между прочим, как бы призывая слушателей лишний раз убедиться в абсолютной правдивости его рассказов. Сами же рассказы были один причудливей другого. Отец, мать, жена, Эрто-младший, родственники и соседи слушали, разинув рот, захватывающие повествования про то, как негритянские цари устраивали пышные сафари (слово-то какое!) в честь солдата колониальной пехоты, как он бесстрашно сражался с полчищами дикарей и умыкал из джунглей невиданных красавиц, чтобы подарить им свободу.

Эти рассказы были реваншем бедного Эрто за двухлетнее томление в забытой богом африканской дыре. Он не рассказывал им о придире-сержанте, о том, что Дакар ничем не отличался от парижских окраин, о сатанинской жаре, поте и грязи, об опостылевшем рисе и вечно теплом «перно», о томительных ночных мечтах, напоенных прохладой и блондинками. За все это он теперь отводил душу на убитых львах, тропических ураганах и встречах в саванне с грозными колдунами.

Эрто-прочие были благодарной аудиторией. Они не только с неизменным восторгом выслушивали по десятку раз каждую историю, вернее, по десятку версий каждой истории, но и сами в конце подхлестывали рассказчика, утомленного безудержной травлей.

— А ну, Марсель, давай теперь, как ты столкнулся нос к носу с леопардом!

— А-а, это!..— тянул он тоном пресытившейся всеобщим вниманием знаменитости.

И Марсель начинал — чуть неуверенно на первых фразах, подбираясь на цыпочках к лабиринту собственной лжи, а затем все быстрее, быстрее, громче. Он вскакивал со стула, чтобы проиллюстрировать фразу «Я замер как вкопанный»,

приседал и скалил зубы, показывая леопарда перед прыжком. Далекая неведомая природа оживала перед зрителями во всей своей грандиозной красе, и эту природу укрощал бесстрашный Эрто. Для некоторых рассказов был уготован специальный гарнир. Марсель срывался с места, мчался в прихожую к сундучку, с грохотом откидывал крышку и вытаскивал оттуда «реликвии» — так он называл эти вещи. В сундучке покоилась высохшая тыква-калебас, палочка черного дерева («магический жезл колдуна»), плетеная циновка и куча каких-то обломков, чьи функции менялись от рассказа к рассказу.

Когда эра рассказов кончилась, Эрто-старший торжественно вручил реликвии Эрто-младшему. Тот украсил ими свою комнату, предварительно распродав кое-что приятелям, наслышанным в его передаче о жуткой ценности каждого предмета. Непристроенным остался лишь горшок с каким-то зеленым отростком — «подарок вождя племени людоедов», а в действительности всученный ему вместо сдачи торговцем-арабом. Как-то получилось, что горшок не нашел должного места в славном эпосе Эрто-старшего, будучи оттесненным на задний план более экзотическими вещами. Горшок вкопали в саду рядом с домиком Эрто на улице Вожирар. Росток прижился по соседству с магнолией и голубой елью, бывшими предметами особой гордости семейства Эрто, ибо где еще вы найдете в столице такое сочетание? Разве что в Ботаническом саду, но сие ученое заведение находилось далеко, и ни у кого из соседей не было надобности ездить туда да еще тратить два франка на билет.

Все это случилось в 1935 году.

Сорок лет спустя куцый отросток превратился в огромное дерево. Его раскидистая нездешняя крона поглотила и извела голубую ель с магнолией. Могучее дерево давно уже возвышалось над тесным участком, отгороженным от улицы потрескавшейся стеной, на которой законом от 29 июля 1881 года запрещалось клеить афиши, и простирало свое щедрое благословление над прохожими. По весне оно звенело от щелета птенцов, летом бросало на размякший тро-

туар тень, в которой укрывались робкие влюбленные и бездомные собаки. За эти годы сменилось поколение семейства Эрто. Эрто-младший давно уже стал Эрто-старшим. Дерево, вымахавшее ввысь, сохранило аромат легенд, навеянных рассказами покойного Марселя. Хотя оно давно жило в семье, с годами дерево не перестало быть для Эрто высокородным чужеземцем. По отношению к нему они сохраняли почтение. Так, новый Эрто-младший, вздумавший устроить себе шалаш в развилке трех толстых ветвей, получил нахлобучку и даже схлопотал оплеуху. Это заставило его по-новому смотреть на великана, росшего во дворе сколько он себя помнил.

Мальчик познал взлет славы, принеся сорванный с семейного дерева лист своему учителю. Тот застыл с раскрытым ртом перед классом, долго крутил его и даже снял очки, чтобы получше рассмотреть прожилки. Все молчали, даже завязтые лоботрясы с заднего стола оторвались от разглядывания непристойного журнала. Наконец учитель убрал лист в портфель, пробормотав:

— Нет, не может быть... Ты говоришь, в саду у твоих родителей?

— Да, мосье,— гордо ответил Эрто-младший,— в Пятнадцатом округе.

Естественника вдруг обуяло необъяснимое учительское недоверие:

— Учти, Эрто, если ты вздумал надуть меня, это тебе даром не пройдет!

— Что вы, господин учитель!

— Ладно, проверим к следующему занятию...

Но уже на другое утро у решетчатой калитки дома Эрто раздался робкий звонок — очевидно, из-за старой надписи «Осторожно, во дворе злая собака!», намного пережившей саму собаку.

— Мама, мама! Это наш старик по естествоху!— завопил Эрто-младший.

Переполох! Две планеты пришли в соприкосновение: мир родителей и мир учителей...

Посетитель отказался от стаканчика мадеры или наливки — сейчас уже не помню, — предложенной раскрасневшейся от оказанной чести мадам Эрто. Учитель даже не захотел пройти в гостиную: ведь он пришел, собственно, не к Эрто, а к Дереву.

Учитель обошел его вокруг, заложив палец за борт жилета. Он не смотрел ни по сторонам, ни себе под ноги, а поэтому то и дело спотыкался о выбоины в некогда замощенном дворике. Мадам Эрто стояла в дверях; горло ее пересохло, ладони взмокли, она была вся переполнена тревожным ожиданием, как на приеме у врача.

Естественник подошел вплотную к стволу, осторожно поскреб грубую кору, погладил узловатые наросты и сделал несколько шагов назад, словно любуясь картиной на стене музея. Потом он повернулся к хозяйке.

— Мадам.— Голос эго дрожал от волнения.— Вы являетесь владельцами уникальнейшего явления природы. Это — баобаб.

— Не может быть!..

— Уверяю вас, мадам! И причину этого чуда еще предстоит выяснить. Насколько я знаю, даже Ботаническому саду не удалось акклиматизировать во Франции этого прихотливого гиганта. Я сам бы никогда не поверил, если бы не убедился собственными глазами... Вы позволите, я надеюсь, сделать об этом сообщение на заседании Общества естествоиспытателей?

— Разумеется,— по-девичьи зарделась она.

Впервые в жизни мадам Эрто принимала решение, не спросив об этом мнения Эрто-отца. Собственно, он и был владельцем дерева — ведь Марсель, отбивший горшок у людоедов, подарил его сорок лет назад именно ему.

Ну, а затем повалил народ — господа из Общества, господа из Музея, из муниципалитета, из Академии наук. Это была публика чинная, спокойная и обстоятельная. Некоторые, правда, качали недоверчиво головой, щупали листья, пробовали их на запах и на вкус, брали пробы земли, но хлопот с ними не было. А вот когда нагрянули журналисты, ко-

торых и господами-то назвать можно было с трудом, тут уж только держись. Они беззастенчиво лезли на ствол — «для ракурса», как они утверждали, — бродили по дому, задавали самые дурацкие вопросы и щелкали, щелкали своими камерами. Особым вниманием пользовалась фотография Марселя, успевшая пожелтеть и приобрести достоверность исторического документа. Мосье Эрто не поленился достать с чердака шинель своего покойного отца и сокрушался, что так нерасчетливо выменял сорок лет назад каскетку на перочинный ножик со сломанным лезвием. Вот бы знать, что она еще пригодится!

Теперь, когда калитка хлопала, чтобы выпустить почтальона или молочника, Эрто уже не могли сдержать вздоха разочарования: они привыкли к высоким посетителям. Правда, публикации в ученых изданиях и в прессе принесли им множество корреспондентов, писавших со всей Франции и из-за границы на непонятных языках. У Эрто просили рассаду или отводки для приживления баобаба на Юге, Севере, Западе и Востоке. Непонятные письма тоже, очевидно, содержали аналогичные просьбы. Пришлось Эрто дать объявление в газете о том, что баобаб является его исключительной собственностью и он, к сожалению, не может удовлетворить желающих, хотя и благодарит их за интерес к выращенному им в результате хлопотливых трудов чуда природы.

В одно прекрасное утро примчался курьер на мотоцикле, доставивший пакет с сургучными печатями. В пакете оказалась бумага, подписанная министром культуры и еще какой-то важной шишкой из министерства сельского хозяйства. Баобаб был взят на государственный учет. Да-да, как исторические памятники и заповедники, наравне с Нотр-Дам* и Версальским садом. И то верно — разве Дерево не было уникальным на всю Францию явлением?

Баобаб в Пятнадцатом округе! Как только удалось ему прижиться между гаражом и дансингом, в земле, нафар-

* Нотр-Дам (Notre-Dame de Paris — франц.) — собор Парижской богородицы.

шированной кабелями, коллекторами и коммуникациями? Об этом долго спорили газеты, когда им нечем было занять своих читателей. Специализированные издания, касаясь «проблемы баобаба», выдвигали весьма правдоподобную версию. Дерево, по их мнению, выжило потому, что его корни согревала магистраль теплоцентрали, а подпочвенные воды питали его солями, к которым баобаб привык в далекой Африке.

Все жаждали подробностей о происхождении Дерева. Эрто успел подзабыть истории, рассказанные его отцом, и теперь выдумывал свои собственные. Видимо, он унаследовал богатое воображение, потому что эти истории в его живом изложении привлекли внимание кинопродюсера, решившего сделать на их основе фильм с завлекательным названием «Баобабы не улыбаются». К сожалению, из затеи ничего не вышло — то ли у продюсера кончились деньги, то ли его внимание переключилось с баобабов на что-то другое, столь же неулыбчивое, но за первым предложением, сделанным по телефону, ничего не последовало. Особенно огорчена была мадам Эрто, заранее присмотревшая себе маленькую роль хозяйки большого баобаба.

Дерево стало излюбленной целью прогулок, описание его появилось в путеводителях вместе с Эйфелевой башней и пляс Пигаль. Вылезавшие из-за стены ветви теперь дочиста обрывали любители сувениров и школьники, которым было велено собирать гербарии. Каждый год в сентябре учитель естествознания приводил к громадному наглядному пособию стайку учеников. Кстати, за находку и описание редкого феномена учитель получил медаль министерства просвещения и с тех пор охотно шутил, что «эти листья принесли мне лавры»...

Само Дерево тоже не было обойдено наградой: медная табличка, дар Музея природоведения, теперь гордо красовалась на его стволе, сообщая публике латинское наименование, предполагаемый возраст и объем талии. Кстати, с каждым сезоном эту цифру приходилось менять, ибо баобаб был равнодушен к своей фигуре больше, чем папа рим-

ский к мирской славе, и продолжал обрастать плотью.

В октябре специально отряженный Ботаническим садом научный сотрудник приходил подрезать ему ветви. А в марте птенцы теплыми комочками непочтительно рассаживались на его ветвях, словно правнуки на коленях старого императора. Дерево шелестело листьями, сообщая городу и окрестностям какую-то свою тайну. Поддержатъ разговор с ним было некому, поскольку все другие деревья на улице исчезли — незаметно и навсегда.

Однажды ночью Эрто услышал во дворе какой-то приглушенный шум. Как было ему лишний раз не вспомнить с сокрушением собаку Чернуху, о чьем нраве оповещала старая надпись у калитки и которой в этом году исполнилось бы сорок семь лет! Он встал с кровати и приоткрыл ставень. Сидя на корточках вокруг Дерева, тихо пели двенадцать негров. Вернее, они не пели, а стонали с закрытым ртом, раскачиваясь из стороны в сторону. Целый час Эрто, выпучив глаза — как Марсель на фотографии, — следил за церемонией. Взявшись за руки, люди, оторванные от родных краев, закружились вокруг Дерева в священном танце. Они закидывали вверх голову и что-то бормотали. Потом негры приникли к коре баобаба и застыли.

Незадолго до рассвета они исчезли. И Эрто понял, что отныне его Дерево — табу. Это слово не раз мелькало в рассказах отца, а солдат колониальной пехоты знал, что говорил.

Ровно месяц спустя таинственная церемония повторилась. Эрто хотел было сообщить в полицию, но страх остановил его. Черных людей связывали с Деревом какие-то особые узы, и разве мог он считать его своим только из-за того, что баобаб вырос в его саду? Кого, собственно, боялся Эрто? Несомненно, тех же богов, что и его ночные посетители.

Спустя несколько месяцев, отчаянно мигнув раз-другой, погас свет. Пробки? Сменили пробки. Но света все равно не было. Отключили сеть? Но в соседних домах горел свет. Специалисты из электроуправления с трудом докопались до причины: оказалось, один из корней Дерева перере-

зал подземный кабель, шедший к дому Эрто. Пришлось за большие деньги переключать его. Король африканской саванны властно требовал от города прогресса: «Дайте прос-тор!»

Через месяц аналогичная история приключилась с газом, а осенью настал черед канализации. Кончиками пальцев баобаба играючи рвал путы, которыми обматывал его Город. Каждый раз приходившие рабочие советовали:

— Стоит ли валандаться? Взяли бы да обрубили пару корней.

— Что вы, как можно! Он же зарегистрирован.

— Как так зарегистрирован?

— Ну, как Версаль: мы по своей воле не можем им распоряжаться.

Версаль... После такого даже самые разухабистые раскрывали рот, а Эрто расправлял плечи, словно церемоний-мейстер при выходе царственной особы.

— Смотрите, придется менять не только вашу трубу, но и весь коллектор.

— Что же прикажете делать?

— Платить, дорогой мосье, платить...

И Эрто выкладывал денежки. Направо и налево. Тому и этому. Но баобаба был поистине ненасытен. Пришлось в конце концов перейти на привозные газовые баллоны, а за водой ходить к соседям. Электрический кабель подвели к участку на столбах.

— Нет-нет, не вешайте изолятор на Дерево!

— Куда же мне его вешать? Ветви заняли все пространство!

Ветви заняли воздух, а корни — землю. В конце концов провода удалось подвесить так, чтобы они не касались ветвей. Но Дерево все равно умудрялось дотянуться до них. Эрто теперь жили под угрозой постоянных аварий — выходило из строя то одно, то другое. Прежде баобаба просто отбрасывал тень. Сейчас он разросся до такой густоты, что солнце не могло пробиться во двор, и там постоянно было сыро. Здоровья семейству это не прибавило. Дочь пришлось отпра-

вить в санаторий в горы, младшему подыскать лицей с интернатом.

Эрто не смели помыслить о чем-нибудь недостойном, но все они теперь чувствовали присутствие рядом чужого существа. И это существо не желало столь тесного соседства. Мадам Эрто не выдержала первой. Как-то вечером, ложась после телевизора в постель, она тихонько спросила:

— Может, уедем отсюда?

— Как мы можем!— живо отозвался муж, который чуть не год втайне обдумывал этот вариант.

Для облегчения совести он повозмутился, но когда через пару недель дети приехали домой, он объявил:

— Значит, так. Я решил продать дом. Мы переезжаем.

— А Дерево? Возьмем с собой?— спросил младший.

— Дерево не член нашей семьи,— сухо отозвался Эрто.

Это никакое не предательство, уговаривал он сам себя. Соседние участки скупает фирма — видать, затеяли какое-то крупное строительство. Так что дом все равно обречен. Ну, а баобаб... в конечном счете, это всего лишь баобаб!

Как он и ожидал, агент компании тут же согласился купить его дом с участком: коммерция не признает никаких табу. Однако, узнав, что Дерево, покрывающее две трети участка, состоит на учете как памятник, он ровно на столько же сбавил цену. Делец удивился, насколько легко владелец уступил его требованию; ему бы следовало насторожиться, а он обрадовался. Легкие деньги притупляют чутье.

Строительная компания скупила все окрестные участки, снесла старые дома, бульдозеры спланировали местность; исчезли кустики и прутьики, кое-где пробивавшиеся еще сквозь асфальт. На этом месте предполагалось воздвигнуть квартал ультрасовременных билдингов — сталь, стекло, бетон, декор. Баобаб не был учтен в проекте, но подрядчик предложил вписать его в ансамбль так, чтобы он не бросался в глаза и не портил общей картины.

Эрто переселились в пригород в один из дешевых бетонных домов. Здесь они наконец-то зажили по-настоящему. Листья не застили свет. Газ, электричество и телефон работали без

перебоев. Ну, а лифт если и останавливался, то эта неприятность казалась пустяком в сравнении с тем, чего они потерпелись на своем участке.

Эрто были добрыми людьми. Первое время они каждое воскресенье ездили проведать свое Дерево. Правда, возвращались они с тяжелым сердцем, особенно после того, как все в округе было снесено и их квартал превратился в гигантский котлован, на краю которого сиротливо стоял его величество баобаб. Однажды мосье Эрто заглянул в контору домостроительной компании.

— Наш баобаб заставил их поменять все планы! — громко и с удовольствием воскликнул он, выходя оттуда и радуясь, что не он один потерпел убытки. — Погодите, они еще с ним наплачутся! Помяните мое слово.

Дерево стало их союзником, почти сообщником, и теперь воскресные визиты напоминали радостные встречи уцелевших летчиков боевых эскадрилий. Когда же они убедились, что квартал строится по графику и без особых видимых затруднений, Эрто перестали ходить на старое место и исчезли. В том числе и из нашего рассказа.

Строительство закончилось. Отныне старинный квартал в Пятнадцатом округе стал именоваться Баобабовым комплексом, а дома вместо номеров получили литеры — А, В, С... и так далее. Дерево отражалось в холодных стеклянных стенах высоченных домов. Экзотическая диковина привлекла состоятельную публику — впрочем, иной она и не могла быть, учитывая стоимость жилья. Владельцы были люди занятые: они уезжали утром из подземных гаражей, а вечером поднимались оттуда на скоростных лифтах прямо к себе на этаж. У них не было времени ходить пешком.

Баобабовый комплекс стал образцом нового типа застройки. Газеты взахлеб писали о нем как о прообразе Парижа XXI века. Просвещение и развлечения здесь были рассчитаны по уровню потребления так же, как электричество и газ. Было предусмотрено все: школы и телевизоры, дансинг и ресторан, церковь и бассейн. В квартирах обогревались стены и полы, воздух проникал в жилища тщательно от-

фильтрованный и кондиционированный — окна открывать было вредно. Лифты были снабжены запоминающими устройствами, двери открывались при произнесении фамилии, консьержек заменили световые сигналы. Служба безопасности работала круглосуточно. Собак выгуливали в вольере на крыше.

Это был памятник Электронике, гигантский комбинат для жилья в стерилизованном микрокосме. Сердце (или, если хотите, мозг) этого гигантского тела со всеми пультами управления архитекторы поместили в светящийся днем и ночью павильон из матового стекла в центре комплекса неподалеку от Дерева.

— Наши жильцы имеют уникальную возможность общаться с зарегистрированным памятником природы, — говорили агенты компании при оформлении контрактов. — Территория комплекса, включая баобаб, стала частной собственностью. Никто из посторонних к нему допускаться не будет.

Прошло три года. Баобаб вел себя смирно: он едва сумел дотянуться до павильона и выбить пару стекол. Но эти ветки тут же были отпилены. Птицы больше не прилетали к нему — их пугал утробный рокот моторов и потрескивание разрядов в павильоне. Дети туда не ходили, потому что площадка для них была оборудована в специальном рекреационном зале с искусственным солнцем. Возле баобаба было тихо.

Но однажды...

С полудня двадцать третьего апреля над Парижем начала стягиваться гроза. Небо приняло землистый оттенок, словно лицо тяжелобольного; все чаще сверкали всполохи. Растения и люди склоняли головы перед нависшей свинцовой угрозой, дома съеживались, готовясь противостоять натиску. Первые порывы ветра собирали в маленькие торнадо мусор с тротуаров. Перепуганные голуби укрылись поглубже в башнях собора Парижской богородицы. Собаки забивались в подвалы и оттуда тревожно фосфоресцировали зрачками; коты — им молва приписывает шашни с нечистой силой —

внезапно исчезли, как исчезают из виду заговорщики за минуту до покушения. Земля отзывалась утробным гулом на торопливые шаги прохожих. Город застыл в напряженном ожидании.

Текли долгие, мучительные минуты, которые на войне отделяют вой сирены от начала бомбежки; они выматывают настолько, что первые разрывы воспринимаются чуть ли не с облегчением... Так Город принял первые капли — резкие, как плевки, и теплые, как слеза, вначале редкие и разрозненные, потом более частые, плотные, слившиеся в сплошную завесу, толще, гуще, и вот уже захлебываются водосливы, превращая улицы и тротуары в рябое зеркало. Небо, еще недавно перегонявшее рыком стадо темных хищников с одного края на другой, разразилось наконец горючими слезами.

Город принимал душ. Смех охватывал людей, теснившихся в подъездах и подворотнях; они с наслаждением обретали ушедшее детство, шлепая босиком по лужам, задрав кверху голову и раскрыв рот. Природное естество, обогнув бетонные стены человеческой крепости, захлестнуло Город, теща людей негаданной радостью и забытыми воспоминаниями.

Внезапно смех утих. Первый удар хлыста рассек небо. Поиграв с жертвой, хищник показал клыки.

— Ого!

— Мама, я боюсь!

— Не плачь, сейчас кончится,— успокаивали мамыши детей, прикидывая в уме: «Затянется до вечера...»

К вечеру ветер стих, но слепая молния по-прежнему металась по небу. Казалось, невидимый лучник, взбешенный тем, что не может поразить цель, беспорядочно опустошал свой колчан. И все же в полночь стрела достигла цели. Последний удар расколол небосвод, и все погрузилось в непроглядный мрак.

Молния ударила в баобаб, давно уже тщетно тянувший кверху самую высокую свою ветвь. Ствол его дрожал, ощущая призывный тамтам знакомой грозы, прилетевшей за

тридевять земель из африканской саванны. Освобожденное из плена Дерево всей тяжестью рухнуло на хрустальный павильон. Прощайте моторы, пульты, электроды и фотоэлементы! Одним махом были отключены свет, вода, газ, тепло, радио, телефоны и телевизоры. Ослепленный, оглохший, парализованный комплекс замер, испуганно затаившись в ночи.

Поверженный баобаб лежал, задрав вверх цепкие корни с намотанными на них обрывками кабелей, словно боец, судорожно сжавший в последнем порыве клок волос своего убийцы.

Джордж Байрам
(США)

Чудо-лошадь

В толковом словаре Уэбстера* сказано, что мутация — это внезапное изменение, передающееся по наследству, причем потомки обладают одним или несколькими признаками, резко отличающими их от родителей. Так вот, это определение точно подходит к Рыжему Орлику. Родился он от чистокровных родителей, и оба — отец и мать — были занесены в племенную книгу и происходили от лучших линий в породе. Но в этом жеребенке только один нормальный признак и остался — великолепная ярко-рыжая масть.

Рыжий Орлик появился на свет с моей помощью. Он начал лягаться еще внутри околоплодного пузыря и сбросил его, пока я освобождал его ноздри от прозрачной пленки. Через минуту он стоял на ногах. Не успела кобыла вылизать его досуха, а ножки у него уже не дрожали и не подгибались. Ему еще и пяти минут не сравнялось, как он начал сосать,

* Словари Уэбстера названы по имени американского лексикографа Н. Уэбстера (1758—1843), издавшего в Нью-Йорке «Американский словарь английского языка». Словари дают произношение и этимологию слов; выпускаются различные их варианты по объему и специализации.

а к тому времени, как я пришел в себя и позвал Бена, он уже взбрыкивал, вставал на дыбки и прыгал по деннику.

Бен вошел в дальнюю дверь полуразвалившегося сарая — там у нас была фуражная. Для мужчины он невелик ростом, а вот для жокея — великоват. Ему всего сорок два, стариком его не назовешь, но голова у него седая, а с лошадьми он возился больше иного старика.

Бен вошел в денник, взглянул на жеребенка и замер — только присвистнул. Он сбил шляпу на затылок и рассматривал рыжего жеребенка минут пять кряду. И хотя жеребенок был буквально новорожденный — всякому лошадику было ясно, что он совершенно ни на кого не похож. У него были необычайно длинные бедренные кости и бабки небывалой длины. Плечо было невероятно просторное и косо поставленное. Круп выше плеч, словно он спускался с горы. Спина короткая, зато живот и паха — необыкновенно длинные. А это все означало: у него уникальные по мощности костные рычаги, связанные и приводимые в движение самыми крепкими и упругими мышцами, какие только могли быть у жеребенка, только что появившегося на свет.

На удивленье поджарый живот и поразительно крутое ребро скрывали сердце и легкие — двигатель, способный разогнать эти одетые мышцами рычаги на полную мощность. Ноздри у Рыжего Орлика были на треть шире, чем у любой лошади, а трахея располагалась свободно между широкими ганашиами*. Значит, он сумеет обеспечить эту машину кислородом в избытке. Но самое главное открывалось в четких, смелых линиях головы, в громадных горящих глазах — это был боевой задор, воля к победе. Только вот из-за непривычных, небывалых пропорций смотреть на него было жутковато.

— Матьер божия! — тихо сказал Бен, а я молча кивнул.

Мы с Беном всю жизнь толклись около лошадей. Я был ветеринаром и тренером у крупных заводчиков, а Бен — жокеем. И оба мы вышли в тираж — Бен стал тяжел для скачек, а у меня характер стал тяжеловат, чтобы подлажи-

* Ганаши (*франц.*) — нижняя челюсть лошадей.

ваться к хозяевам. Я изучал племенное дело, и мне стало ясно, что коннозаводчики уже давно перестали улучшать породу, да только никто не верил в мои теории. И все заводчики, один за другим, предпочли отказаться от моих услуг. Мы с Беном сложились и купили крохотное ранчо в Колорадо. У последнего нашего хозяина мы взяли — вместо всего заработанного жалованья — только что ожеребившуюся кобылу. Бартон Крупвелл расхохотался, когда мы попросили кобылу вместо денег. Он мне сказал:

— Костелло, тебе и Бену причитается две с половиной тысячи. А кобыле девятнадцать лет. Она же может завтра откинуть копыта.

— И еще раз ожеребиться тоже может.

— Может, но тут шансов не больше, чем пять к двум.

— На такую кровь можно поставить.

Крупвелл был игрок, и лошадей он разводил только по одной причине: ради денег. Он покачал головой:

— Видал я старых упрямецев, которым хоть кол на голове теши, но вы всех переплюнули. Думаю, вы уже и жеребца присмотрели — на случай, если кобыла пойдет в случку.

— Жеребец не из ваших,— сказал я.

Это его задело:

— У меня есть жеребцы, которые приносят по пять тысяч долларов за случку. Только не говори, что они для тебя недостаточно хороши.

— У них родословная не та,— ответил я.— У мистера Карвейлера есть жеребец по кличке Лети Вперед.

— Жеребцы Карвейлера — дорогое удовольствие. Вам с Беном они не по карману.

Он уже догадывался, что у нас на уме.

— Карвейлерс посылает кобыл к вашим жеребцам, а вы — к его. Вам ничего не будет стоить покрыть эту кобылу.

Он закинул голову и рассмеялся. Он был высокий, тонкий, черноволосый, одет всегда с иголочки, и усики подстрижены.

— Я филантропией не занимаюсь,— сказал он.— Вам что, и вправду нужна эта кобыла?

— Я от своих слов не отказываюсь.

— И ты действительно думаешь, что она зажеребеет?

— Я переверну вашу ставку: скажем, пять к двум за то, что зажеребеет.

— Предлагаю игру,— сказал он.— Я посылаю кобылу к Карвейлерсу. Если она зажеребеет, за случку плачу я. Если нет, кобыла останется у меня.

— И наши с Беном две с половиной тысячи?

— Само собой.

— Вы неважный игрок,— сказал я, глядя ему прямо в глаза.— Но я принимаю пари.

И вот мы с Беном смотрим на машину для скачек, небывалую и невиданную на нашей земле.

Ранчо у нас было расположено прекрасно, в стороне от проезжих дорог, и мы старались изо всех сил, чтобы никто не видел нашего Рыжего Орлика на тренировках. Уже в годовалом возрасте он с лихвой оправдал наши самые безумные надежды. Бен взял его в тренинг еще до двух лет. К тому времени он вымахал до ста семидесяти сантиметров в холке, весил тысячу двести фунтов и Бена, с его ста двадцатью шестью фунтами, вообще не замечал у себя на спине. Бен каждый раз слезал с седла, что-то бормоча как полоумный. Да и я был немногим лучше. Эта лошадь не галопировала — она парила. Каждое утро, когда Бен давал ему волю, я смотрел, как он несется по прямой среди прерии,— он был похож на громадное колесо со сверкающими спицами, неудержимо пожирающее пространство.

А секундомеры показывали, что Рыжий Орлик, неся предельный вес даже для взрослой лошади, бьет все мировые рекорды на любую дистанцию, да еще по тяжелой дорожке. Нас с Беном просто оторопь брала.

Как-то вечером накануне скакового сезона Бен сказал мне, заметно нервничая:

— Я позвонил кое-кому из знакомых жокеев, кто работает у Крупвелла, Карвейлерса и у других. У них все лучшие двухлетки — жеребята как жеребята, нормальные лошадки. Наш Орлик уйдет от них на двадцать корпусов.

— Придется тебе его придерживать, Бен. Нельзя выдавать, на что он способен.

— Здесь-то, один на один, я с ним справляюсь. А кто знает, как он будет вести себя в компании?

— Надо сдержать его во что бы то ни стало.

— Послушай, Кост, мне приходилось ездить и на самых лучших, и на самых отбойных. Я знаю, кого смогу удержать, а кого — нет. Если Орлик вздумает меня понести, я с ним ничего не смогу поделать.

— Мы отлично выездили его.

— Конечно, но если я хоть что-нибудь понимаю, то он взбесится, как только лошади начнут его поджимать. Кроме того, любой лошажник с первого взгляда поймет, что он за птица. Они сообразят, что мы темним.

Мы стояли у пaddock*, огороженного сосновой загородкой, и я обернулся, чтобы взглянуть на Рыжего Орлика. Вам приходилось видеть гепарда? Это такая кошка. Она бежит быстрее всех на земле. У гепарда длинные ноги и длинное туловище, и он движется с мягкой грацией — пока не бросится бежать. Тогда он летит стрелой — даже лап не разглядеть. Рыжий Орлик был скорее похож на гепарда весом в тысячу двести фунтов, чем на обычную лошадь. и в движении это сходство еще больше бросалось в глаза.

— Как-никак, он скаковая лошадь, — сказал я. — И если он не будет участвовать в скачках, что нам с ним делать?

— Будет он участвовать в скачках, — проговорил Бен. — Только теперь все переменится.

Это оказалось чистейшей воды пророчеством.

Мы решили вначале записать Орлика где-нибудь на западном ипподроме. Пришлось заложить ранчо, чтобы раздобыть денег на вступительный взнос, но мы записали его в скачки заблаговременно. За два дня до скачек мы погрузили его в попоне на закрытую машину и переправили в денник так ловко, что никто не успел его разглядеть. Ра-

* Пaddock (англ.) — выгон, загон, а также лужок (выгородка) у ипподрома.

ботали мы его на рассвете, когда остальные жокеи еще не выезжали на круг.

На этом ипподроме многие заводчики испытывали своих двухлеток. И первым, кого я увидел в день скачек, был Крупвелл. Он был слегка заинтересован — значит, пронюхал, что мы записали лошадь. Он окинул взглядом мои потрепанные джинсы и всю мою тощую фигуру:

— Как ты поживал эти годы, Костелло? Похоже, что тебе приходилось частенько поститься.

— С завтрашнего дня все пойдет по-другому,— сказал я ему.

— А, это жеребенок, которого вы записали? Уж не тот ли, которого ты у меня выиграл на пари?

— Тот самый.

— Я прочел, что Бен скачет на нем. Наверное, ему пришлось вес сбрасывать.

— Нет, не пришлось.

— Не хотите же вы заставить двухлетку нести в первой скачке сто двадцать восемь фунтов?

— Он к Бену привык,— заметил я небрежно.

— Костелло, я знаю, вы заложили ранчо, чтобы заплатить вступительный взнос.— Он внимательно смотрел мне в глаза. Инстинкт игрока подсказывал ему, что здесь что-то кроется.— Покажите-ка мне жеребенка.

— Посмотрите, когда приведем седлать,— сказал я и ушел.

Такую лошадь нельзя незаметно привести в пaddock. Люди, всю жизнь посвятившие лошадям, знают, что дает лошади резвость, мах, выносливость. Не надо быть экспертом, чтобы понять, что за лошадь Рыжий Орлик. Когда мы сняли с него попону в пaddockе, все жокеи и владельцы потянулись к нам. Мгновенно вокруг нас закружилась толпа лошади-ков, а мы седлали Рыжего Орлика.

Карвейлерс, красивый седоголовый джентльмен с Юга, подозвал меня.

— Костелло, это жеребенок от Лети Вперед?

— На его документах — ваша подпись.

— Я вам дам пятьдесят тысяч долларов за его мать.

— Ее уже нет,— сказал я.— Она пала через две недели после того, как мы отлучили этого жеребенка.

— Назначьте цену за жеребенка,— сказал он не раздумывая.

— Не продается,— ответил я.

— Поговорим позже,— сказал он и пошел к кассам тотализатора. Вся толпа как один человек хлынула за ним. Я видел нескольких конюхов, которые пытались перехватить деньжат у приятелей и поставить их на Рыжего Орлика — несмотря на то, что ему придется нести лишний вес. К тому времени, как кассы закрылись, наш жеребенок был фаворитом — а ведь никто еще не видел, каков он в скачке.

— Повезло нам, что нечего ставить,— сказал Бен, когда я подкинул его в седло.— При таких ставках едва ли выдают десять центов на доллар.

Ставки на Рыжего Орлика привлекли к нему внимание всех зрителей. Когда лошади проходили перед трибунами, оттуда донеслись аплодисменты. Он был абсолютно не похож на восемь остальных лошадей. Он шагал, слегка потряхивая головой, и из-за длинных задних ног казалось, что он спускается с горки. Он делал один шаг, когда остальным жеманным двухлеткам приходилось делать три.

Я отошел подальше от трибун, и когда Бен проезжал мимо — старт на тысячу двести метров давался на дальней стороне дорожки,— я заметил, что Рыжий Орлик смотрит на других лошадей с любопытством, то и дело перекаладывая уши. Я взглянул на Бена. Он был бледен.

— Ну как он?— крикнул я.

Бен взглянул на меня искоса:

— Он какой-то другой.

— Другой?— рассердился я.— Как это?

— Я знаю не больше твоего,— обернувшись через плечо, крикнул Бен.

Орлик прошествовал на свое место в стартовом боксе и занял доставшееся ему по жребию место — крайним с поля — чин чином, как мы его учили. Но когда решетка

ушла, рывок остальных лошадей со старта вспугнул его. Он выстрелил на бровку и бросил остальных лошадей на пять корпусов на первой же сотне метров. Трибуны ахнули — толпа была потрясена.

— Господи, удержи его! — услышал я собственный голос.

В бинокль мне было видно, что остальные жокеи не сводят глаз с рыжего жеребенка, несущегося впереди. Двухлетки частенько подхватывают со старта, но такой лошади, чтобы ушла на пять корпусов раньше чем через две сотни метров, еще не бывало. Я видел, как Бен мягко придерживает Орлика, и к первому повороту он опережал других лошадей всего на корпус.

Но ни одной лошади не удалось подойти ближе чем на корпус. На повороте двое жокеев попытались достать Орлика, и все поле быстро разделилось на группки: трое, двое и пара одиночек. Я отлично видел, как две лошади позади Орлика прибавили ходу. Орлик ушел еще на три корпуса перед самым выходом на прямую, и было видно, как Бен борется с ним. Та пара, что шла за ним, уже выдохлась, и остальные лошади поравнялись с ними на последней прямой. Орлик словно почувал азарт борьбы у себя за спиной, и ритм его движения изменился, как будто у гоночного автомобиля до отказа выжали акселератор. Он вырвался на прямую, с каждым скачком выигрывая по полкорпуса.

Он пересек линию финиша, опережая вторую лошадь на сто метров, и продолжал мчаться вперед. Бену пришлось проехать еще один круг, прежде чем Орлик понял, что позади нет уже ни одной лошади. А к тому времени, когда Бен шагом въехал в паддок для призеров, Орлик дышал легко и ровно. Шерсть у него была только чуть влажная — видимо, даже не успел вспотеть.

Первое, что я помню, — это виноватое лицо Бена.

— Я старался его придерживать, — сказал он. — Когда до него дошло, что кто-то хочет его обойти, он разозлился как черт да и позабыл, что я на нем сижу.

Из громкоговорителя вырвались сбивчивые, восторженные поздравления. Да, мировой рекорд на тысячу двести

метров побит. И не только побит, леди и джентльмены: улучшен на пять секунд! Нет-нет, выигрыш пока неофициальный. Дежурные ветеринары должны обследовать лошадь. Прошу оставаться на своих местах, леди и джентльмены.

Остаться на местах — черта с два! Всем до одного — всем мужчинам, женщинам и детям — хотелось взглянуть поближе на лошадь, которая умела так скакать. У меня у самого слезы на глаза навернулись, когда Орлик летел к финишу. Нельзя было оставаться спокойным, увидев то, что довелось увидеть этим людям.

Конец дня вспоминается мне как-то отрывочно и путано. Сначала ветеринары заглядывали Орлику в зубы, ворошили его документы, выясняли дату рождения и под конец сверили клеймо, наколотое у него на губе, чтобы удостовериться, что он и вправду двухлетка. Затем они убедились, что он не получал допинга. Кроме того, его промеры оказались настолько невообразимыми, что доктора не на шутку встревожились: может, это животное и не лошадь вовсе? Они отправились посоветоваться с судейской коллегией.

Кто-то стал шуметь, чтобы Орлика не допускали к скачкам. Карвейлерс напомнил, что бумаги у жеребенка в полном порядке, он происходит от его собственного жеребца и как чистокровная лошадь с отличной родословной не может быть никаким законным способом исключен из соревнований.

— Да ведь если эту лошадь допускать к скачкам, кто станет с ней стартовать? — крикнул один ипподромный служащий.

Крупвелл восседал за длинным столом, как и большинство владельцев.

— Джентльмены, — произнес он вкрадчиво. — А почему вы забываете о гандикапере?

В гандикапе каждой лошади назначается вес, который она должна нести. Известно, что хороший гандикапер может добиться, чтобы лошади все пришли голова в голову, только за счет того, что более резвым лошадям назначает больший вес.

Но Крупвелл кое о чем позабыл: ведь в гандикапах участвуют только лошади постарше.

Я вскочил.

— Вам известно, что двухлетки обычно не гандикапируются,— сказал я.— Они участвуют на обычных условиях.

— Верно,— ответил Крупвелл.— Двухлетки обычно скачут под заявленным весом. Но это правило растяжимое, его можно подогнать к конкретным условиям. Теперь условия изменились, значит, и вес может меняться.

Карвейлерс сердито нахмурился:

— Рыжий Орлик и так нес сто двадцать восемь фунтов, а остальные — по сто четыре. Чтобы сравнить его с другими лошадьми, вам придется навалить на него такой груз, что он сломается.

Крупвелл пожал плечами:

— Очень жаль, но ничего не поделаешь. Мы должны думать о процветании скачек. Вы знаете, что скачки живут только тотализатором. А в любой скачке, где будет заявлена эта лошадь, ставить против нее никто не будет.

Карвейлерс встал.

— Джентльмены,— сказал он, и в самом тоне его крылось оскорбление.— Я всю жизнь занимаюсь коневодством и скачками. И всю свою жизнь я твердо верил, что скаковые испытания существуют для того, чтобы улучшать породу, а не для того, чтобы губить лучших лошадей.— Он обернулся к нам с Беном:— Если не возражаете, я хотел бы побеседовать с вами.

Мы с Беном выкупили закладную, которая обеспечила нам вступительный взнос, приобрели себе костюмы поприличнее и отправились в отель, где остановился Карвейлерс.

— Здравствуй, Бен, рад тебя видеть,— сказал он.— Костелло, должен просить у вас прощенья. Наши мнения о кровном коннозаводстве никогда не сходились. Теперь вы доказали, что я ошибался.

— Вы ошибались,— согласился я.— Да только Рыжий Орлик — не доказательство. Если бы он был нормальный — был бы очень хороший жеребенок, но он вышел таким вовсе не из-за родословной.

— Вы считаете, что он мутант — нечто совершенно неожиданное?

— Абсолютно.

— Как вы думаете, какой вес он может нести, чтобы оставаться на первом месте?

Я обернулся к Бену, и Бен ответил:

— Он выиграет под любым весом. В лепешку расшибется, а придет первым.

— Очень, очень жаль, что вы его не сдержали,— сказал Карвейлерс.— Сила господня, пять секунд с рекорда сбросить! И не ободряйтесь — они будут вешать на него груз до тех пор, пока связки и суставы не сдадут окончательно. Собираетесь все же заявлять его на скачки?

— А что же нам еще делать?

— Гм. Да. Ну что ж, может быть, вы и правы. Но если они его сломают, у меня будет к вам одно предложение. Мы поблагодарили и откланялись.

Вместе с Беном я тщательно обдумал план действий.

— Придется тренировать его в компании,— сказал Бен.— Если мне удастся приучить его к тому, что другие лошади висят у него на хвосте, я уж с ним справлюсь.

На остатки нашего первого выигрыша мы купили пару приличных лошадок и наняли у соседей двух конюшенных мальчиков. На холмах вокруг нашего тренировочного круга стали возникать люди с биноклями. Мы работали Орлика полегоньку, так что парни с биноклями ничего особенного не увидели.

Весь ипподромный мир сошел с ума от того, что Орлик понаделал с мировыми рекордами. Но время шло, типы с биноклями распускали слухи, что дома у него под ногами дорожка не горит, репортеры принялись намекать, что скачка была липовая: конечно, результат выдающийся, но вот сумеет ли он повторить его?

Этого-то мы и добивались. Потом записали Орлика на следующую скачку — тысячу семьсот метров.

Это была скачка для двухлеток, с крупными призами. Мы не заявляли до последней минуты. Но, несмотря на это, новости просочились, и на ипподроме было рекордное количество зрителей и почти никаких ставок. Публика не отваживалась ставить против Орлика, но он ведь скакал раньше всего на тысячу двести, и никто не был уверен, что он покажет себя таким же дистанционером. А так как взаимные пари насчитывались единицами, владельцы ипподрома отнеслись к нам очень недружелюбно.

— Делай что хочешь,— сказал я Бену,— но только придержи его на старте!

— Придержу, если сумею.

Теперь Рыжий Орлик уже привык к лошадиной компании и мог принять старт совершенно спокойно. Когда решетка отскочила, Бен собрал повод, и лучшие двухлетки года успели выиграть у Орлика целый корпус, прежде чем он понял, что его провели. Когда он увидел лошадей *впереди*, он просто взбесился. Он обошел их далеким полем и догнал еще до того, как они поравнялись с трибунами. На первом повороте он был впереди на пять корпусов. На дальней прямой он еще надал, и толпа на трибунах тоже взбесилась. Когда он вышел на финишную прямую, ближе всего к нему оказалась стартовая решетка, которую рабочие еще не успели убрать с дорожки. Орлик круто обошел решетку, и тут, словно один ее вид взбесил его еще больше, он пошел во весь мах. Линию финиша он пересек, когда следующая лошадь была еще за поворотом. Ноги у меня подломились, я сел и заплакал. Он срезал *десять* секунд с мирового рекорда на тысячу семьсот метров.

Но с концом скачки безумие не улеглось. По всему миру заголовки на первых страницах газет вопили: «Новая чудо-лошадь перевернула весь ипподромный мир вверх ногами!» Но это выглядело как-то бледновато по сравнению с действительностью.

— В следующей скачке,— сказал я Бену,— они навалят

на него два мешка с овсом и стог сена.

Бен задумчиво глядел вдаль.

— Ты представить себе не можешь, что это такое — когда под тобой вся эта силища, а остальные лошади проносятся мимо тебя назад — фьють, и нету их. Знаешь что, Кост? Ведь он еще ни разу не выкладывался до конца.

— Порядок,— язвительно заметил я.— Мы выпустим его против «мерседесов» и «ягуаров».

Да, они-таки его нагрузили. Гандикапер назначил сто тридцать семь фунтов. Это был неслыханный вес для двухлетки, но я ожидал худшего.

Дома мы работали его потихоньку под ста тридцатью семью. Он будто бы и не замечал этот вес. В первый же раз, как только Бен дал ему волю, он побил свой собственный рекорд. Я следил за его ногами, но ни разу у него не было ни отека, ни повышенной температуры в области суставов.

Мы заявили его на следующую скачку. Перед скачками два дня лил дождь, и дорожка превратилась в грязное озеро. Многие думали, что «летучая лошадь», как его теперь называли, не повторит свой потрясающий галоп по грязи.

— Как ты считаешь?— спросил я у Бена.— По грязи ему скакать еще не приходилось.

— Черт побери, Кост, да этот жеребенок вообще не замечает, что у него под ногами! Он только чувствует, что сзади кто-то старается его обойти, и летит вперед, как ракета.

Бен был прав. Когда лошади в этот день приняли старт, Рыжий Орлик выстрелил вперед, как арбузное семечко, когда его сожмешь пальцами. Мгновенно окатив всю компанию грязью, он играючи оставил их позади, а на прямую вышел в полном одиночестве.

На нескольких следующих скачках выяснились три обстоятельства. Во-первых, у гандикапера даже нет такой мерки, чтобы вычислить вес, который должен нести Рыжий Орлик. Ему назначали сто сорок, потом сто сорок два, сто сорок пять, но Орлик по-прежнему выходил на финишную прямую один. Второе обстоятельство выяснилось после того, как Орлик выиграл под весом в сто сорок пять фунтов.

Следующую скачку он начал в одиночестве. Никто не хотел с ним состязаться. И в-третьих, Орлик всегда собирал самую многочисленную толпу во всей истории скачек.

В этом скаковом сезоне оставались две большие скачки. Они проводились через день, а между ипподромами было расстояние в тысячу миль. Судейские коллегии на обоих ипподромах не знали, что делать. Та скачка, на которую будет записан Рыжий Орлик, соберет самую большую толпу, но дохода не принесет — все как один поставят последние доллары на Орлика, а ведь касса обязана выплачивать по десять центов на доллар. Судейские приняли решение поступить по старинному присловью: «Можно остановить даже товарный поезд, если нагрузить его как следует». Рыжий Орлик должен был нести неслыханный дотоле вес — сто семьдесят фунтов. Так они надеялись обеспечить участие остальных владельцев в скачке, да ко всему подзаработать на участии Орлика — трибуны будут ломиться от публики.

Бен заупрямился:

— Я не позволю причинять ему вред, а этот вес его сломает.

— Прелестно!— сказал я.— Два потрепанных старых дурака, владеющие лучшей лошадейю в мире, останутся в своем старом ранчо среди бесплодного песка, с парой поддужных и остатками выигрышей от нескольких скачек.

— Я тебя понимаю,— сказал Бен.— Ты-то получаешь с этого только денежки, а мне придется скакать на нем.

— Ладно,— сказал я, пытаюсь отнестись ко всему философски.— Мне приходится смотреть на него, а это почти так же здорово, как скакать самому.— И схватил Бена за руку:— Как я сказал?

Бен выдернул руку:

— Ты что, спятил?

— Приходится смотреть!— процитировал я самого себя.— Бен, что происходит каждый раз, когда Орлик скачет?

— Он бьет рекорд,— ответил Бен не раздумывая.

— Он приводит в исступление несколько тысяч зрите-

лей,— поправил я. Бен посмотрел на меня:

— Ты думаешь, что люди будут платить только за то, чтобы увидеть скачку с единственным участником?

— Да ведь когда Орлик скачет, остальные просто не в счет. Соглашайся. Будем его записывать.

Мы заявили Орлика на предпоследнюю скачку в сезоне. Все было, как я ожидал. Остальные владельцы вышли из игры. Ни у кого не было лошади, которая могла бы поспорить с Орликом, даже несущим сто семьдесят фунтов. Все они переметнулись на последнюю скачку. Ни одна лошадь — даже сам Орлик, так они полагали — не сумеет выкладываться два дня подряд на двух ипподромах, между которыми тысяча миль расстояния. Две скачки с перелетом на самолете между ними — нет, такой сандвич не по зубам даже Орлику, и они чувствовали себя в безопасности.

Хозяева второго ипподрома были вне себя от радости. Никогда в жизни у них не было такого количества участников. А хозяев первого ипподрома едва не хватил удар. Они хотели переговорить с нами. Они предложили оплатить дорогу самолетом, и я прилетел.

— Согласны ли вы обсудить условия, на которых снимете свою лошадь?

— Нет, не согласен,— ответил я.

— Не пойдет публика на эту скачку,— взмолились они.— И даже ваша лошадь их не приманит.

А думали они в это время про десять центов на доллар.

— Вы сильно ошибаетесь,— сказал я им.— Объявите, что чудо-лошадь выступит без дополнительного веса на побитие собственного рекорда, и у вас будут полные трибуны.

Они не имели законного права отменить скачку, и им пришлось согласиться.

По дороге домой я заглянул к Карвейлерсу. Мы долго беседовали и заключили соглашение.

— Дело выгорит,— сказал я.— Я уверен.

— Верно,— согласился Карвейлерс.— Выгорит, но только вам придется уговорить Бена один-единственный раз выступить на нем с весом в сто семьдесят фунтов. Нам необходимо

до смерти перепугать всех лошадиников.

— Я его уговорю,— пообещал я.

Приехав домой, я отвел Бена в сторонку.

— Бен,— начал я.— Любая ковбойская лошадь несет больше ста семидесяти фунтов.

— Да, но эти лошади не скачут мило в минуту.

— И все же он сможет проскакать в полную резвость, неся сто семьдесят фунтов, и это ему не повредит.

— У ковбойских лошадей и бабки, и суставы, как у рабочей скотины. Они совсем не похожи на чистокровных верховых.

— Да ведь и Орлик не похож,— заметил я.

— К чему все эти споры? Ты уже договорился, что он будет скакать без дополнительного веса.

— Это в первой скачке.

— В *первой!* Уж не собираешься ли ты заставлять его скакать две скачки подряд?

— Собираюсь, и вторая будет его последней скачкой. Я больше никогда не буду просить тебя скакать на нем с таким весом.

— Ты бы постыдился вообще просить меня скакать с таким весом.

Тут до него дошло, что я сказал.

— *Последняя* скачка? Откуда ты знаешь, что это будет его последняя скачка?

— Я забыл тебе сказать, что разговаривал с Карвейлерсом.

— Так, с Карвейлерсом разговаривал. Ну и что?

— Бен!— умоляюще сказал я.— Поверь мне. Посмотрим, что Орлик сможет сделать под ста семьдесятю.

— Ладно уж,— проворчал Бен.— Но я не собираюсь его подгонять.

— Подгонять!— фыркнул я.— Ты пока что и удержать-то его ни разу не сумел.

Когда Рыжий Орлик легко пошел под этим весом, Бен удивился, а я нет. Бен проезжал его кентером* с неделю,

* Кентер (англ.) — легкий галоп.

пока набрался храбрости послать в резвую. Орлик по-прежнему бил все рекорды, кроме своего собственного. И чувствовал себя отлично.

Когда мы заявили его на вторую скачку, все, кроме пятирх владельцев, забрали свои заявки обратно. Эти пятеро знали, что у них лучшие скакуны сезона, если не считать нашего жеребенка. Они думали, что, если Орлик после скачки на побитие рекорда и перелета в тысячу миль пойдет под весом в сто семьдесят фунтов, с ним еще можно честно потягаться.

На первом ипподроме Орлик скакал один, без веса, перед битком набитыми трибунами. Публика вскакивала с мест и орала от восторга, когда рыжий вихрь несся по дорожке наперегонки со стрелкой громадного секундомера, который установили в середине поля вместо табло тотализатора. Бен боялся за исход следующей скачки и поэтому дал ему улучшить предыдущий рекорд всего на одну секунду. Но этого было достаточно. Публика безумствовала. А я был во всеоружии перед последним сражением.

Вторая скачка пришлась на ясный, солнечный день. Дорожка была отменная. Места на трибунах были все распроданы, и в середине поля стояла толпа. Ложи прессы были битком набиты репортерами, которые горели нетерпением сообщить миру, на что способна чудо-лошадь. Публика в этот день в подсказках не нуждалась. Она поставила на него все, до последнего доллара.

Да, теперь это стало уже достоянием истории. Рыжий Орлик под весом в сто семьдесят фунтов опередил самую резвую лошадь на пять корпусов. Толпа снесла все загородки перед трибунами, пробиваясь поглазеть на Орлика. Ипподром потерял целое состояние, и у трех владельцев были сердечные приступы.

Остальные созвали совещание и стали умолять, чтобы мы сняли нашу лошадь с испытаний.

— Джентльмены,— сказал я.— Мы вносим свое предложение. Вы вчера заметили, что сборы на выступлении Орлика были самые большие в истории ипподрома. Пони-

маете? Люди готовы платить за то, чтобы посмотреть, как Орлик скачет наперегонки со временем. Если вы гарантируете нам по два выступления в сезон на каждом из крупных ипподромов и шестьдесят процентов сбора, мы согласны никогда не заявлять Орлика в остальных скачках.

Это было настолько логичное решение, что они даже удивились, как это им самим в голову не пришло. Наше дело выгорело. Владельцы обычных лошадей могли надеяться, что к концу скачек их лошади по крайней мере будут где-то на финишной прямой. Владельцы ипподромов радовались, и не только потому, что публика снова могла играть на скачках, но и потому, что им текли денежки с каждого выступления Орлика — по сорок процентов сбора. Мы тоже радовались, потому что нам перепало еще больше. И в течение трех сезонов везде царила тишь да гладь. А вот за будущий год я не ручаюсь.

Я совсем позабыл рассказать вам о нашем договоре с Карвейлерсом. Мы с ним тогда обсудили малоизвестные данные о мутантах, а именно, что они передают свои новые признаки потомству. У Карвейлерса на коннозаводческой ферме пятьдесят кобыл, а Рыжий Орлик в заводской работе оправдал себя на сто процентов, так что в следующем сезоне пятьдесят лошадок, похожих на него как две капли воды, выйдут на скаковые дорожки. Хотите верьте, хотите нет, только скачут они точно так же, как их отец, и нам с Беном принадлежит по пятьдесят процентов в каждом из них. Бена немного беспокоит совесть, но ведь я специально оговорил, что мы не будем заявлять в скачках только самого Орлика.

Содержание

- 5   **Еремей Парнов. Песок и ветер.**
- 12   **Эрманно Либенци. Война ОМЯ.**
      Перевод с итальянского Л. Вершинина
- 20   **Теодор Старджон. Скальпель Оккама.**
      Перевод с английского Я. Берлина
- 45   **Хулио Кортасар. Маленький рай.**
      Перевод с испанского Ростислава Рыбкина
- 48   **Герберт В. Франке. Паразит поневоле.**
      Перевод с немецкого А. Холмской
- 51   **Борис Виан. Париж, 15 декабря 1999...**
      Перевод с французского Ростислава Рыбкина
- 55   **Фредерик Пол. Снежные люди.**
      Перевод с английского Вл. Ковалевского
- 66   **Айзек Азимов. Памяти отца.**
      Перевод с английского Р. Валиевой
- 73   **Салли Анн Пипи. Год Крокодила.**
      Перевод с английского Ростислава Рыбкина
- 79   **Джанни Родари. Пляжи в Комаккьо.**
      Перевод с итальянского Е. Молочковской
- 87   **Роже Мандершайд. Рай земной.**
      Перевод с немецкого Ростислава Рыбкина
- 96   **Каролин Бланш. Заповедник.**
      Перевод с французского И. Эпштейн
- 107   **Роберт Абернати. Пирамида.**
      Перевод с английского Вл. Ковалевского

- 140 Януш Зайдель. Псы Агенора.
Перевод с польского О. Бондаревой
- 149 Луис Бритто Гарсиа. Монополия мод. Реклама.
Перевод с испанского Ростислава Рыбкина
- 152 Роберт Шекли. Доктор Вампир и его мохнатые друзья.
Перевод с английского Норы Галь
- 165 Хуан Луис Эрреро. О, не гладь меня, венерианин!
Перевод с испанского В. Беликовой
- 175 Фернандо Акунья. Лев.
Перевод с испанского Ростислава Рыбкина
- 178 Ульф Мальмгрен. Три желания.
Перевод со шведского И. Бочкаревой
- 190 Серджи Туроне. Автомобилеизм.
Перевод с итальянского Л. Вершинина
- 195 Кодзи Танака. Девочка, которая пришла в мою деревню.
Перевод с японского Г. Дуткиной
- 206 Джеймс Блиш. На Марсе не до шуток.
Перевод с английского С. Васильевой
- 217 Збигнев Долецкий. Кристаллы.
Перевод с польского А. Игошиной
- 223 Жильбер Сесброн. Баобаб на улице Вожирар.
Перевод с французского Б. Маркова
- 236 Джордж Байрам. Чудо-лошадь.
Перевод с английского М. Ковалевой.

С42 Скальпель Оккама; Сб. зарубеж. фантаст./Переводы. Сост. Р. Рыбкина. Предисл. Е. Парнова.— М.: Известия, 1985.— 256 с. (Библиотека журнала «Иностранная литература»)

Сборник научно-фантастических рассказов зарубежных писателей посвящен актуальной теме охраны окружающей среды, ответственности людей за будущее нашей планеты.

С $\frac{4703000000-036}{074(02)-85}$ 77-85

**ББК 84. (О) 6
СБЗ**

СКАЛЬПЕЛЬ ОККАМА СБОРНИК ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ

Ответственный за выпуск *В. Перехватов*

Редактор *М. Ткачев*

Художественный редактор *С. Мухин*

Технический редактор *Г. Голосовская*

Корректор *Л. Шмелева*

ИБ № 940

Сдано в набор 25.03.84. Подписано в печать 9.08.84.
Формат 70×100/32. Бумага офсетная № 1. Гарнитура
«Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,4.
Уч.-изд. л. 12,31. Тираж 50 000 экз.
Зак. № 318. Цена 1 р. 40 к.

Издательство «Известия Советов народных
депутатов СССР». 103791, Москва, Пушкинская пл., 5.

Можайский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при
Государственном комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. 143200, Можайск,
ул. Мира, 93.

В этой книге собраны научно-фантастические рассказы писателей разных стран мира, объединенные общей темой: Человек и Природа. Проблема охраны окружающей среды приобретает сегодня особую остроту в капиталистическом мире, где хищническое разграбление природных ресурсов, загрязнение рек, морей и атмосферы могут уже в недалеком будущем привести к необратимым изменениям природной среды, разрушению важнейших ее взаимодействий и связей, создавая тем самым угрозу самому существованию человечества. И где бы ни происходило действие собранных в книге рассказов, на Земле или в космосе, в близком или отдаленном будущем, все они проникнуты острой тревогой за будущее нашей планеты, за судьбу живущих на ней людей. В сборнике представлены произведения признанных мастеров жанра научной фантастики — Айзека Азимова, Роберта Шекли, Герберта Франке, Януша Зайделя, а также писателей, лишь начинающих приобретать известность.

